

ИЗБОРСКИЙ КЛУБ

русские
стратегии

№ 2 февраль 2013

Россия: военный вектор

Быть цивилизацией!

Если завтра война?

Наука побеждает

Бой будущего

Современная и будущая система безопасности России в первую очередь зависит от адекватности действий российского руководства в оценке внешних и внутренних угроз.

Содержание:

- 2** Александр ПРОХАНОВ.
Мы – Изборское братство
- 8** **Армия России: если завтра война?**
(круглый стол Изборского клуба)
- 28** **Россия: военный вектор**
(экспертный доклад)
- I. Системно-динамическая оценка угроз для национальной безопасности Российской Федерации (стр. 32)
- II. Оценка прошедшего этапа военной реформы и формирование новых подходов в её совершенствовании (стр. 41)
- III. Перспективные военные технологии и войны будущего (стр. 55)
- IV. Заключение (стр. 60)
- 62** **Быть цивилизацией!**
(беседа Александра НАГОРНОГО с Леонидом ИВАШОВЫМ)
- 72** Александр ВЛАДИМИРОВ.
Наука побеждать
- 80** Андрей ЖУКОВ.
Футурология войны
- 86** Сергей КАНЧУКОВ.
Бой будущего
- 94** Анатолий ГРИГОРЬЕВ.
Армия и культура
- 100** Владислав ШУРЫГИН.
Время генерала Хрулёва
- 106** **Библиотекарь**
- 109** **Хронология мероприятий клуба**
- 110** **Война и любовь Виктора Верстакова**
(стихи)

Ежемесячный журнал «Изборский клуб» № 2 февраль 2013 года

Главный редактор – Александр ПРОХАНОВ
Заместитель главного редактора – Александр НАГОРНЫЙ
Заместитель главного редактора – Виталий АВЕРЬЯНОВ
Художник – Василий ПРОХАНОВ
Вёрстка – Дмитрий ВЕРНОВ
Корректор – Елена АКСЁНОВА

Фотографии на обложках: 1-я – Василий ПРОХАНОВ,
3-я – Александр ПРОХАНОВ, 2-я и 4-я – Сергей АЛЕКСАНДРОВ

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Изборский клуб» обязательна.

Адрес редакции: Москва,
Олимпийский проспект, 16, стр. 1.
Офис Изборского клуба.
Телефон: (495) 937 78 65.
E-mail: redaction@izborsk-club.ru
Интернет-сайт www.izborsk-club.ru

Подписано в печать: 12.02.2013.
Отпечатано в типографии ООО «Арт-Холдинг «Медиаарост»
Тираж 999 экз.

/Александр ПРОХАНОВ/

Мы — Изборское братство

Фотографии: Василий ПРОХАНОВ

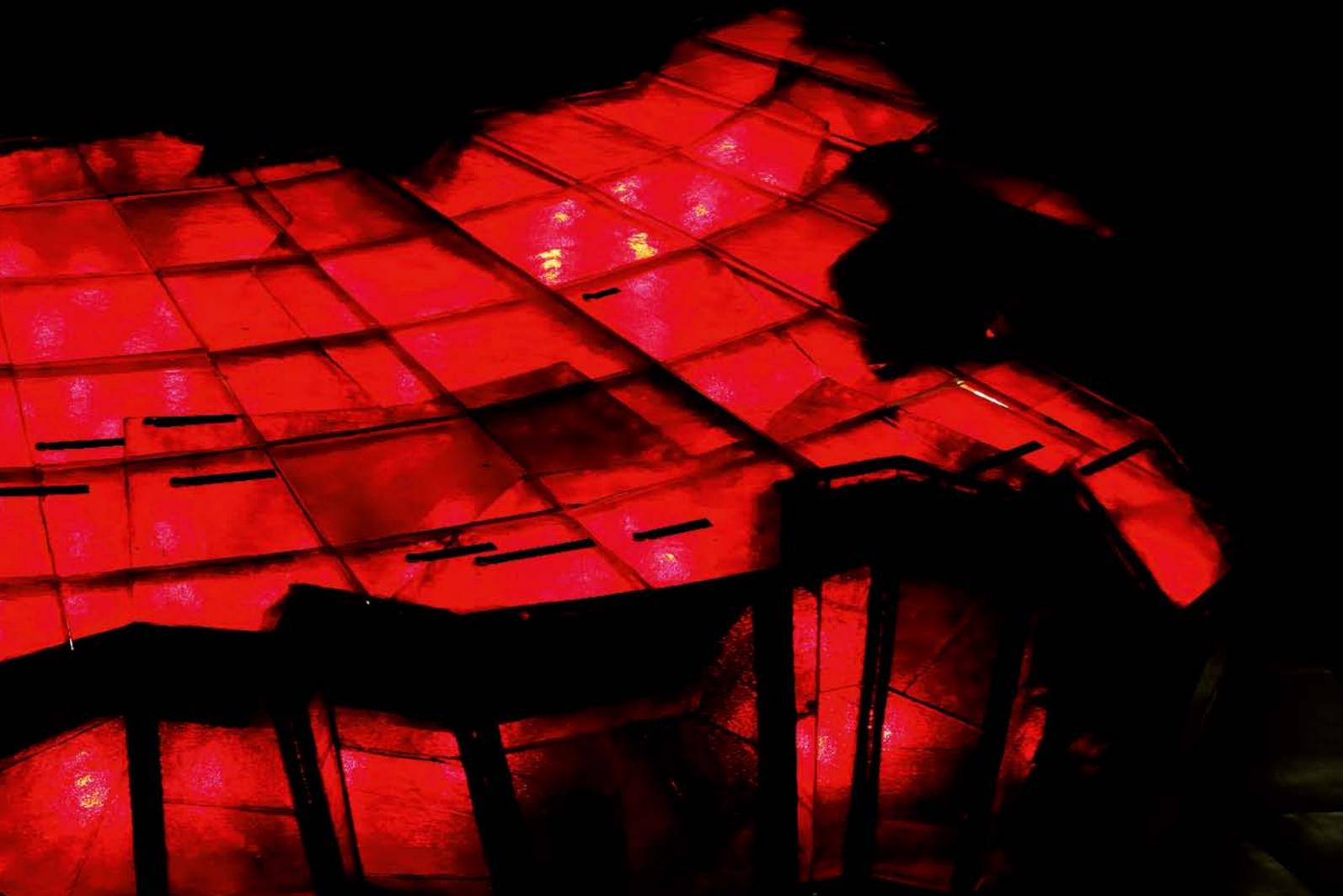
Наша миссия – возвращать хрупкий и робкий кристалл русской государственности

СОЗДАТЬ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ

Собравшийся в Изборском клубе ареопаг — явление не случайное. И те люди, которые в нём оказались, — это результат сложнейшей трансформации времени, страны, каждого

из нас. Наш клуб — не любительское объединение, а стремление дать ответ на мощные, грозные вызовы, которые брошены сегодня нашему государству, нашей Родине.

Президент Путин заявил о том, что России — сегодняшней и завтрашней — нужна идеология. И это после того, как все последние двадцать

лет нам внушали, что идеология обществу не нужна, что идеология — это пережиток прошлого. После того как мы оказались окружёнными мощными идеологизированными государствами, которые живут и выстраивают свою историческую практику под идеологии: Китай, Турция, Иран, объединяющаяся Европа, Америка. И в этом ансамбле Россия — страна без идеологии.

Путин сказал, что в мире происходит жестокая схватка идеологий, то есть видений мира, его концепций. И в этой схватке Россия оказывается почти слепой. У неё нет идеологического поводья. Также было сказано, что на сегодняшнюю Россию оказывается

мощнейшее идеологическое воздействие, сама по себе Россия является полем брани, где решаются судьбы её народа, её исторического суверенитета. Поэтому выработка идеологии — это не каприз, а насущное и, к сожалению, с большим опозданием предпринимаемое действие. Говоря о состоянии оборонно-промышленного комплекса и вооружения, *президент* сказал, что нам необходимо совершить рывок, что Россия — в преддверии очень грозных веяний, существующих в мире. Мы находимся накануне геополитической катастрофы и, может быть, крупной войны, которая приближается к нашим рубежам, к нашим границам. По мнению Путина, этот рывок должен быть подобен тому,

что был совершён нашей страной в тридцатые годы. И эти слова вызвали дикое раздражение либеральной среды.

Наш клуб, наш ансамбль — это лаборатория, где мы будем выстраивать, создавать идеологию русского государства, исследуя глубинные коды русской истории и русской государственности. Наш клуб — это институт, который будет стремиться обосновать и создать теорию рывка, стратегию, концепцию этого рывка. И наш клуб — это военная мастерская, где мы станем создавать идеологическое оружие, которое будет немедленно направлено в бой. Потому что сегодняшняя Россия — это поле боя, где будут сшибаться идеологии.

Люди, представленные в нашем клубе, — очень сложный и уникальный ансамбль. Это политики, историки, политологи, художники, философы, технократы, концептуалисты. Это

Речь идёт о создании новой страны на пепелище, оставленном либералами после истребления СССР. Глубинные коды этой страны совпадают с кодами «красной» империи, кодами «белой» православной империи, с кодами Московского царства и древней Киевско-Новгородской империи. Будущая Россия рождается в потоке непрерывной русской истории.

священники, люди духовного мира, потому что технологический и политический рывок невозможен без того, чтобы он не освящался райскими смыслами. Теми смыслами, с которыми жила русская история, жил русский народ на протяжении всей своей длинной исторической синусоиды, длящейся в настоящем и уходящей в будущее. Райский смысл, свет Фаворский, необходим заводам, необходим гарнизонам, офисам, партиям, необходим семьям, каждому из нас.

Я счастлив, что мы собрались, что мы единокорны, что, при всей суверенности каждого, всех нас объединяет одна идея, одна мечта, одно страдание, одна любовь — это наша Родина.

О СТРАТЕГИИ РЫВКА

Идеология оформляет проект, меняющий контуры страны, а порой и мира. Китай имеет идеологию Большого Проекта. Иран имеет

идеологию Большого Проекта. США имеют идеологию Большого Проекта. Объединённая Европа имеет идеологию Большого Проекта. Россия не имеет ни идеологии, ни Большого Проекта. Это обрекает Россию на стратегическое поражение.

Президент Путин заявил, что в условиях, когда нарастает угроза «большой войны», когда армии крупных держав стремительно перевооружаются, Россия обязана совершить рывок. В кратчайшие сроки воссоздать оборонно-промышленный комплекс и сконструировать лучшее в мире оружие. Для этого страна выделяет баснословные деньги — триллионы рублей.

Они пойдут на строительство новых заводов, закупку современных станков, возвращение нового рабочего класса, воспитание нового «инженерного корпуса», возрождение научных школ. Подобные преобразования захватывают всё общество, все территории, по сути, всё население. Возникает долгожданное «общее дело», в котором люди вновь соединяются в дееспособный, творящий свою историю народ.

Речь идёт о создании новой страны на пепелище, оставленном либералами после истребления СССР. Глубинные коды этой страны совпадают с кодами «красной» империи, кодами «белой» православной империи, с кодами Московского царства и древней Киевско-Новгородской империи. Будущая Россия рождается в потоке непрерывной русской истории.

Создание современного оружия равносильно сотворению новой русской цивилизации, на которую посягает внешний противник, тот, что «поджигает» страну за страной, приближая пожар войны к рубежам России. С ним заодно действует противник внутренний — «оранжизм», готовый срезать не только кремлёвское руководство, но и саму российскую государственность. Внешний и внутренний противники взаимосвязаны, действуют в русле единой антироссийской стратегии. Это позволяет соединить их в образ «единого врага».

Существование «общего дела» и «образа врага» является основой для «мобилизационного проекта», «мобилизационного рывка».

Русское оружие защищает не только русские пространства, города и недра, но само русское мессианство, идею вселенской справедливости, мечту о земном рае, которая воплощалась в народных сказках, учении старцев, коммунистической утопии. Вершиной русского мессианства была победа над фашизмом в сорок пятом году, когда Россия принесла христову

жертву в тридцать миллионов своих сыновей. Победа сорок пятого года — святая. Русское оружие — это святое оружие.

Суть мобилизационного проекта — концентрация ограниченных ресурсов, которые усилиями сконцентрированной власти направляются в «центры развития», где тратятся с максимальной эффективностью.

Этот рывок сопровождается мерами, описанными теорией «мобилизационного развития».

Одна из этих мер — создание «гвардии развития», носителей идеи развития, пассионарной «элиты возрождения», оттесняющей «элиту упадка». Это «орден меченосцев», собравший в себя людей служения, творцов и героев. Не уличных горлопанов, не талантливых фигляров, а людей, поднимающих в небо «истребитель пятого поколения», сберегающих фрески рухнувшего храма, воюющих с боевиками в горах Кавказа, проектирующих «города будущего». Такая гвардия становится лидером

развития, лидером народа, интеллектуальным штабом «проекта».

Пропаганда и культура становятся инструментом, с помощью которого оживляются задушенные коды русского народного сознания, глубинные представления о государственном служении, историческом творчестве, героическом русском мессианстве. Вновь в центр идеологии становятся Герой, Подвижник, Творец. Православная церковь одухотворяет народный порыв, ограничивает произвол власти, кладёт нравственные пределы насилию, возможному в «режиме мобилизации».

«Экономика рывка», «внешняя и внутренняя политика рывка» — особые разделы «мобилизационного проекта». Экономический уклад, при котором все ресурсы, все финансы перекачиваются в чужие цивилизации и превращают Россию в колонию, — этот олигархический уклад будет сломлен. Финансовые потоки крупных корпораций будут развёрнуты и направлены в русское развитие.

«Мобилизационный проект» предполагает подавление противников развития, подавление «внутреннего врага», реализующего стратегию врага внешнего, для которого сильная, консолидированная, технически и морально оснащённая Россия неприемлема. «Организационное оружие» противника должно быть выбито из его рук. Партия нового типа — это «организационное оружие», предназначенное для идеологических и политических схваток.

«Идеология рывка» вписывается в метафизику русского исторического пути, с историческими взлётами и падениями в пропасть, с «пасхальным воскрешением», которое православным сознанием трактуется как проявление Русского Чуда. Православная церковь, традиционный ислам, наряду с национально ориентированными технократами и силовиками, политиками и художниками, являются неотъемлемой частью «гвардии развития».

Весь комплекс представлений о «стратегии рывка» составляет философию Русской Победы, той, которая была одержана в середине XX века, в прежние века и неизбежно восторжествует в XXI веке. Сделает его «русским веком».

Во имя этого создан Изборский клуб, соединивший в себе патриотически мыслящих историков и философов, экономистов и футурологов, социальных психологов и художников. Им надлежит создать проект русского возрождения, сконструировать «организационное оружие» и вложить его в руки российских государственников.

ОТ ВАЛДАЯ ДО ИЗБОРСКА

Но где он, путинский долгожданный рывок? Где гулы дрогнувшего и проснувшегося русского континента? Где летящие в небе новые русские самолёты? Где воскресшие из пепла русские городки и селения? Где многодетные русские семьи, русские нобелевские лауреаты, композиторы новых русских симфоний, живописцы новых русских побед? Где светлые силы, вера и радость в русских глазах?

Продолжается гниение, и повсюду его следы. Пена «Пусси Райот», брызнувшая в каждый русский дом, — это гниение. Хоровод прокуроров и следователей вокруг Удальцова — это гниение. Сердюков в окружении воровок и любовниц — это гниение. Вальжный священник на иномарке с дипномерами, сбивающий женщин, — это гниение. Миллиарды долларов, утекающие из русской казны в офшорные зоны, где их поедают ненасытные олигархи, — это

гниение. Телекамеры, снимающие в профиль и анфас яйцеклетку примадонны, — это гниение. Партия Прохорова, возникшая на костях норильских эков, — это гниение. Финансовые схемы Шувалова, о которых с отвращением пишут зарубежные газеты, — это гниение.

Русскому человеку приходится выбирать между Сердюковым и Удальцовым. И когда он, не в силах осуществить этот выбор, кидается в поисках «третьей силы», там его встречает Прохоров со своими несправедливыми миллиардами. Так и живёт русский человек в этом «бермудском треугольнике» безысходной политики.

И вот среди этих знаков гниения в Петербурге в отеле «Марриотт» собрался Валдайский клуб. Великолепное детище Сергея Караганова, поразительный ансамбль политологов, экономистов, политиков, культурологов, представителей мировых университетов и академических школ, собрание знаменитостей со всех континентов... Раз в год всё это блистательное сообщество собирается на свою ассамблею, где обсуждается очередной доклад, посвящённый русской судьбе. Клуб «Валдай» — уникальное явление, которым следует дорожить. Караганов умеет придать ему блеск и респектабельность. Восхитительный балет «Жизель» в Мариинском театре предшествовал заседанию клуба, что придавало собранию рафинированный эстетизм. Роскошный приём, устроенный губернатором Полтавченко, — это признак высокого статуса, государственной важности, которую усматривает в деятельности клуба власть.

На этот раз обсуждались экономические доклады, где исследовались перспективы русского развития на ближайшие несколько лет. Выступали англичане и немцы, поляки и китайцы, высоколобые российские либералы и утончённые французские аналитики. И почти во всех выступлениях звучала единая мысль: у России нет перспектив, она обречена на гниение, на распад. Словно её политическое устройство, её лидеры, её правящий класс, бизнес и сам народ существуют последние годы, а затем канут в чёрную дыру истории. С этими суждениями и выводами иностранные члены клуба отправились к Путину и поделились с ним своими невесёлыми выводами.

Путин встретил их вяло и сухо. Оживлённой, как в прежние годы, дискуссии не получилось. Путин, выслушивая валдайских мыслителей, явно скучал, и сами они явно скучали. Путин подтверждал свою приверженность прежнему курсу, обещал удерживать инфляцию, сжимая денежную массу. Обещал и впредь обильные нефтедоллары закачивать в стабилизационные

«Идеология рывка» вписывается в метафизику русского исторического пути, с историческими взлётами и падениями в пропасть, с «пасхальным воскрешением», которое православным сознанием трактуется как проявление Русского Чуда.

фонды, чтобы в случае кризиса перебросить оттуда деньги в гибнущие банки и корпорации. Всё, как и прежде: обыденно, тривиально, спокойно, без всякой надежды на мощный экономический рост.

О заседаниях Валдайского клуба, о золотых ложах Мариинского театра, о креветках на приёме Полтавченко, о великолепном шёлковом галстуке Караганова, о печальном лице Владимира Путина, вяло внимавшего речам Александра Рара, — обо всём этом можно было бы забыть на целый год до следующего заседания клуба, если бы на Валдайском форуме не присутствовало несколько представителей клуба Изборского.

Сергей Глазьев выступил с критикой современной экономической политики России, утверждая, что нефтедоллары следует не складировать мёртвым грузом в саркофагах Стабилизационного фонда, а немедленно направлять в развитие, в создание новой индустрии и новой инфраструктуры.

Михаил Делягин, как всегда пылко и с лёгкой издёвкой, критиковал критерии, по которым западные экономисты и их либеральные российские собратья оценивают экономические перспективы России.

А ваш покорный слуга в эпатирующей форме заявил, что экономические теории и экономические практики, реализуемые в России с девяносто первого года, действительно не оставляют для страны никаких перспектив. И заменой этим смертоносным теориям и практикам может служить стратегия рывка — незамедлительного в условиях трагического отставания России, которая оказалась безоружной и голой перед лицом грозных — в том числе и военных — опасностей.

Такой стратегии рывка Изборский клуб посвятил доклад, который вскоре был представлен на суд общественности и руководства страны. Заблестят ли глаза у Путина, когда он прочтёт этот доклад? Услышим ли мы в его голосе интонации лидера и преобразователя Родины? Услышим ли мы отдалённые гулы неизбежной русской победы?

Армия России: если завтра война?

Фотографии: Василий ПРОХАНОВ

Третье заседание Изборского клуба, посвящённое проблемам национальной безопасности и обороноспособности России, прошло 19 ноября на новейшем оружейном заводе «ОРСИС», выпускающем лучшее в мире высокоточное стрелковое оружие. Выдержки из выступлений участников этого заседания мы предлагаем вниманию наших читателей.

Александр ПРОХАНОВ,
писатель, главный редактор газеты «Завтра», председатель Изборского клуба:

— Товарищи генералы, товарищи адмиралы, товарищи офицеры, дорогие друзья!

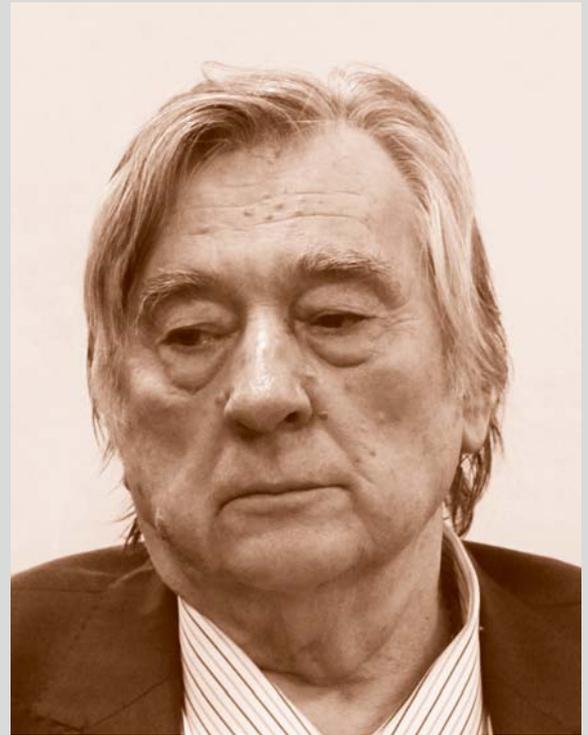
Наш Изборский клуб — это молодое образование, собрание патриотически настроенных интеллектуалов: историков, философов, экономистов, политиков, художников, концептуалистов, конфликтологов, военных. О таком собрании мы мечтали на протяжении всех чудовищных лет, когда в интеллектуальной сфере господствовало либеральное сознание, либеральные мифы, модели. Итоги этих либеральных теорий и практик очевидны: мы находимся в состоянии перманентной беды.

И вот через двадцать с лишним лет политическое руководство страны готово поддержать — может быть, не начинания, но, во всяком случае, идеи — и выслушать патриотически настроенные слои российского общества, которые мы отчасти представляем.

Мы уже подготовили для политического руководства страны первый доклад, который посвящён стратегии рывка, — о нём говорил Путин. Рывка, который, как было сказано, должен напоминать тот, что совершил Советский Союз в 30-х годах прошлого века, чтобы перед лицом угроз наверстать упущенное.

Наша сегодняшняя встреча посвящена этим угрозам. Военные угрозы — колоссальны, степень неподготовленности нашей армии к ним очевидна, и необходимо выслушать вас, людей компетентных в оборонных проблемах, в алгоритмах их постановки и решения. Ваши суждения лягут затем в основу доклада о возможностях страны в этой области.

Главная задача, с которой мы вышли на политическое руковод-

Александр ПРОХАНОВ, писатель, главный редактор газеты «Завтра», председатель Изборского клуба

ство, — это задача сформулировать идеологию сегодняшнего российского государства, которая отсутствует. Более того, все эти 20 лет ей возбраняли формулироваться. А сегодняшний мир — это мир не просто военных, но идеологических схваток. И Россия перед лицом мощнейших идеологизированных стран и конструкций (таких как Евросоюз, США, Турция, Иран, Китай) безоружна во всех отношениях.

Шамиль СУЛТАНОВ,
конфликтолог, президент Центра стратегических исследований «Россия — Исламский мир»:

— Объективные противоречия современного мирового хозяйства, которые стали результатом драматического кризиса глобальной экономики массового производства и массового потребления, которая сформировалась на технологиях пятого технологического уклада, делают неизбежной «большую войну».

Механизм глобальной экономики последние 10–15 лет про buckсовывает. Налицо дефицит природных ресурсов, непрекращающийся рост огромных государственных, корпоративных и социальных долгов, стремительное размывание среднего класса – социальной основы модели массового потребления, тотальный рост бедности, критическая глобальная социально-экономическая дифференциация и т.д.

Та социально-экономическая структура «неокапитализма», которая сложилась в 40-е и 50-е годы XX столетия, перестала соответствовать быстро изменяющимся экономико-технологическим тенденциям. Альтернатива предельно проста: или война, или революция!

На эту систему постоянно усложняющихся проблем накладывается всё более неуправляемый кризис в сфере межукладных противоречий. Начался переход к 6-му технологическому укладу, причём в этом процессе абсолютно лидируют США. Но, с одной стороны, сам этот переход вызывает растущую глобальную напряжённость, поскольку социумы

большинства стран по-прежнему жёстко привязаны к 5-му укладу. С другой стороны, даже в Соединённых Штатах социальные, рыночные, правовые, политические структуры не приспособлены для тех кардинальных изменений, которых требуют технологии 6-го уклада.

Если вспомнить недавнюю историю, то именно войны 30–40-х годов XX века дали основной толчок формированию новых экономических, социальных и политических систем, которые приспособили общества к изменениям, вызванным технологиями 5-го уклада. Однако сегодня ситуация гораздо сложнее.

Прежде всего речь идет о субъективном факторе. Повсеместно происходит неуклонное возрастание и усиление стратегической неопределённости. Это означает, что лидеры, элиты, правящие классы, научные и экспертные сообщества на самом деле просто не знают, что будет завтра и как реагировать на принципиально непредсказуемые вызовы. Цивилизационный кризис – это уже сформировавшаяся реальность. Появление альтернативных цивилизационных проектов, новых системных идеологий, принципиально новых лидеров – дело ближайших 10–15 лет. Но в истории конкуренция между макропроектами всегда проходит под знаком императива: «или – или». Следовательно, и с этой стороны «большая война» становится неизбежной.

Вообще, на протяжении последних 250–300 лет нарастание циклических противоречий капитализма обязательно приводило к некоей «большой войне» внутри 60-летнего цикла.

Если же говорить о конкретных трендах, которые подтверждают вывод о скачкообразном нарастании вероятности «большой войны», то этот процесс, во-первых, проявляется в уско-

ренности качественной и количественной гонки вооружений в последние 5–7 лет; а во-вторых, происходит обострение негласной, однако весьма жёсткой конкуренции мобилизационных проектов. Прежде всего – американского и китайского, но не только. Эффективность мобилизационных проектов в решающей степени определяется уровнем консолидации национальной элиты, интегрированности социума, наличием государственной воли для адекватного реагирования на угрозы, вызовы, риски и т.д. Наконец, в-третьих, возрастает роль и влияние военно-разведывательной элиты в рамках правящего класса США и КНР. Причём понятие «разведка» в данном случае необходимо трактовать расширительно – как основной тип т.н. «умного оружия».

Каков может быть образ «большой войны», прежде всего – в отношении нашей Родины? Каков может быть наиболее адекватный пример или аналог такой войны?

Если размышлять и говорить о предстоящей «большой войне», то это, прежде всего, не ракеты, не танки и не подводные лодки, а сложные системные процедуры и технологии воздействия на управляющие центры противника. То есть приближающаяся «большая война» во многом станет закономерным продолжением войны 80-х годов, однако с куда более драматическими последствиями.

Парадоксально, но у нас не было и нет адекватного анализа причин стратегического поражения в 80-е годы, нет соответствующего детального документа, нет соответствующей имитационной модели. В любом случае такой системный, многофакторный анализ должен был стать одной из главных задач Совета безопасности РФ. Но не стал. Хотим мы того или нет, но надо

Константин СИВКОВ, первый вице-президент Академии геополитических проблем, доктор военных наук

Шамиль СУЛТАНОВ, конфликтолог, президент Центра стратегических исследований «Россия — Исламский мир»

констатировать, что из стратегического поражения Советского Союза так и не были извлечены соответствующие уроки. Поэтому повторение многих фатальных ошибок 80-х практически неизбежно.

Период, в который мы вступили после 2007 года, скорее напоминает ситуацию 80-х, чем положение в 30-е годы. С точки зрения стратегических императивов необходимо скорее готовиться к жёсткой конфронтации, более сходной с тотальной войной против СССР в 80-е годы, чем с Великой Отечественной войной.

Константин СИВКОВ,

первый вице-президент Академии геополитических проблем, доктор военных наук:
— Основными аспектами, определяющими характер любой войны, являются: состав её участников, цели, преследуемые ими в этой войне, и решаемые ими задачи, применяемое оружие, основные этапы, факторы, определяющие развитие и возможные варианты исхода войны.

Мировая война, безусловно, будет коалиционной. Состав коалиций будет определяться приверженностью конкретных стран (точнее их элит) к той или иной модели «нового мирового порядка».

Сегодня ядро первой коалиции уже сформировано не только политически, но и военно-политически — в виде блока НАТО.

Чётко осмыслена и его глобальная цель в новой мировой войне: установление мирового господства, «однополярный мир».

В частности, эта цель заявлена в Стратегии национальной безопасности США как «достижение гарантированного доступа ко всем жизненно важным для США районам мира», прежде всего — ресурсосодержащим, то есть установление контроля над ними. Элиты стран этой коалиции, назовём её «западной», чётко, прежде всего — на духовном уровне, представляют себе основного противника, в качестве которого на данном этапе в первую очередь определены исламская и православная цивилизации.

Сообщество стран, стремящихся к многополярному мировому порядку, которые могут составить вторую коалицию, пока ещё не осознано даже общности своих геополитических интересов, не говоря уже о каком-либо структурном — политическом или тем более военно-политическом — их оформлении. Некоторым прообразом таких структур могут служить ШОС и ОДКБ: на данном этапе — весьма рыхлые и малоэффективные организации. Нет сегодня и чётко разработанной, всеми признанной модели «нового мирового порядка» в варианте многополярного мира.

Учитывая решительность целей сторон в предстоящей мировой войне, следует ожидать, что в её ходе найдут применение все виды современных вооружений и военной техники, включая оружие массового поражения.

Информационное оружие будет применяться на всех этапах подготовки и развития мировой войны в мирное и военное время, что определяется высокой скрытностью его воздействия на противника и отсутствием международно-правовой базы, эффективно регламентирующей его применение.

Обычные вооружения будут применяться сторонами в полном объёме с началом боевых действий. Условием для этого будет создание хотя бы минимальной морально-психологической и нормативно-правовой базы.

К основным видам неядерного оружия массового поражения (ОМП), которое может быть применено в возможной мировой войне, относятся химическое и биологическое.

Возможность скрытного применения биологического оружия, особенно новейших его образцов, позволит применять его не только в ходе боевых действий, но и в мирный период. Другой важнейшей особенностью этого

вида ОМП является относительно низкий порог применения.

Особо следует отметить, что так называемые террористические организации могут применять неядерное ОМП как одну из форм своей борьбы. При этом не исключено, что такие инциденты будут использоваться противоборствующими сторонами как предлог для развязывания и дальнейшей эскалации собственно военных действий, как это мы видели на примере США после событий 11 сентября 2001 года.

Ядерное оружие является на сегодня самым мощным ОМП, которым обладает ограниченный круг стран «ядерного клуба», а также ряд государств, которые, формально не входя в этот «клуб», тем не менее обладают ядерным оружием (в частности, сегодня это Израиль, Индия, Пакистан, в будущем, вероятно, – Иран и Северная Корея).

Применение ядерного оружия в мировой войне, вероятнее всего, будет иметь чрезвычайно

ограниченный масштаб, главным образом – с целью устрашения противника и его отказа от дальнейшей эскалации либо продолжения военных действий.

Крупномасштабное применение ядерного оружия маловероятно (хотя полностью не исключается) – в связи с тем, что это будет означать национальную катастрофу для стран, обменявшихся массированными ядерными ударами, с вероятным исчезновением их с лица Земли как государственных образований.

США и страны ЕС, судя по высказываниям их представителей, продолжают вести политику на укрепление своего доминирования в мире с возложением на другие страны (естественно, в закамуфлированном виде) обязанности обеспечивать их процветание за счёт своих ресурсов и принести в жертву этому развитию и процветание своих народов.

Противоречия внутри данного сообщества (в частности, между США и отдельными странами ЕС) носят неантагонистический ха-

рактер и, судя по всему, связаны с разделом сфер влияния в «новом мировом порядке», предполагающем господство западной коалиции над остальным «нецивилизованным» миром. Потенциал этого сообщества в организационном и техническом отношении позволяет ему рассчитывать на ведение успешных вооружённых конфликтов в мировой войне.

Основными военными проблемами Западной коалиции остаются высокая чувствительность к потерям личного состава вооружённых сил и неготовность населения этих стран к войне, что определяется в значительной степени отсутствием идеологии войны, а также, по сравнению со всем остальным миром, ограниченные природные ресурсы, территория и людской потенциал.

Неготовность этих государств в моральном и идеологическом отношении ставит под сомнение успех их коалиции в затяжной войне.

Страны, не входящие в состав Западной коалиции, сегодня ни в организационном, ни в техническом отношении не готовы к полномасштабному военному противостоянию с ней.

Вместе с тем они имеют подавляющее превосходство в людском потенциале, более высокий по сравнению с Западной коалицией моральный потенциал, а также контролируют огромные территории и природные ресурсы. Что существенно повышает шансы данного сообщества государств на победу в затяжной войне, а также создаёт благоприятные условия для организации отпора агрессору на первых этапах войны, в том числе и на основе подъёма народного сопротивления в случае разгрома их вооружённых сил, а также практически исключает возможность одновременных геополитических ударов по всем направлениям, создавая резерв времени для консолидации стран,

не являющихся членами Западной коалиции, в антиимпериалистический блок, а также для поддержки тех стран, которые окажутся первыми жертвами агрессии со стороны Западной коалиции.

Таким образом, ни одна из возможных сторон на сегодняшний момент к участию в мировой войне полноценно не готова...

Но это совершенно не означает, что новая мировая война не будет развязана. В рамках короткого выступления сложно охватить всю тему, замечу лишь, что расчёты показывают: мировая война, если она всё-таки будет развязана, затронет большую часть населения мира, охватив практически все континенты, океаны и моря. По продолжительности она может занять от 6–7 до 25–30 лет. Собственно, в военных действиях одновременно могут принять участие более 100 миллионов человек с обеих сторон. Суммарные демографические потери населения мира могут превысить миллиард человек.

Поэтому мы должны сделать всё возможное, чтобы не допустить подобного развития мировой ситуации. И особая роль здесь принадлежит нашим, российским Вооружённым силам.

Александр РУКШИН,
генерал-полковник, начальник главного оперативного управления Генерального штаба ВС РФ, заместитель начальника Генерального штаба (2001–2008 гг.):

— В 1992 году, почти сразу после распада Советского Союза, было объявлено о начале военной реформы, которая с тех пор фактически непрерывно идёт уже двадцать лет. Каждый новый министр обороны, а их за эти годы в России сменилось четверо, заявлял об очередном этапе реформы российской армии. Полагаю, сегодня уже настал момент, когда необходимо, наконец, остановить

ся и понять, к чему же мы в итоге пришли? В корабельном уставе ВМФ есть такая команда «Стоять! Осмотреться в отсеках!», которую обычно подают в чрезвычайной ситуации, чтобы понять, в каком состоянии находится корабль. Сегодня, на мой взгляд, самое время подать эту команду в масштабе всех Вооружённых сил. Необходимо понять, в каком же, собственно, состоянии они находятся, что сделано, каковы итоги предыдущих этапов и куда двигаться дальше?

Реформирование Вооружённых сил и обеспечение безопасности государства зависит, прежде всего, от позиции военно-политического руководства страны и его отношения к этой безопасности. Хотим мы или не хотим, но реформировать Вооружённые силы без политической воли невозможно. Необходимы чёткие задачи, поставленные высшим руководством страны для практических шагов в этом направлении. Нужна чёткая военная доктрина, которая определит вероятные военные угрозы и их масштабы, — чтобы понять, к какой войне нужно готовиться государству. Должны быть определены возможные затраты государства на отражение той или иной агрессии. На основании этих расчётов уже можно будет определить, какие конкретно Вооружённые силы нам нужны для отражения той или иной агрессии: по количеству личного состава, по количеству и номенклатуре вооружения и военной техники, по запасам различных материальных средств, по людским ресурсам мобилизационной составляющей и т.д.

Сегодня сложилась парадоксальная ситуация. Курс на создание компактной, ресурсонезатратной для государства армии привел к тому, что в настоящее время численность наших Вооружённых сил сократилась до миллиона человек. На мой взгляд, это решение было принято только исходя из ресурс-

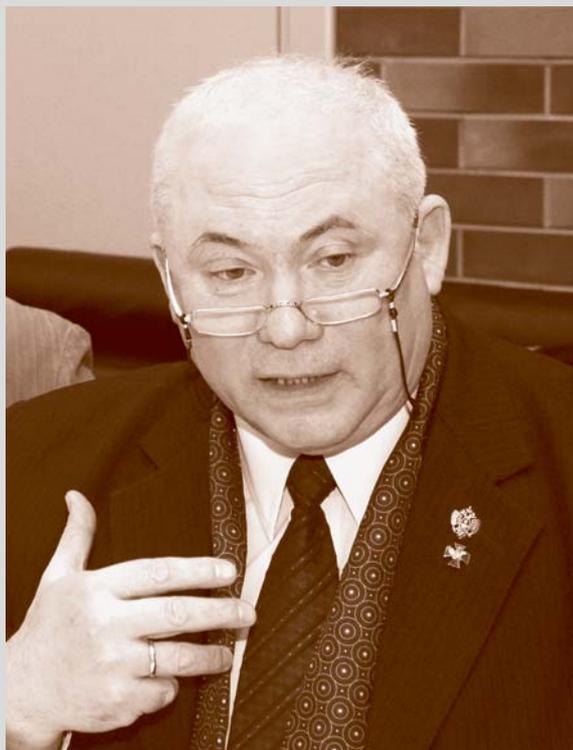

Александр РУКШИН, генерал-полковник,
начальник главного оперативного управления
Генерального штаба ВС РФ, заместитель начальника
Генерального штаба (2001-2008 гг.)

ных возможностей и совершенно не учитывает вероятные угрозы нашему государству.

Можно согласиться с тем, что в ближайшем обозримом будущем ждать угрозы развязывания вооружённого конфликта или угрозы крупномасштабной войны в европейской части нашей страны маловероятно. Мы прекрасно понимаем, что западные страны, входящие в НАТО и Европейский союз, и США — это развитые государства с высочайшим уровнем жизни населения, и терять всё это, ввязываясь в масштабную войну, в том числе с Россией, им нет никакого смысла. Тем более что сегодня эта группа стран получила практически неограниченный доступ к экономическим и природным ресурсам во всех регионах планеты и не имеет каких-либо критических проблем в этой сфере.

В Центральном районе вероятность крупномасштабного вооружённого конфликта также мала. Среднеазиатские государства

Александр ВЛАДИМИРОВ,
генерал-майор, президент Коллегии военных
экспертов, член Совета по национальной стратегии,
руководитель Кадетского движения России,
кандидат политических наук

в определённой степени экономически зависимы от России и сами нуждаются в вооружённой защите от исламских радикалов, особенно в случае ухода США и НАТО из Афганистана.

А вот Дальний Восток, я в этом глубоко убеждён, является одной из тех кризисных точек, которая в определённых условиях в определённое время может взорваться. Реалии таковы, что сегодня российский Дальний Восток – территория с мизерным количеством населения, всего около 6 млн чел., на более чем 30% территории России, я уже не говорю о численности находящихся там вооружённых сил. Вместе с тем здесь сосредоточены значительные запасы различных ресурсов: как минеральных, так и других видов, в которых весьма нуждаются граничащие с регионом развивающиеся государства.

Не учитывать эту угрозу в грядущем строительстве наших Вооружённых сил – преступно.

И в этих условиях Вооружённые силы численностью в один миллион человек, разбросанные от Калининграда до Владивостока, просто не способны защитить страну от вероятных угроз. И эту величину необходимо пересматривать!

Сегодня у нас принята масштабная программа перевооружения российской армии. До 2020 года, впервые за её новейшую историю, на это выделены громадные финансовые средства. Но за восемь оставшихся лет выполнить эту программу в полном объёме будет крайне сложно. Мы, даже с учётом полного освоения запланированных денег, можем просто не получить того количества техники и различных запасов, которые необходимы для такой масштабной задачи. Даже в советское время, когда ресурсы, направляемые на оборону, были несоизмеримы с нынешними, процесс перевооружения занимал многие годы и вёл выборочно. Оружие, как тогда говорили, двигалось с Запада на Восток. Всё самое современное вооружение шло в группы войск и западные военные округа, где нам противостоял технически высокооснащённый вероятный противник, а заменяемое вооружение и техника шли во внутренние округа и на Дальний Восток. И сегодня мы должны понимать, что перевооружить всю армию сразу не сможем. А это значит, что очень важно выработать критерии перевооружения и не допустить его «распыления» тонким слоем по всем Вооружённым силам, что сведёт эффект такого перевооружения к мизеру. Необходимо определить, какие соединения, на каком направлении мы должны перевооружить в первую очередь, против какого вероятного агрессора нам нужны самые современные

группировки, а против какого мы можем воевать уже имеющимся оружием.

И здесь я бы хотел отметить, что, несмотря на важность насыщения войск новой техникой и вооружением, всё же ключевым элементом в бою был и остаётся человек. Не одна и не две войны доказывали и доказывают, что только высокая обученность и сознание личного состава способны компенсировать многие проблемы, в том числе и с отставанием в вооружении.

К сожалению, сегодня у меня нет полной уверенности, что в этом направлении наши Вооружённые силы готовы отразить агрессию. Почему? На сегодняшний день у нас явно принижено значение идеологической и морально-психологической подготовки личного состава. И не только в армии, но и в государстве в целом. Для успешного отражения агрессии любое общество должно быть внутренне сплочённым и мобилизованным на борьбу с противником. Нация, народы, составляющие Россию, должны быть единым целым. Но сегодня этого единства я не вижу.

Жизненной необходимостью является улучшение благосостояния российских граждан, в т.ч. и людей в погонах. Но при этом необходимо давать себе отчёт в том, что только повышением денежного довольствия военнослужащим, обеспечением их жильём, послеобеденным сном Александров Матросовых, Гастелло, Зой Космодемьянских не воспитаешь, здесь нужно что-то ещё.

Во имя чего наш солдат должен при необходимости жертвовать собой? Это непростой вопрос.

Чтобы обеспечить безопасность государства, нужен комплексный подход всех государственных структур нашей страны. На всех уровнях: правительства, администрации Президента РФ, командования Вооружёнными

силами и т.д. — необходимо единство усилий. Решить проблему строительства современных Вооружённых сил без этого единства и политической воли — одними только лозунгами и вливанием денег — невозможно.

Валентин СЕЛИВАНОВ,
адмирал, начальник Главного штаба ВМФ:

— «Осмотреться в отсеках!» — очень правильная команда. ВМФ — традиционно один из самых наукоёмких и технически насыщенных видов Вооружённых сил, один из самых затратных по деньгам и по времени. Постройка корабля первого ранга занимает годы даже у экономически развитой страны. К чему же мы пришли сегодня в военно-морской составляющей реформы?

Организационно флот деградировал. Дивизий нет, флагманов нет, соответственно, школы флотоводцев нет. Нам просто негде выращивать сегодня командующих для управления соединениями кораблей, а это значит, что какие-либо серьёзные операции нам не по силам.

Самое печальное положение с техникой. С 1991 года мы не построили ни одной АПЛ! «Северодвинск» была заложена 21 декабря 1993 года. 19 лет прошло — она ещё не сдана. «Юрий Долгорукий» в ноябре 1996 года заложена — не сдана.

Мы уже корабль первого ранга не можем перестроить, что показала модернизация «Адмирала Горшкова». В 2003 году заключили договор с Индией, в 2008-м должны были сдать, потом — к 2012-му. Опять не сдали.

Теперь обещаем сдать его в 2013-м.

Нет ни одного корабля океанской зоны, построенного за 21 океанный год. У всех кораблей срок службы — за 30 лет. На Черноморском флоте самый молодой корабль — крейсер «Москва».

Он для меня навсегда — «Слава». Я первый раз на нём флаг в Средиземном море поднял в 1982 году!

В истории России — за 315 лет — не было периода такого. В период нашествия Наполеона в 1812 году, 200 лет назад, на Балтике эскадра готова была. В Мурманске — и то 9 линейных кораблей стояло.

Морской ракетноносной авиации нет. А ведь каждый наш флот имел МРАД: морскую ракетноносную авианосную дивизию. Ныне нет ни одного полка.

Сейчас ни одну флотскую операцию ни один наш флот не в состоянии совершить. Даже если со всех флотов собрать корабельные силы — и то они не способны провести хотя бы одну операцию.

Управление силами. Где оно теперь? Сегодня в Главкомате ВМФ служат меньше сотни офицеров и адмиралов. Нет оперативного управления. Нет даже управления кораблестроением, которое существовало с XIX века.

Что нужно сделать?

Прежде всего — восстановить боевой состав флотов на новом уровне. Поэтому крайне важно выдержать параметры кораблестроительной программы. Какие корабли нужны? Современные, многоцелевые, с хорошим оружием.

После восстановления группировок флотов необходимо будет возвращаться к теме авианосцев. От неё нам никуда не уйти, если мы планируем оперировать в дальней океанской зоне.

Согласно советским планам, мы должны были сдавать за 3 года по авианосцу, а сейчас за 10 лет один модернизировать не можем.

Приходилось слышать, что вот, наши генералы — заскорузлые ретрограды, не могли за 20 лет военную реформу провести. Нет! Мы понимаем, что нужно совершенствоваться, развиваться ежедневно. Мы видим, что новый министр обороны РФ Сергей Шойгу

приостановил некоторые негативные процессы, и это вселяет осторожный оптимизм.

Александр ВЛАДИМИРОВ,
генерал-майор, президент Коллегии военных экспертов, член Совета по национальной стратегии, руководитель Кадетского движения России, кандидат политических наук:

— Военная реформа Сердюкова–Макарова носила характер принудительной демилитаризации страны с целью превращения Российской армии в военную организацию, способную стать региональной составляющей НАТО, но по определению не способную играть хоть какую-нибудь само-

Валентин СЕЛИВАНОВ,
адмирал, начальник Главного штаба ВМФ

стоятельную мировую роль. Идеологически она исходила из англо-американского неоллиберализма.

Поэтому Военная доктрина России признавала «три зла»: международный терроризм, религиозный экстремизм и национальный сепаратизм. Сегодня к ним добавляются кибертерроризм и иногда — наркомафия. Все эти угрозы представлены лишь бандами боевиков, пиратами, хакерами и партизанским подпольем. Исходя из этой вводной и был сделан основной стратегический вывод: России глобальная военная стратегия на воздушно-космических, океанских и сухопутных театрах войны не нужна. Как следствие — не нужна и массовая армия, способная защищать экономические и политические интересы страны в мире, ибо серьёзных врагов у нас нет, а глобальную безопасность на маршрутах поставок сырья и топлива (в том числе и российского) обеспечивает военная мощь США и НАТО.

В ходе реформы были ликвидированы или «оптимизированы» (т.е. сведены к минимуму) струк-

туры национальной стратегии, высшего звена национальной военной мысли и военного искусства как занимавшиеся глобальными оценками обстановки и выработкой национальной стратегии:

- Совет безопасности РФ, который специально превращён в аморфный орган согласования, а не стратегического целеполагания;

- Главное разведывательное управление Генштаба;

- Академия Генштаба;

- сам Генштаб утратил все аналитические структуры, а его кадровый состав профессионально и качественно деградировал;
- национальное профессиональное военное образование перестало существовать как таковое.

В «новом облике» Вооружённых сил исчезли субъекты оперативного искусства и стратегии: дивизии и армии, а значит, исчезли комдивы, командармы и полководцы, взять их негде, так как в России подготовкой командиров такого уровня сегодня не занимается никто.

В целом из-за стратегических ошибок в целеполагании, необразованности, незнания, неумения, предвзятости и политической трусости нашего политического истеблишмента и генералитета мы в результате перехода к «новому облику» сейчас имеем армию:

- бессмысленную, так как советская военная мысль умерла, а новой российской военной мысли нет, и вся наша военная, прежде великая, «стратегия» спустилась на уровень боя батальона за взятие или оборону деревни, так как бригада по-другому не воюет, а дивизий и армий нет;

- безмозглую, так как профессионального военного образования в России уже нет, офицеры не учатся: их некому, нечему, негде и не на чем учить, а Генштаб на роль «мозга армии» не тянет;

- слепую, глухую и немую, так как военная разведка уничтожена как таковая, а наша связь и вся военная информационная сфера отстаёт от наших «вероятных друзей» навсегда;

- бессильную, так как нет современного оружия и иногда просто нечем стрелять;

- обездвиженную, так как средств совершения стратегического манёвра нет даже в пределах одного театра военных действий;

- бесцельную, так как она сама не понимает, зачем она такая нужна;

- бесконтрольную, так как её не контролирует ни государство, ни общество, ни даже собственное командование;

- и в целом бесполезную, так как в качестве специальной боевой государственной корпорации она ничего не может.

Что же делать теперь, когда запал глобального вооружённого конфликта на Большом Ближнем Востоке уже горит, а Генри Киссинджер заявил, что «только глухой не слышит барабаны войны»?

Ответ один: быстро и качественно восстанавливать свою

национальную военную мощь, так как только она является в современном мире единственным фактором, обеспечивающим безопасное развитие и исторический успех нации.

Вернувшийся в мае 2012 г. на президентский пост Верховный главнокомандующий Владимир Владимирович Путин занялся национально ориентированным военным строительством. Прозвучали перспективные планы огромных военных расходов. На пост вице-преьера по военно-техническим вопросам и исполнению программы вооружений был назначен патриот Дмитрий Олегович Rogozin. В ноябре 2012 г. министром обороны в звании генерала армии был назначен левой, опытный, умный и хорошо себя чувствующий в атмосфере чрезвычайных ситуаций Сергей Кужугетович Шойгу.

Не касаясь вопросов перевооружения армии, авиации и флота, вопросов социальной защиты их кадрового состава и общих вопросов мобилизации, считаем важным обратить внимание президента и министра обороны на необходимость следующих действий:

- воссоздать ГРУ Генштаба в полном объеме его структур, полномочий, кадрового состава и возможностей;
- создать Командование специальными операциями;
- создать структуру по вопросам военного профессионального образования, информации и военной науке;
- создать Центр стратегического и социологического анализа;
- создать институт подготовки преподавательского и командного состава учреждений военного профессионального образования;
- воссоздать инфраструктуру военной культуры в гарнизонах и частях;

- разработать и внедрить государственную идеологию воинской службы;

- разработать и внедрить новое Положение о прохождении службы офицерским составом, ввести в том числе новое понимание категории «служба в запасе»;
- ввести армейскую авиацию в Сухопутные войска и стратегические группировки;

- на каждом стратегическом направлении создать минимум по одной общевойсковой армии, включив в каждую необходимое количество сил и средств, а также необходимые резервы.

Владимир ГОШКОДЁРА,

*генерал-лейтенант,
начальник Центрального
командного пункта
Вооружённых сил РФ:*

– Я полностью согласен с предыдущими выступающими, что рассматривать систему управления Вооружёнными силами отдельно от системы управления страной нецелесообразно. В случае любого крупномасштабного конфликта воевать будет вся страна, а не одна только армия.

И это снова возвращает нас к Военной доктрине. Очевидно, что существующий документ носит слишком общий и расплывчатый характер. Он нуждается в уточнении. В нём должны быть определены угрозы, театры военных действий, состав и структура Вооружённых сил, группировки войск, задачи и ещё целый ряд моментов, которые позволят строить армию не как абстрактную структуру, а как высокоэффективный инструмент для решения стратегически важных для нашей страны вопросов. С учётом положений Военной доктрины России необходимо уточнить концепцию управления государством и ВС РФ. Естественно, генератором и организатором этой работы должен выступить основной орган оперативного управления – Генштаб.

Но введенная трёхлетняя ротация офицеров в ведущих управлениях Генерального штаба привела к тому, что качество выполнения должностных и специальных обязанностей по занимаемым должностям резко снизилось. Это, естественно, сказалось и на работе Генштаба в целом. В советское время руководство Генерального штаба считало, что для подготовки старшего офицера Главного оперативного управления к выполнению самостоятельных задач необходимо минимум пять лет. Такой подход был выработан за десятилетия военного строительства и себя оправдывал. При этом сохранялась преемственность, рос профессионализм, качество выполняемых задач повышалось как офицерами Генерального штаба, так и Генеральным штабом в целом.

Владимир ГОШКОДЁРА,
генерал-лейтенант, начальник Центрального
командного пункта Вооружённых сил РФ

Теперь же у нас сложилась традиция, когда каждый очередной вновь назначенный высокий воинский начальник начинает свою деятельность с того, что запускает собственную программу

реформирования (модернизации) системы управления ВС РФ. В результате, несмотря на огромные финансовые затраты, мы до сих пор не имеем в войсках автоматизированных систем управления, тактического и оперативного звеньев управления.

Единственное, что не подверглось реформированию за последние два десятка лет, — это система боевого управления в стратегическом звене управления, основу которой составляют защищённые пункты управления государством и Вооружёнными силами. Эта система была создана ещё в советское время и функционирует до сих пор. Основная задача боевого управления в стратегическом звене — обеспечение выполнения права Президента РФ как Верховного главнокомандующего по управлению ВС РФ и применению ядерного оружия. Недавно проведённая тренировка по управлению стратегическими ядерными силами страны под руководством Президента РФ подтвердила её высокую эффективность и надёжность.

Говоря о применении ядерного оружия, нельзя не поднять тему условий его применения. Первыми мы едва ли применим ядерное оружие — слишком велика ответственность перед миром за такой шаг и слишком тяжёл груз принятия такого решения. При нынешнем состоянии системы предупреждения о ракетном нападении говорить об ответно-встречном ударе некорректно. Значит, основным вариантом возможного применения ядерного оружия для нас становится ответный удар, который можно осуществить, только имея систему управления, позволяющую даже при уничтожении всех основных командных пунктов управления гарантированно довести приказы до пусковых установок. Безусловно, наличие боеготовой системы управления стратегическими ядерными силами будет являться одним из элементов ядерного сдерживания, обеспечивать военно-стратегическую стабильность и в целом сохранять мир. Однако эта важнейшая для стратегической устойчивости государства

Александр КРАВЧУК,
генерал-лейтенант, начальник
9-го Центрального управления
МО РФ:

система сдерживания находится на пределе своих эксплуатационных возможностей. Необходимо в срочном порядке провести её разумную модернизацию.

Александр КРАВЧУК,
генерал-лейтенант,
начальник 9-го
Центрального управления
МО РФ:

— Реорганизация армии началась задолго до Сердюкова, и очень многое к 2008 году было сделано даже в условиях, когда считали буквально каждый рубль. Офицерам по полгода не платили зарплату, но важнейшие программы, от которых зависит боевая устойчивость Вооружённых сил, финансировались. Казалось бы, с приходом в армию больших денег многое должно было резко измениться к лучшему, но, увы, произошло обратное. С приходом в Минобороны команды Сердюкова наступила эра беспредела. Сначала из армии убрали всех, кто был не согласен с политикой тотальной ломки армии и дикого аутсорсинга. А потом, избавившись от несогласных, началось всё то,

что мы увидели под названием «переход к новому облику». Теперь этим «новым обликом» занимается прокуратура, а мы, как в известной поэме, «считаем раны». Ущерб инфраструктуре управления нанесён огромный. Можно очень долго перечислять всё, что мы потеряли. Возникает вопрос: что делать?

Отвечу кратко: создавать заново. Стационарные объекты, остающиеся в системе управления, модернизировать или реконструировать. Оснащать их современными и даже перспективными средствами связи и АСУ, которые можно разработать на отечественных технологиях. Мне скажут: ничего нет. Есть, или же надо создать. Для примера: взамен ЭВМ «Минск-32», «Севан» использовать суперкомпьютер «СКИФ», а не закупать какие-нибудь старые mainframe неизвестно у кого. Новые-то нам всё равно никто не продаст.

Что касается системы управления Вооружёнными силами. У нас есть Верховный главнокомандующий – Президент РФ. Именно ему, по логике, должен подчиняться Генштаб с его нынешними функциями, в том числе – и функцией контроля за военными формированиями других федеральных органов исполнительной власти, при условии, что на должность НГШ не будут назначаться дилетанты. Безусловно, необходимо восстановить уникальную военную касту – офицеров-генштабистов, восстановить систему отбора в Генеральный штаб, куда шли лучшие из лучших.

Министр обороны вполне может быть гражданским лицом, но в этом случае необходимо разгрузить Минобороны от несвойственных ему функций. Министерству стоит сосредоточиться на важнейшей теме – перспективного военного строительства и контроля. Оно должно стать главным финансистом выпол-

няемых в целях обороны работ, заказчиком производства вооружения и военной техники (государственный оборонный заказ); разрабатывать федеральную программу вооружения; обеспечивать мобилизационную готовность ВС РФ и т.д. В компетенцию Минобороны также должна входить социальная защита военнослужащих.

Необходимо чётко разграничить обязанности: чем занимается министр обороны, а чем – «энгэша». Волюнтаризм, царивший все последние годы в Вооружённых силах, необходимо прекратить...

Сергей КАНЧУКОВ,
генерал-майор, начальник разведки Сибирского военного округа:

– Войны были, есть и будут своеобразной формой существования человеческого общества. Поэтому необходимо точно определиться с угрозами и сроками их возникновения. Важно понимать характер будущей войны как войны разведки и систем вооружений, способных вести борьбу не только с элитой, экономикой, инфраструктурой страны, не только с носителями оружия, а и непосредственно с самими боеприпасами. Важно учесть и локализовать влияние иностранных разведок на структуры государственного и военного управления. Нужно учитывать и применяемые другие виды борьбы в информационном противоборстве, организационном оружии, психологической войне.

Фактором сдерживания выступают силы ядерного сдерживания (СЯС). Но и будущие противники это понимают, предпринимая шаги с целью полностью локализовать этот сдерживающий фактор.

Важнейшим результатом осмысления настоящих и будущих угроз должен стать план модернизации Вооружённых сил России. Особенностью этого плана должно стать возрождение главных ко-

мандований видов Вооружённых сил: СВ, ВВС, ВМФ и Войска ПВО страны; командований родов войск (командование армейской авиацией, командование Арктическими силами, командование Силами специальных операций, командование кибероперациями, командование войсками РЭБ) с возвращением им функций управления, строительства, подготовки и применения подчинённых войск. Воссоздание Главного управления боевой подготовки позволит наладить боевую подготовку всех видов и родов войск

Сергей КАНЧУКОВ,
генерал-майор, начальник разведки Сибирского военного округа

как основу боевой готовности и боеспособности нашей армии. Необходимо разработать концепцию дальнейшего комплексного развития сил, средств и задач разведки и разведывательно-информационного обеспечения с целью эффективной поддержки боевых действий ВС РФ.

Необходимо разработать и внедрить новую концепцию комплектования армии призывниками, а перевод армии на контракт требует нового подхода и разработки специальной концепции прохождения службы по контракту и возврата в армию института прапорщиков и унтер-офицеров. Должны быть воссозданы пять военных округов: Московский (штаб – Москва), Приволжско-Уральский (штаб – Екатеринбург), Северокавказский (штаб – Ростов-на-Дону), Сибирский (штаб – Красноярск или Иркутск), Дальневосточный (штаб – Хабаровск) и возвращены функции управления штабам флотов. Необходимо осуществить формирование системы управления, полностью соответствующей современным требованиям, и осуществить опережающими темпами оснащение войск сетевыми системами управления. Нужно разработать концепцию проведения оргштатных мероприятий при формировании сил и средств, способных нанести непоправимый ущерб системе управления противника, работающей в реальном масштабе времени. Наряду с существующими бригадами следует создать и дивизионную структуру, но в новом качестве – как основу ударной и сдерживающей группировки Сухопутных войск...

Анатолий ХРУЛЁВ,
генерал-лейтенант,
командующий 58-й
общевойсковой армией:

– Есть известная поговорка о том, что генералы всегда готовятся к уже прошедшим войнам. Это софистика. Опыт всех войн второй половины XX века показывает, что только правильно и своевременно сделанные выводы из прошедших войн, извлечённые и усвоенные уроки позволяют одерживать победы. Самое худшее – это как раз не сделать выводов из прошедших кампаний,

Анатолий ХРУЛЁВ, генерал-лейтенант,
командующий 58-й общевойсковой армией

не извлечь уроки из проведённых войн. За такое беспамятство придётся отвечать повторением ошибок в ещё большем масштабе и с куда более трагичными последствиями. Поэтому хотел бы остановиться на итогах и уроках конфликта в Южной Осетии, участником которого я был, командуя 58-й общевойсковой армией.

Если анализировать конкретные составляющие проведённой операции, то стоит отметить, прежде всего, управление войсками и боеготовность.

Офицерский состав на тот период уверенно руководил своими подразделениями и частями, был готов к выполнению боевых задач. Кроме того, было проведено предварительное и продуманное планирование. Присутствующий здесь генерал Рукшин хорошо знает детали этой работы, которая была проведена ещё в его бытность начальником главного оперативного управления. Ничего нового в эти планы после смены руководства Генерального штаба внесено не было, поэтому все командиры хорошо знали свои задачи и были готовы их выполнять.

Кроме того, мы проводили учения по всем вариантам развития ситуации на этом направлении.

Представители Генштаба приезжали посмотреть, как проводятся эти учения, но наш опыт так и не был перенят. А ведь там как раз отрабатывались действия усиленных батальонно-тактических групп по отдельным направлениям, что до сих пор является камнем преткновения для бригад «нового облика», отрабатывали действия в условиях отсутствия сплошной линии фронта, что теперь пытаются выдать за ноу-хау реформы, а также многое другое.

Отдельная проблема – обучение и подготовка личного состава. На тот момент личный состав служил уже полтора года, обученность и слаженность действий экипажей и подразделений, их управляемость находились на высоком уровне. Сейчас срок службы в армии сокращён до года, за такое время невозможно добиться хороших результатов, что, в случае ведения боевых действий, означает большие потери личного состава. Но ведь нельзя, прикрываясь политическими лозунгами, приносить в жертву необученных солдат. Если призывник половину своего срока службы, шесть месяцев, находится в учебном подразделении, а шесть месяцев – в войсках, это значит,

что в период увольнения и призыва все наши части небоеспособны. Просто потому, что половина личного состава – необученные призывники.

Не менее важно сказать и о материально-техническом обеспечении. Оно было сделано с объединением тылового и технического обеспечения в одном районе под руководством заместителя по тылу. И это дополнение полностью оправдало себя, причём в сложнейших условиях, когда боевые действия армии нужно было обеспечивать за Кавказским хребтом, по трудным горным дорогам и чрезвычайно растянутым коммуникациям, в условиях встречной эвакуации мирных жителей. Зачем нужно было рушить эту систему, я не понимаю.

Об аутсорсинге. Его начали обкатывать при мне ещё на 33-й Ботлихской горной бригаде. Сколько денег туда вложили! Я хорошо помню, как содержание бригады взлетело на порядок – каждый месяц на аутсорсинг уходило семь миллионов рублей!

Тогда три месяца поиграли в эти игры и бросили. Поняли, что никаких денег на такие эксперименты не хватит.

Отдельно должен сказать о медицинском обеспечении.

В мирное время это, прежде всего, профилактика и предупреждение заболеваемости личного состава. Теперь младший медицинский персонал в подразделениях сокращён, и как следствие – наблюдается всплеск заболеваемости, вплоть до смертельных исходов. Не стоит обвинять в этом новую военную форму от Юдашкина, – виноваты бездумные «реформаторы», сократившие медицинский персонал.

А в ходе боевых действий будет необходима квалифицированная медицинская помощь на поле боя с последующей эвакуацией раненых. Так вот куда, в какие госпитали, в руки каких врачей и медсестер попадут эти раненые? Ведь военная медицина – это особая сфера здравоохранения, гражданский врач, даже очень хороший, здесь малопригоден,

а система военно-медицинского образования уничтожается под корень. Медицинский «аутсорсинг» – неприемлем для армии.

Это частные замечания, а главным и несомненным итогом конфликта стало отражение грузинской агрессии против Южной Осетии, осуществлённое частью сил одной общевойсковой армии – 58-й, во взаимодействии с Воздушно-десантными войсками и авиацией.

К сожалению, бывшее военное руководство, стремясь скрыть собственные провалы, попыталось переложить на воюющую армию ответственность за все свои промахи и грубые ошибки. И это привело к тому, что реальная картина событий августа 2008 года была искажена. Одержанную победу выдали почти за поражение, а уже подготовленную к тому моменту реформу выдали за якобы «выводы» из конфликта в Южной Осетии. Пора, наконец, сказать правду и вернуть заслуженное признание солдатам, офицерам и генералам, одержавшим

трудную, но уверенную победу над сильным противником, где немаловажную роль сыграли патриотизм, морально-психологический дух, верность присяге и идеалам страны, уверенность в своей правоте и готовность к подвигу.

Свой вывод из этого конфликта сделал и наш вероятный противник – Дядя Сэм. Там в очередной раз убедились, что российские Вооружённые силы боеспособны, обучены, с работающей системой обеспечения и обслуживания, что они могут уверенно решать поставленные задачи. Не исключено, что именно поэтому наши вероятные противники так горячо поддержали последующую военную реформу и переход к «новому облику», который привёл к развалу и уничтожению нашей армии.

Здесь мы обсуждаем очень правильные вещи, но это частности. Мы ищем вероятного

противника, и это правильно, но ещё страшнее внутренние угрозы в государстве, о которых мы не говорим. Хотелось бы видеть стратегическое, научно обоснованное, а не заточенное под видение руководителя государства на период его руководства развитие нашего государства: что мы хотим построить, к какому сроку и как? Какими силами и средствами? У нас этого нет. Нет научного обоснования, нет преемственности курса развития государства. Когда оно будет, когда люди во главе государства, назначенные или избранные, будут за это отвечать и в последующем нести ответственность за свой период руководства – тогда у нас будет результат.

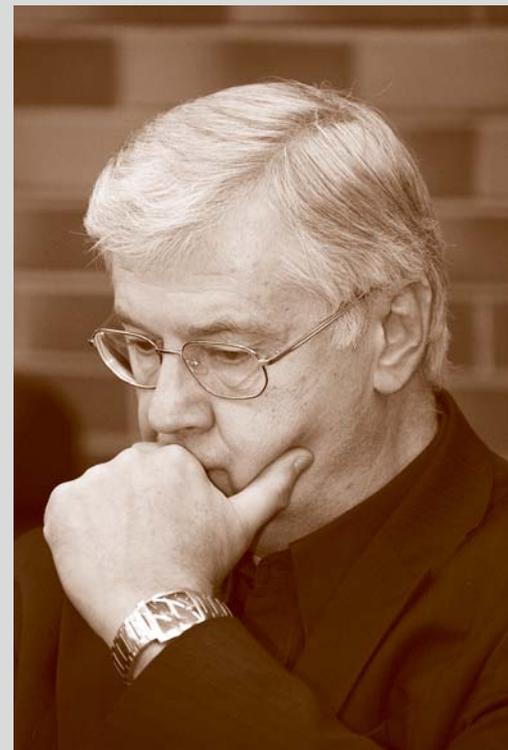
Андрей ЖУКОВ,
доктор исторических наук,
академик РАЕН:

– Будущие военные технологии можно разделить по времени упреждения – то есть ожидаемого времени их возможной практической реализации и поступления в войска соответствующих систем оружия. Выделяются три такие категории.

Категория «А». Ближайшие, почти завершённые, находящиеся, условно, на финишной стадии стандартного инновационного цикла, т.е. на этапе опытно-конструкторских работ (ОКР). Их массовое поступление в войска уже началось либо может начаться в ближайшие 5–7 лет.

Категория «Б». Среднесрочные, которые находятся пока на стадии фундаментальных исследований либо переходят на этап научно-исследовательских работ (НИР). Их операционная готовность может быть достигнута примерно до 2030 года.

Категория «В». Долгосрочные, находящиеся пока в состоянии гипотез, предположений, т.е. представляют собой, по сути, научную фантастику. Материализация по-

Андрей ЖУКОВ,
доктор исторических наук,
академик РАЕН

добных идей если и возможна, то не ранее 2050 года и далее, до конца века. Здесь важно обратить внимание на слово «научная» – то есть эти гипотетические конструкции хотя и выглядят фантастически, но не противоречат фундаментальным законам физики.

Использование технологий категории «А» в локальных вооружённых конфликтах можно видеть уже сегодня. Например, с начала 2000-х годов в бюджете минобороны США фигурирует переходящая из года в год программа «Боевые системы будущего» (Future Combat System). Цель этой программы, а также множества сопутствующих подпрограмм – объединение всех участников боевых действий в единую сеть, обеспечение на этой основе новых возможностей ведения войны, повышение боевой эффективности и мобильности войск и вооружений, вплоть до отдельных военнослужащих.

Владислав ШУРЫГИН,
ведущий круглого стола, заместитель главного редактора газеты «Завтра», военный аналитик, член изборского клуба

Главные направления — во-первых, разработка методологии информационного обеспечения и управления войсками, особенно авиационно-космическими ударными группировками, т.е. реализация на практике давно укоренившегося в армии США принципа «си-куб-ай» (единства мониторинга, связи, управления и разведки), когда все информационные потоки завязываются в один узел и управление боем осуществляется в реальном масштабе времени, дистанционно и из единого центра; во-вторых, создание новой роботизированной боевой техники (от беспилотных летательных аппаратов — БПЛА, до управляемых на расстоянии роботов-пехотинцев и роботов — боевых машин); в-третьих — разработка разнообразного ударного оружия высокой точности, действующего по принципу «выстрелил и забыл».

Всё это сегодня реально применяется в Афганистане и Ираке. БПЛА, например, разрабатываются более чем в тридцати странах мира, известно несколько сотен таких образцов, очень большое внимание этой теме уделяют Китай и Иран, чего нельзя сказать о России. Сообщения о недавнем замеченном с земли облёте Ядерного центра Израиля иранскими БПЛА ясно говорят о технологических успехах Исламской Республики в этой сфере. Американские роботы-пехотинцы проникли в труднодоступные пещеры Афганистана для поиска и уничтожения вражеской живой силы.

К новым военным технологиям категории «А» можно, видимо, отнести и так называемые кибервойны, или информационные войны, основанные на концепции «управляемого хаоса» с использованием возможностей Интернета, столь явно проявившиеся в ходе недавней серии революций Арабской весны.

Среднесрочные будущие военные технологии (категория

«Б») сейчас реально существуют в лучшем случае на стадии фундаментальной науки, т.е. ещё задолго до этапа прикладных исследований и ОКР. В этом сложность определения их ожидаемых характеристик, для чего пока нет достаточного фактического материала. Тем не менее определённые соображения можно высказать уже сейчас.

Признано, что сегодня мы находимся на нисходящей волне 5-го информационно-технологического уклада, основа которого — компьютеры, телекоммуникации, Интернет, микроэлектроника, робототехника и другие подобные направления. Как было сказано выше, соответствующие этому укладу технологии находят сегодня активное применение в боевой практике. Поэтому можно предположить, что новые прорывные технологии в рамках 5-го уклада уже не появятся и определяющими на ближайшие четверть века станут технологические подходы, отвечающие принципам нового — 6-го технологического уклада.

В этой связи оптимальным представляется следующий выбор направлений дальнейших отечественных военно-технологических исследований. Во-первых, не выходя за границы нынешнего уклада, попробовать сократить сегодняшнее отставание в военных разработках путём определённого повтора сделанного другими, что, кстати, само по себе совсем не просто. Сосредоточиться, прежде всего, на вопросах наблюдения, автоматизированного управления и связи, т.е. подтянуться до мирового уровня по возможностям дистанционного, бесконтактного ведения боевых действий и, соответственно, несколько ограничить усилия на других направлениях. Во-вторых, сделать скачок и нащупать точки роста уже в рамках шестого технологического уклада, другими словами, уйти от режима повтора и перейти к игре на опережение...

Виктор НИКИШОВ,
главный конструктор —
генеральный директор ООО
«ОКБ Эланор»:

— К сожалению, у нас в стране мало провести научные изыскания, мало разработать и даже испытать новую технологию. Целая проблема — добиться её практического внедрения. Можно годами ходить по высоким кабинетам, доказывая очевидное и демонстрируя самые перспективные технологии, но ни на шаг не продвинуться к тому, чтобы они стали реальным оружием.

Виктор НИКИШОВ,
главный конструктор — генеральный директор
ООО «ОКБ Эланор»

Современная цивилизация построена на том, что мы почти непрерывно пользуемся услугами радиосвязи, радиоэлектронными средствами, которые несут в себе информацию. За этой информацией обычно и охотится техническая разведка, определяя по ней источник. И получение информации проходит по классической схеме: обнаружение — классификация — построение выводов.

Мы работаем по совершенно иному принципу, построенному на высокоточном определении месторасположения источника, формировании его портрета по элементам радиоакустики и динамическом сопровождении этого объекта в реальном масштабе времени.

Наши технические средства позволяют в реальном времени

Александр НАГОРНЫЙ,
политолог, заместитель главного редактора газеты
«Завтра», координатор Изборского клуба:

докладывать командиру обстановку: что, где и как передвигается на сопредельной стороне. Дальность действия наших систем — сотни километров. В определённых диапазонах частот мы можем даже отождествлять объект с субъектом, например, в городе точно определить — движется машина генерала такого-то, этот корабль такой-то с такими-то командирами.

Эта технология родилась в ВВС. Первую апробацию провёл заслуженный лётчик-испытатель Анатолий Квочур, который, выполняя полёт на северный полюс, согласился использовать один из наших приборов. Это всё, чего мы тогда смогли добиться от ко-

мандования и руководства ВВС. И испытания полностью подтвердили все заявленные параметры!

А потом было долгое хождение по всем коридорам власти. Мы прошли все кабинеты, все стадии докладов по линии Совета безопасности, Военно-промышленной комиссии, имеем заключения и в открытом, и в закрытом виде. Но всё без толку! Фильтры на прохождение информации о наших разработках стоят везде: бумаги, которые мы писали, доходили по вертикали до определённого уровня и дальше просто исчезали. Выступления на серьёзных комиссиях после серьёзной подготовки завершались тем, что из результативной части это всё исключалось.

Получается, уникальная технология нашей стране не нужна. А ведь разработанные нами средства не просто апробированы. Нас три года «катал» флот по Персидскому заливу, по Аденскому заливу, по Средиземному морю, нас серьёзно проверила авиация ВМФ. Везде исключительно положительные заключения. Но воз и ныне там.

Закрывается мощнейшее направление развитой инфраструктуры активных наземных радиолокационных систем, активный пласт систем связи предприятий военно-промышленного комплекса. Закрываются целые направления — такие как целеуказание. А как ракета может летать без целеуказания? Есть серьёзные программы по производству этих ракет, но куда они стрелять-то будут, если нет целеуказания? На это нет разумных ответов.

Уже поступила команда забрать у нас документацию и передать другим предприятиям. Кто-то хочет зарабатывать на нас хорошие деньги. Но сколько лет они будут это дело осваивать, неизвестно. Наша страна ещё обладает определёнными знаниями и научным потенциалом, которые можно реализовать в военной сфере. Но необходима реальная

поддержка передовых направлений, а не добывание того не-многого, что осталось.

Владимир ВИШНЕВСКИЙ,
генеральный конструктор,
генеральный директор ЗАО
НТК «Аметех»:

— Продолжая разговор о военной науке и перспективном вооружении, я хотел бы затронуть такой важнейший аспект, как сохранение уже разработанных и доведённых до стадии внедрения оборонных технологий. К огромному сожалению, сегодня это также является серьёзной проблемой. Мы одну за другой утрачиваем важнейшие оборонные технологии. За примерами далеко ходить не надо.

Очевидно, что большая часть вооружённых конфликтов, в которые может быть вовлечена Россия в ближайшем будущем, будет проводиться с применением обычного вооружения, и основное пространство боя в наших природно-географических условиях сегодня ограничено радиусом в 5–10 километров от линии боевого противостояния. При этом совершенно очевидна тенденция наносить противнику поражение на максимальном удалении, не входя в непосредственное боевое соприкосновение с ним. В этих условиях с каждым годом растёт роль высокоточного оружия как наиболее адаптированного к таким задачам. Решение огневой задачи на дальности в 20 километров по цели типа «артиллерийская батарея противника» требует расхода 200–300 снарядов в обычном снаряжении или 6 снарядов ВТО, что куда более эффективно. И здесь наши Вооружённые силы находятся в очень трудном положении.

В 70-х годах были проведены крупные научные работы, которые определили перспективы развития ВТО на 50–70 лет. Тогда же вышло постановление ЦК и Совмина о создании нового вида

боеприпасов — с искусственным интеллектом. Были организованы не только разработка, но и массовое производство снарядов с искусственным интеллектом, чтобы они постепенно вытесняли «неграмотные» снаряды.

Были построены заводы, на которых роботы делали снаряды. Был построен завод в Озёрах для производства средств разведки и целеуказания, завод в Коврове для производства бортовой аппаратуры. Над программой в те годы работало около ста тысяч человек. Нам удалось поставить на вооружение два комплекса. Эти комплексы успешно воевали в Афганистане и в Чечне.

В течение многих лет мы развивали оригинальную технологию, так называемую российскую концепцию импульсной коррекции, которая предусматривала модернизацию уже существующих боеприпасов. Снаряд, выпущенный из обычного орудия, по баллистической кривой идёт к цели и на коротком участке подлёта к цели за 1–3 секунды меняет траекторию.

Как это работает в реальной войне? Возьмём комплекс «Смелчок» калибром 240 мм, расчётная надёжность должна была быть

0,93. По результатам лабораторных испытаний и на полигоне получили «единицу»! По результатам боевого применения — «единица», через 18 лет — 0,96!

Но в середине 90-х годов все эти мощности были уничтожены, поскольку предпочтение было отдано другому направлению. В армию неожиданно стали продвигать американскую концепцию. Крайне дорогой, очень сложный снаряд, который просто по умолчанию никогда не станет массовым.

Мы уже больше трёх лет не получаем ни копейки зарплаты. Уникальных специалистов, чтобы не теряли квалификацию, я устроил по разным фирмам. В любой момент мы все соберёмся и сделаем, что надо, опыт уже есть. Не первый раз нас убивают. Но ужасно то, что мы действительно постепенно утрачиваем уникальную военную технологию — импульсную коррекцию боеприпасов...

Александр НАГОРНЫЙ,
политолог, заместитель главного редактора газеты «Завтра», координатор Изборского клуба:

— У нас состоялся, можно сказать, мозговой штурм относительно

Владимир ВИШНЕВСКИЙ, генеральный конструктор, генеральный директор ЗАО НТК «Аметех»

не только будущего российских Вооружённых сил, но и общего подхода к безопасности нашей Родины. Наше общество должно проявлять к этому спектру проблем самое пристальное внимание, чем и будет, в частности, заниматься в дальнейшем Изборский клуб.

Вторым важнейшим итогом нашей встречи я бы назвал подтверждение того факта, что угрозы для безопасности России не ограничиваются чисто военными фак-

торами. Поэтому Вооружённые силы должны прилагать все усилия к тому, чтобы находиться в полной готовности к самым неожиданным поворотам ситуации и не быть застигнутыми врасплох, как это случилось в конце 80-х и начале 90-х годов.

В-третьих, обобщённый анализ со всей очевидностью показывает, что главным стратегическим противником нашей страны, хотя и скрытым, по-прежнему остаются США, которые будут добиваться ослабления и расчленения России. В первую очередь — с использованием концепции «мягкой силы», сформулированной в Гарвардском университете. Это касается, прежде всего, использования третьих стран, исламских радикалов против РФ как с кавказского направления, так и в Средней Азии, а также «пятой колонны» внутри страны. Это требует укрепления наших стратегических связей с Китаем, который сегодня выступает главным антагонистом Америки.

В-четвёртых, ядерный щит РФ является сегодня главной гарантией от «большой войны». Его необходимо всячески совершенствовать и укреплять. При этом необходимо срочно перевести на более высокий технологический уровень обычные и сверхточные системы вооружений и полностью насытить ими войска.

Наконец, в-пятых, для успешной обороноспособности страны необходимыми условиями являются социальный мир и высокие темпы развития страны, а также радикальное уменьшение нашей зависимости от внешней экономической и политической конъюнктуры.

Александр ПРОХАНОВ:

— Полагаю, многие высказанные здесь концепции, взгляды, эмоции станут просто откровением для сегодняшней российской общественности.

Состояние, в которое ввергнуты ныне наш народ, наша интелли-

генция, армия и я, грешный, — это философия поражения. Мы потерпели в 1991 году страшное поражение, и оно продолжается. Враг, победивший нас, по-прежнему лютует. Но с философией поражения мы никогда не спасёмся. Философия поражения и есть победа врага. Враг победил нас тем, что навязал нам уныние, неверие в возможность спасения.

В противоположность философии поражения существует философия Победы. Эта философия говорит о неизбежности Русской Победы, несмотря на кошмар сегодняшнего положения. Это философия, которая в 1941 году заставляла великого Вернадского говорить: «Ноосфера победит!» Это глубинная вера в смысл мироздания. Я не верю, что мироздание устроено так, чтобы на земле восторжествовали нелюди. Не может этого быть! Трава иначе живёт, ястреб иначе летает, цветы иначе цветут. Мироздание устроено так, чтобы здесь процвела гармония.

Мы живём сейчас в самом несправедливом государстве. В России нарушены все коды, все заповеди, заветы. Но тем интенсивнее проявляется эта русская вековечная мечта и задача — воссоздание справедливого бытия.

Эта альтернатива, которую Россия предлагает миру, каждый раз встречает отпор. Есть даже подозрение, что мир ненавидит Россию и идёт сюда со своими войсками не за землёй. Хотя и за землёй. Не за пресной водой. Хотя и за пресной водой. Не за углеводородами. Хотя, конечно, и за углеводородами. Он идёт сюда, чтобы раз и навсегда расправиться с возмущением своего спокойствия, с этой абсолютно русской мечтой и задачей — справедливого бытия. Поэтому русское оружие всегда: и вчера, и сегодня, — служит защитой не только территорий, пространств, наших очагов, а защитой сакрального русского смысла, божественной задачи, которую Россия выполняла на протяжении всей истории своего существования.

История Русского государства — это история империй, непрерывное воспроизведение имперских форм российской государственности. Империи возникали, потом рушились, пропадали бесследно и воссоздавались в новой форме, в новом облике. Таких империй было четыре. Первая — Киевско-Новгородская, она кончилась после татарского нашествия. Затем была Московская империя, Московское царство потомков Александра Невского, которая завершилась во времена Великой смуты XVII века. Тогда Россия оказалась на грани исторической катастрофы, но была спасена соборными усилиями народа, который сословно воплотили в себе патриарх Гермоген, князь Дмитрий Пожарский и нижегородский купец Кузьма Минин. И так же соборно была устроена третья русская империя, империя

Романовых, разрушенная в феврале 1917 года. Из хаоса мировой и гражданской войн возникла четвёртая великая русская империя — империя советская, империя сталинская, которая просуществовала всего лишь 70 с небольшим лет, но в мировой истории сыграла величайшую, невиданную роль, не только разгромив в 1945 году фашизм, не только открыв человечеству космическое измерение, но и создав модель общества социальной справедливости и социального прогресса.

Советский Союз был убит совместными усилиями его внешних и внутренних врагов, имперский смысл российского государства был отвергнут, и возникшая на его руинах Россия стала называться национальным государством. Однако концепция России как национального государства провалилась в двух чеченских войнах, в сепаратизме Поволжья, Урала, Дальнего Востока и Сибири. И перед выборами Путин опубликовал статью, в которой признал крах концепции Российской Федерации как национального

государства. А если государство не национальное, то оно — имперское. Таким образом, современная Россия — это усечённая, лишённая своих окраин империя. И смысл исторического творчества русского народа — воссоздание имперского вектора, возвращение в наше пространство прежде всего Украины, Белоруссии, Казахстана, евроазиатская интеграция.

Поэтому идеология русского оружия — это идеология святости русского оружия. Идеология русского оружия и есть идеология русского государства. И если рассматривать идеологию русского государства как идеологию святости (а так её рассматривала царская империя, так рассматривал Сталин, так рассматривали наши древние князья), если идеология святости нашего государства подтверждена всеми кровавыми и мистическими жертвами, которые приносила Россия на алтарь мировой цивилизации, — то святость русского оружия и есть идеология русского государства.

Благодарю всех за участие в обсуждении.

/Доклад подготовлен при участии
С.Ю. ГЛАЗЬЕВА, Л.Г. ИВАШОВА, А.Д. ЖУКОВА,
С.П. КАНЧУКОВА, А.А. НАГОРНОГО,
А.А. ПРОХАНОВА, Ш.З. СУЛТАНОВА,
А.И. ФУРСОВА, В.В. ШУРЫГИНА./

Россия: военный вектор

Военная реформа как составная часть
концепции безопасности Российской Федерации

Иллюстрации: Василий ПРОХАНОВ

Si vis pacem, para bellum («Хочешь мира — готовься к войне»)

Корнелий Непот, римский историк

«Помни о войне!»

Степан Макаров, вице-адмирал, герой обороны Порт-Артура

Важные перемены, произошедшие в конце прошлого года в высшем руководстве Министерства обороны РФ, лишний раз подчеркнули необходимость выработки российским государством и российским обществом целостной, системной и адекватной — не только в текущих условиях, но и на перспективу ближайших 30-50 лет — наци-

ональной концепции безопасности, в том числе её военной составляющей.

За последнее десятилетие руководством нашей страны в этой сфере был осуществлен настоящий прорыв, нашедший своё выражение в подписанном Президентом РФ 12 мая 2009 года Указе «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации на период до 2020 года». Однако пионерский

характер данного документа обусловил как его сильные, так и слабые стороны.

К числу первых следует отнести саму постановку проблемы: определение национальной безопасности как самостоятельного и целостного понятия, не сводимого к понятиям военной, политической, экономической, информационной, структурной, организационной и т.д. безопасности.

К числу последних, на наш взгляд, относится недостаточная проработка и взаимосвязь ключевых, стратегического уровня, проблем национальной безопасности, что в значительной степени снижает степень практической адекватности и прогностической мощи данного государственного документа.

Ни в коей мере не претендуя на его критическое переосмысление и пере-

работку, мы, группа экспертов, объединившихся под эгидой патриотического Изборского клуба, тем не менее считаем крайне желательным начало работы в данном направлении, поскольку глобальная геостратегическая ситуация в современном мире развивается стремительно и во многом неожиданно, а неадекватная оценка вызовов и угроз для национальной безопасности Российской Федерации может повлечь за собой неадекватные действия с катастрофическими последствиями.

Приведенный ниже доклад, состоящий из трех взаимосвязанных разделов:

- «Системно-динамическая оценка угроз для национальной безопасности Российской Федерации»;
- «Оценка прошедшего этапа военной реформы и формирование новых подходов в ее совершенствовании»;
- «Перспективные военные технологии и войны будущего» — является скорее приглашением к общенациональной дискуссии, чем неким цельным и установочным документом.

Предлагаемая «повестка дня» такой дискуссии, на наш взгляд, может быть сформулирована в следующем виде.

1. Современная и будущая система безопасности России в первую очередь зависит от адекватности действий российского руководства в оценке внешних и внутренних угроз, системного и продуманного подхода к военному строительству, а также выверенной внутренней социально-экономической политики, не допускающей социальной дестабилизации общества и деградации населения.

2. Геополитические представления 90-х годов, исходившие из тезиса об отсутствии у России «внешнего противника» и провозгласившие стратегию односторонних внешнеполитических уступок, «уклонения» от прямых вызовов, что рано или поздно убедит Запад в нашей миролюбии и вынудит его принять Россию как равного партнера в клуб «цивилизованных стран», показали свою полную несостоятельность.

Мы живём в быстроизменяющемся динамичном мире, в период нисходящей кризисной волны мировой экономики, которая провоцирует геостратегическую напряжённость в различных регионах планеты, в том числе и по периметру границ России. За прошедшее двадцатилетие целый ряд государств, граничащих с РФ, вполне явно обозначил разного рода претензии к нашей стране: от сугубо экономических до территориальных. Многие из таких претензий могут в будущем спровоцировать конфликтные ситуации и попытки их разрешения силовым путём.

3. Основные стратегические внешние угрозы для РФ сегодня, как и прежде, исходят от США и стран Запада, которые не заинтересованы в восстановлении нашей страны как «центра силы» глобального значения, а потому проводят политику, направленную на ослабление России, на оттеснение её к периферии мирового сообщества, фиксации её статуса как страны — источника сырья и мировой свалки отходов. При этом США и их союзники используют — с целью достижения решающего военно-стратегического превосходства над Россией — концепцию «мягкой силы», предусматривающую системное комбинированное воздействие трансформационных, информационных и деформационных действий. Одной из ключевых политико-дипломатических технологий разрушения нашей страны является навязывание ей несбалансированных соглашений по сокращению стратегических ядерных ракет и тактического ядерного оружия. В свете этого следует с особой осторожностью подходить к подобным переговорно-дипломатическим предложениям Запада.

4. Обороноспособность нашего государства должна обеспечиваться внешнеполитическими действиями. Определяющую роль должно сыграть позиционирование политического руководства страны в нарастающем стратегическом противостоянии США и КНР. Это противостояние дает

России дополнительный диапазон для стратегического манёвра, позволяет оперативно варьировать свои отношения с каждым из указанных глобальных «центров силы» в зависимости от конкретных геостратегических, в том числе военно-политических, обстоятельств, но при этом требует от России совершенствования и укрепления Стратегических ядерных сил как главного фактора, обеспечивающего национальный суверенитет.

5. Войны XXI века характеризуются многообразием форм и способов развязывания вооружённого конфликта и заблаговременным — задолго до начала боевых действий — нанесением максимального ущерба противнику с помощью «организационного оружия», этого ноу-хау современной войны. Что предполагает, прежде всего, дистанционное и «бесконтактное» нарушение функционирования структур управления атакуемой страны, инициирование раскола её политических элит, нарушение в этой стране социальной стабильности за счёт сочетания подрывных пропагандистско-психологических, экономических и специальных операций.

6. Фаза боевых действий характеризуется скоротечным характером сражений, стремлением в максимально короткие сроки нанести неприемлемый ущерб системам управления и военной инфраструктуре противника, ведением боевых действий как на всю глубину фронта, так и «по вертикали»: в воздушном и космическом пространстве. Технологически развитые армии стремятся к ведению боевых действий дистанционно, без прямого соприкосновения с противником. Поэтому приоритет сегодня отдаётся развитию средств разведки, автоматического управления и высокоточного вооружения как средствам реализации преимуществ в объёме и качестве получаемой информации, а также в сроках её обработки и использования.

7. В свете вышесказанного необходимо констатировать, что в настоящее

время, и в особенности на ближайшую перспективу (5–7 лет), Россия оказывается в чрезвычайно трудном и опасном положении. Сегодня наша страна во многом утратила тот геостратегический потенциал, включая его военно-промышленную, научно-технологическую, мобилизационную и информационно-финансовую составляющие, которого достиг СССР в 80-х гг. прошлого столетия, для «прямого» ответа на существующие угрозы. И это обстоятельство требует от политического руководства страны выработки нестандартных, асимметричных подходов, использование которых позволит парировать эти угрозы при затрате гораздо меньших экономических и финансовых усилий. Именно эти принципы должны быть положены в основу выработки Россией новой доктрины национальной безопасности, включая развёртывание в её рамках военной реформы, а также в политико-организационное и информационное обеспечение этих усилий.

8. Необходимо признать, что военная структура, доставшаяся России в наследство от СССР, оказалась практически полностью разрушена в ходе первого этапа военной реформы 2008–2012 гг. Проведённые в рамках данной реформы меры носили хаотичный, непродуманный характер и не привели к качественному улучшению наших Вооружённых сил, а по ряду параметров привели к их деградации. Возврат к старой структуре теперь едва ли возможен, поскольку потребует финансовых затрат, намного превосходящих реальные возможности нашей страны. Поэтому сегодня является жизненно-необходимым проанализировать предыдущий период, определить приоритеты военного строительства, уточнить военную доктрину, сделав её более конкретной и политически обоснованной, и уже на основе проведённого анализа сформировать план дальнейшей реформы, обсудить его в военно-научном и экспертном сообществе и утвердить его на Совете безопасности. Представленный доклад следует рассматривать как один из первых шагов в данном направлении.

9. Сегодня стала очевидной настоятельная необходимость конкретных мер по ограничению влияния фактора внезапности на принимаемые политические решения. Это мог бы быть замкнутый на Верховного главнокомандующего Вооружёнными силами Российской Федерации центр кризисного предупреждения и анализа военно-политической обстановки, который бы осуществлял постоянный мониторинг угроз национальной безопасности России и постоянное информирование политического руководства по связанному с данной темой кругу проблем.

10. Назрела необходимость создания в составе Вооружённых сил РФ новых родов войск и структур:

— Командования и Сил специальных операций: полноценного наступательного рода войск, до настоящего момента отсутствовавшего в полном, законченном виде в структуре Вооружённых сил России;

— Войск радиоэлектронной борьбы, поскольку в условиях качественного и количественного роста автоматизированных средств управления, насыщения войск вероятного противника электронными системами связи и обмена информацией необходимость развития средств РЭБ выходит на новый уровень;

— Агентства по информационно-сетевому противоборству и информационным операциям как структуры, осуществляющей информационное сопровождение действий армии, а также пропагандистские, контрпропагандистские и иные активные операции в Мировой сети Интернет и медиапространстве.

11. Необходима реформа мобилизационной системы и создание Национального военного резерва. Армия, не имеющая резервов, не способна одержать победу в современной войне.

12. Создание новых видов оружия, совершенствование боевой техники и вооружения, НИОКР в военной сфере — это не только укрепление

существующих Вооружённых сил, но и возможность прорыва к технологиям двойного назначения, соответствующим переходу к 6-му глобальному технологическому укладу. Потенциально — это локомотив, способный вытащить российскую промышленность и экономику на новый уровень. В данной связи важнейшее значение приобретает эффективная деятельность создаваемого Фонда перспективных исследований, способного объединить работу учёных и запросы военных.

Анализ доступной информации показывает, что на сегодня особого внимания заслуживают исследования и разработки:

- дистанционно управляемых автоматизированных устройств, имитирующих физическую, речевую и даже интеллектуальную деятельность человека — роботов;
- дистанционно управляемых и автономных беспилотных летательных аппаратов различных функций и назначения;
- систем разведки, связи, коммуникаций и управления, их элементной базы, соответствующих алгоритмов, математического и программного обеспечения;
- средств вооружённой борьбы, основанных на новых физических принципах и эффектах (дистанционное зондирование ионосферы Земли, геофизическое и климатическое оружие и пр.);
- генно-инженерных и биофизических технологий.

13. Следует ожидать, что центральным механизмом комплексного деструктивного воздействия на Россию, вплоть до расчленения страны, будет и впредь оставаться «оргоружие» с прямым воздействием на процесс политической стабильности и на выработку и осуществление финансово-экономической стратегии, которую будут усиленно подталкивать в сторону раздувания социальных и прочих внутренних конфликтов по типу ситуации СССР в конце 80-х гг. 20-го столетия. Такому же воздействию бу-

дет подвергаться и линия на военное строительство и военную реформу. Всё это требует от высшего политического руководства выработки и осуществления крайне выверенного курса управления страной.

Сегодня необходима научно обоснованная концепция коррекции военной реформы. В рамках этой работы важно не допустить повторения ошибок первого этапа реформы, когда её проведение было отдано на усмотрение узкой группе руководителей и испол-

нителей, поставлено в зависимость от их компетенции, личных предпочтений, а иногда и предубеждений.

У России сегодня есть уникальный исторический шанс провести масштабную реформу своих Вооружённых сил, вывести их на качественно новый уровень и оснастить самыми современными техникой и вооружением. Создание таких Вооружённых сил в сочетании с энергичным политическим руководством, выверенной и сбалансированной внешней политикой станет весомым ответом на вызовы XXI века.

I. СИСТЕМНО-ДИНАМИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА УГРОЗ ДЛЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В каком состоянии находится сейчас система национальной безопасности РФ? Как она соотносится с развёрнутой реформой Вооружённых сил, какие потенциальные вызовы стоят перед нашей страной и какие стратегические приоритеты должно выбрать политическое руководство страны в XXI веке, когда общая внешнеполитическая ситуация усложняется практически даже не с каждым годом, а с каждым месяцем?

Чтобы дать правильные ответы на эти важнейшие вопросы, необходимо прежде всего осознать, куда и как движется современное человечество. Об этом свидетельствуют не только отечественные эксперты, но и исследования, которые проводятся под руководством Пентагона и в целом в системе НАТО. Аналогичные разработки осуществляются также в странах АТР, прежде всего в Японии, КНР и Южной Корее.

Что касается отечественной военно-политической мысли, то здесь два последних десятилетия прошли под знаком безраздельного доминирования «экспортных версий» либерально-монетаристских концепций, которые доказывали и доказывают необходимость максимального и ускоренного военно-политического сближения России с США и странами НАТО, основной военно-стратегической угрозой для нашей страны называли и называют масштабную войну с КНР, а также локальные вооружённые конфликты вплоть до отдельных террористических актов.

Работы, проведённые в рамках этих версий, целенаправленно фальсифицировали реальную геостратегическую и военно-политическую ситуацию в современном мире, представляя её в выгодном для сторонников этих концепций свете. В частности, такие документы, как доклад Валдайского клуба, доклад СВОП, а также работы Арбатова и Дворкина, осуществлённые в рамках Центра Карнеги, активно поддерживали ход военной реформы в РФ и практически полностью солидаризировались с её итогами.

Очевидно, что в провале первого этапа военной реформы есть доля ответственности и указанных авторов, которые не пожелали выйти за рамки принятых ими концепций, а личные и групповые интересы ставили выше решения реальных проблем безопасности страны.

Не впадая в крайности алармизма, мы должны тем не менее отметить, что сегодня реальными «центрами силами» в гораздо большей степени выступают транснациональные корпорации (ТНК), чем национальные государства. Они — даже такие крупные, как США, — всё в большей мере выступают в роли военно-политических инструментов сверхкрупного транснационального капитала (Финансового интернационала, Фининтерна). Поэтому всё четче обозначается тенденция переноса главных «узлов» международных и межгосударственных противоречий в сферу геостратегических и экономических интересов. Традиционные суверенные государства и их военно-политические блоки теряют определяющую роль в мировом развитии, которую они играли на протяжении последних 200 лет, с конца XVIII до конца XX века.

Усиливается влияние качественно новых форм информационного, идеологического, технологического и экономического давления на «традиционные» общества, включая рост «идейно-религиозного» терроризма, незаконного оборота оружия, наркотических и психотропных веществ и т.д.

При этом в связи с кризисным переходом от 5-го к 6-му глобальному технологическому укладу обостряются и усугубляются «традиционные» ресурсные, идейно-религиозные, национальные, демографические и территориальные конфликты.

Отсюда следует, что стратегическая безопасность независимых государств на современном этапе напрямую зависит от того, как они взаимодействуют с основными мировыми «центрами силы»: США, включая возглавляемый ими блок НАТО, и Китаем. Российская Федерация, несмотря на то, что является сегодня третьей по совокупной мощи державой мира, в этом отношении не представляет исключения. Несмотря на утверждения упомянутых выше «мейнстримовских»

политиков и аналитиков о преодолении современным миром антагонистических противоречий, ведущих к разного рода военным конфликтам, а также об отсутствии прямых военных угроз для России, события нынешнего десятилетия, в особенности — последних двух лет, указывают на совсем другую парадигму, в рамках которой РФ является объектом «мягкой» агрессии и подвергается нарастающему давлению как по периферии своих нынешних границ, так и в более широком плане слома стратегического паритета. Объективным подтверждением этого служит расширяющийся диапазон военных конфликтов вблизи нашей территории, а также на территории стран, которые являются нашими потенциальными союзниками. Более того, территория РФ сегодня стала прямым объектом внешней вооружённой агрессии ещё одного стремительно формирующегося мирового «центра силы»: «панмусульманского»

салафитского проекта, который при поддержке «нефтяных» монархий Саудовской Аравии и стран Персидского залива активно формирует и поддерживает экстремистские ваххабитские движения не только в «исламских» регионах России, но и по всей её территории. Не секрет, что салафитский проект во многом реализуется с подачи США и отчасти Евросоюза, которые видят в миллиардной исламской умме необходимый им демографический потенциал для противостояния Китаю, Индии и России, а также другим развивающимися странам третьего мира.

Кроме того, налицо растущие усилия США добиться подавляющего превосходства в военно-технической сфере, при котором РФ, демонтировав свой ракетно-ядерный потенциал и утратив возможность ответного удара с неприемлемым ущербом, потеряла бы стратегический паритет с Соединёнными Штатами. К этой цели Вашингтон двигается как че-

рез разворачивание самых перспективных военно-технических программ, так и через дипломатические усилия по навязыванию России выгодных для себя договорённостей в сфере ограничения стратегических и общих вооружений.

Конкретные тренды, которые указывают на скачкообразное нарастание угрозы различного вида войн вплоть до «глобальной войны», по нашему мнению, таковы.

Во-первых, очевиден количественный и качественный рост военных расходов за последние десять–двенадцать лет. Так, в 2000 году общий объём таких расходов в мире составлял 597 млрд долл. (мировой рынок вооружений — 36,9 млрд долл.), в 2006 году — соответственно 1,2 трлн и 40,3 млрд долл., в 2012 году — 1,8 трлн и 69,8 млрд долл.

Во-вторых, происходит обострение негласной, но жёсткой конкуренции глобальных военно-стратегических про-

ектов, прежде всего — американского и китайского.

В-третьих, возрастают роль и влияние военно-разведывательной элиты в рамках правящих кругов ведущих стран мира. Причем понятие «разведка» в данном случае необходимо трактовать расширительно — как тип т.н. «умного оружия».

Растущая мировая «конфликтность» является прямым следствием системного кризиса мирового хозяйства, в центре которого находятся Соединённые Штаты Америки. Очевидно, что США пытаются компенсировать сокращение реального геостратегического потенциала повышенной политической активностью, используя своё военно-технологическое и информационно-финансовое превосходство с целью сохранения своей роли глобального лидера. Именно США выступали и выступают инициаторами подавляющего большинства локальных войн последнего десятилетия и зачастую — их участниками. При этом необходимо отметить, что участие США в таких конфликтах может осуществляться как в форме прямой интервенции (Афганистан, Ирак), так и в скрытых формах «стратегии непрямого действия» (Ливия, Сирия, Египет), для чего используются качественно новые силовые механизмы: Силы специальных операций (ССО) и частные военные компании (ЧВК), являющиеся по своим характеристикам «теневыми» армиями, которые активно используются против неугодных США стран и правительств.

Однако в известной нам истории мира смена глобальных технологических укладов всегда сопровождалась и сменой глобальных геостратегических лидеров. Поэтому все попытки Соединённых Штатов сохранить своё лидерство военнополитическими методами без слома существующей социально-экономической модели развития выглядят абсолютно бесперспективными.

Системно-цивилизационный кризис мира — это уже не прогноз на завтра, а вполне сформировавшаяся реальность. Появление альтернативных глобальных проектов, принципиально новых идеологий и лидеров — дело ближайших десяти–пятнадцати лет. И это обстоятельство также указывает на растущую вероятность «большой войны» между

основными мировыми «центрами силы», то есть прежде всего — между США и КНР.

России, находящейся, как отмечено выше, между этими двумя «центрами силы», в ближайшей перспективе необходимо сохранить независимое положение (хотя в условиях повышения конфликтного потенциала между США и Китаем сделать это будет чрезвычайно трудно, поскольку сохранять нейтралитет и «оставаться в стороне» от этого конфликта нашей стране с её гигантским геостратегическим потенциалом просто не позволят).

Вероятной линией действия США в ближайшее время будет линия на втягивание РФ в схему «новой перезагрузки» с использованием блока НАТО, чтобы предотвратить сближение Москвы с Пекином и максимально ослабить российский военный потенциал. Ослабление будет осуществляться через серию соглашений по разоружению и сокращению до минимума как российского стратегического ракетно-ядерного потенциала, так и потенциала тактического ядерного оружия, который особенно важен в случае региональных и локальных конфликтов, в том числе — на территориях Средней Азии и Кавказа.

Тем более что начиная с 2016 года, после прихода нового президента, США вполне могут пойти на пересмотр своей политики в отношении России. При этом ослабленная договорами Россия будет неспособна быстро восстановить свой стратегический потенциал до уровня паритета с американским.

Следовательно, политическому руководству России с особой осторожностью следует подходить к любым дальнейшим предложениям по ограничению стратегических ядерных сил — в особенности без участия в этом процессе КНР и ядерных держав блока НАТО (Великобритании и Франции). Одновременно следует уделять как можно больше внимания мониторингу общемировой политической и экономической ситуации, в которой будет находиться страна до 2025 года.

Ещё одним существенным геостратегическим фактором является наличие «сырьевой иглы» в экономике РФ, что неизбежно будет ограничивать реальный суверенитет и «степени свободы» дей-

ствий нашей страны на международной арене, заставляя её «делать выбор» между США и Китаем.

Ещё раз указывая на то, что вариант «или — или» является далеко не оптимальным для России, в отличие от варианта «вооружённого нейтралитета», мы тем не менее должны учитывать, что союзы с этими державами далеко не равнозначны и не равноценны как для России, так и для её контрагентов.

Если для Китая союзнические отношения с Россией в условиях конфронтации с США являются стратегическим фактором, компенсирующим военно-технологическое превосходство США, то для США союз с Россией — это не более чем «чисто техническая процедура», не имеющая определяющего значения для противоборства с Китаем. Поэтому для временного снятия своих фундаментальных противоречий с Китаем в определённых условиях Вашингтон будет готов пожертвовать Россией, предельно максимально её ослабив. Этот вариант, впервые озвученный Збигневом Бжезинским в начале 90-х годов, сегодня выглядит очень маловероятным сценарием, поскольку противоречия КНР с США концентрируются прежде всего на южном направлении и имеют глобальный финансово-экономический характер, но учитывать его необходимо. Таким образом, более тесные отношения с КНР являются предпочтительными с точки зрения национальной безопасности РФ и её военного строительства, чем аналогичного уровня отношения с США.

Некоторые аналитики пытаются сравнивать нынешнюю ситуацию с преддверием Второй мировой войны. Мы же считаем период, в который мир вступил после 2007 года, скорее близким к ситуации не 30-х, а 80-х годов прошлого века. А потому нашей стране предстоит готовиться скорее к жёсткой конфронтации, сходной с холодной войной против СССР в 80-е годы, чем с угрозой «большой войны», подобной Второй мировой и Великой Отечественной войнам.

Парадоксально, но факт: у нас не было и нет адекватного анализа причин геостратегического поражения СССР в 80-е годы, нет соответствующей имитационной модели и даже необходимого понятийно-

го аппарата. Казалось бы, в любом случае такой системный, многофакторный анализ должен был стать одной из главных задач Совета безопасности РФ. Но не стал. Хотим мы того или нет, но надо констатировать, что из геостратегического поражения Советского Союза так и не были извлечены соответствующие уроки. Поэтому повторение российским руководством многих фатальных ошибок перестройки 80-х годов практически неизбежно.

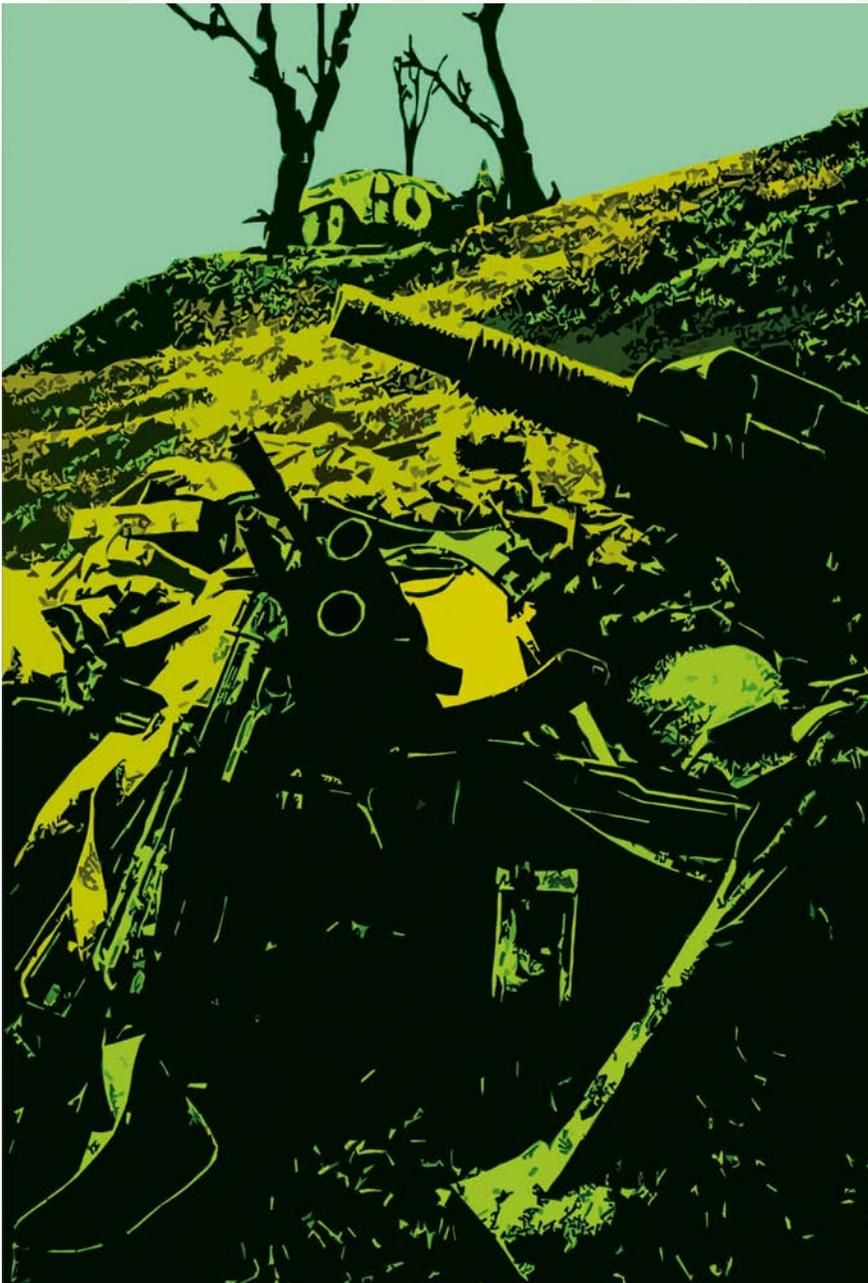
В нынешней ситуации глобального системного кризиса важнейшее значение имеет фиксация понятия «победа» в рефлексивной системной войне. Цель «победы» в такой войне для военно-разведывательной элиты США заключается в том, чтобы использовать все основные ресурсы потенциального противника (России) с целью реализации собственной долгосрочной политико-экономической стратегии.

Смысл этой стратегии заключается в том, чтобы сформировать и реализовать глобальную модель управляемого переформатирования экономических, социальных и политических структур, соответствующих технологическим комплексам 6-го уклада.

С этой точки зрения ракетно-термоядерная война, в принципе неприемлемая с разных точек зрения, становится возможной только на финальной стадии развития целенаправленной «конфронтационной спирали» и только в случае потери управляемости такой «спиралью». Поскольку термоядерное столкновение станет конечным поражением для всех участников, то одна из главных задач рефлексивной системной войны — добиться стратегического выигрыша как можно на более ранних стадиях развёртывания конфронтационной спирали.

Основными вехами раскрутки «конфронтационной спирали» на территории РФ в современных условиях являются:

- стимулирование локальных сепаратистских вооружённых действий с доведением их до тотального хаоса и расчленения страны;
- раскол элиты и общества как финальная стадия направляемого кризиса ценностной системы, или системы смыслов;
- деморализация армии и военной элиты;

- искусственная непрерывная и управляемая деградация внутренней социально-экономической ситуации в стране;
- целенаправленное усиление и формирование соответствующих внешних кризисных факторов;
- постепенное стимулирование социально-политического кризиса;
- одновременная интенсификация различных форм и моделей психологической войны;
- активизация массовых панических настроений, полная деморализация ключевых государственных институтов;

- демонизация неприемлемых для США лидеров, лоббирование «агентов влияния», интеграция соответствующих схем внутреннего управления;
- уничтожение внешнего коалиционного потенциала стратегического противника и т.д.

Поэтому, рассуждая об угрозах «малых» и «больших» войн, необходимо понимать, что это будут не привычные войны традиционного типа, где основную роль играло деформационное воздействие на противника прежде всего через массированное применение средств вооружённой борьбы (ракет, авиации, танков

и проч.), а военная победа достигалась победой в сражении или кампании. Это будет системная совокупность сложных процедур и технологий трансформационного и информационного воздействия на управляющие центры противника, которая лишь на конечном этапе – и то далеко не всегда – предполагает высокоинтенсивное применение «обычных» вооружённых сил. То есть война против России в XXI веке своим обязательным этапом будет иметь вариант холодной войны 80-х годов, однако с гораздо более драматическими последствиями для проигравшей стороны.

Очевидно, что в ходе целой цепи войн последнего двадцатилетия, где принимали участие Вооружённые силы США, включая Силы специальных операций (ССО), отрабатывались новые подходы и совершенствовались новые способы ведения войны. В результате именно США являются сегодня обладателями наиболее передовой военно-стратегической концепции. Поэтому совершенно необходимой является попытка проанализировать эту концепцию и выделить её основные элементы.

Наиболее явно характер «войн будущего» проявился в ходе вооружённых конфликтов в Югославии, Ираке, Афганистане, Ливии. Здесь, ограниченным составом сил и средств, преимущественно авиацией и силами специальных операций (ССО), в очень сжатые сроки достигались ощутимые геостратегические цели. Это связано не только с применением новейших высокотехнологичных систем вооружений, но и с достаточно глубокой проработкой вопросов теории современной войны в научном и практическом плане.

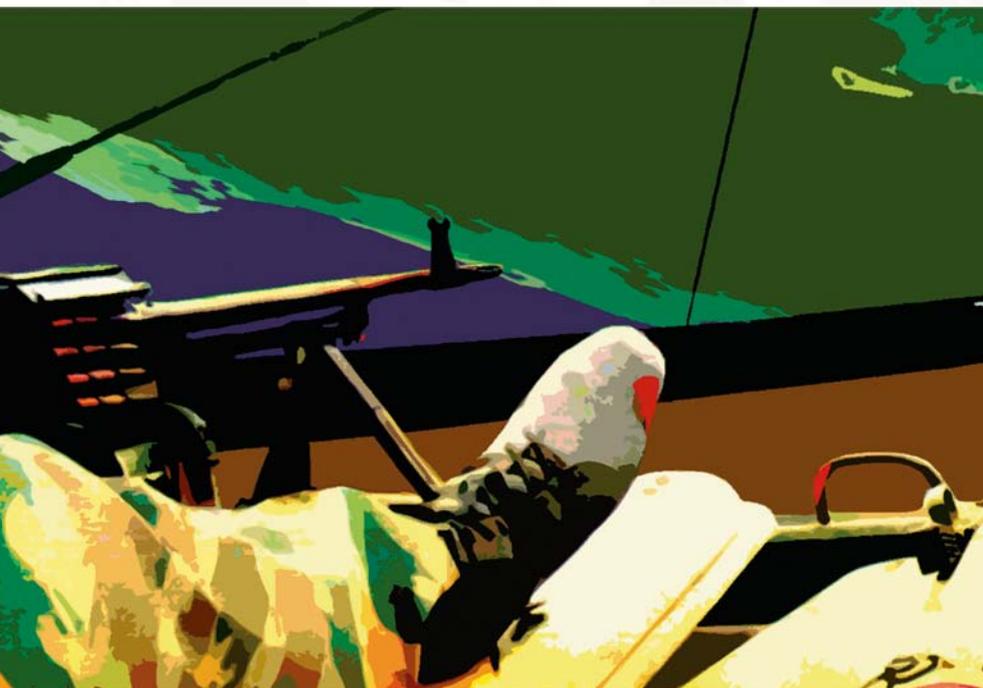
Именно в ходе этих войн США продемонстрировали эффективность новых способов ведения войны и новых видов оружия. К такому оружию прежде всего необходимо отнести **организационное оружие**: скоординированные по времени психологические, пропагандистские и киберпространственные операции в сочетании с экономическими и политическими санкциями как против руководителей государств – объектов агрессии, так и против «элит» и простых граждан этих стран. Совокупность таких операций имеет своей целью психологическое подавление всех,

«снизу доверху», слоёв населения стран – объектов агрессии, дезорганизацию системы управления этих стран, нарушение функционирования экономики.

По итогам данных конфликтов необходимо признать высокую эффективность оргоружия. Неприемлемый урон

их не только военными, но также экономическими, дипломатическими и информационными усилиями, что создаёт комфортную обстановку для действий армии США и придаёт агрессивной войне видимость легитимного международного силового воздействия на «страну-изгоя».

странам – объектам агрессии был нанесён без прямого вооружённого вторжения на территорию этих стран. И только после устранения возможностей противника к эффективному военному сопротивлению к операциям привлекались традиционные вооружённые силы, осуществлявшие «контрольный выстрел» по уже поверженному противнику.

Одним из базовых условий ведения войн современного типа является ставка США на «коалиционность». США не устают использовать глобальную военную организацию НАТО, в которой доминируют, для силового подавления своих противников. Создание коалиции стран для подавления противника и изоляции противника на международном дипломатическом уровне американское политическое руководство считает обязательным условием для начала военных действий. С одной стороны, это позволяет разделить политическую ответственность с союзниками, которые вынуждены далее следовать за США и поддерживать

В современных вооружённых конфликтах **одной из особенностей ведения боевых действий армией США** является безусловный приоритет разведки и автоматизированных систем управления. На этой основе в США разработана и внедрена на всех уровнях военной организации **сетевая концепция** ведения боевых действий, позволившая решить вопросы различного воздействия на войска противника, в том числе и огневое поражение в реальном масштабе времени, без потери времени на принятие решения и организацию последующего огневого поражения.

Фактически сегодня армия США использует концепцию единой разведывательно-ударной операции. В рамках этой концепции объединённые в единый информационный поток все виды разведки нацелены не только на вскрытие военного потенциала противника, но и на упреждение его действий, уничтожение систем управления, а будучи объединёнными со средствами поражения в режиме ре-

ального времени, непрерывно наносят ему поражение на всю оперативно-тактическую глубину.

Ещё одной фундаментальной характеристикой «войн нового типа» в исполнении США является приоритет ведения бесконтактных боевых действий на основе концепции максимального сбережения человеческого ресурса. В связи с этим на первом этапе преимущество отдаётся боевой ударной авиации, обязательным условием применения которой является завоевание господства в воздухе, и стратегической авиации, применяющей высокоточные и обычные боеприпасы.

При этом всё больше задач огневого поражения передаётся беспилотной разведывательно-ударной авиации, которая сегодня активно развивается.

Третья особенность заключается в том, что США заблаговременно стремятся развернуть во всех ключевых точках планеты глобальную сеть крупных общевойсковых и авиационных баз, позволяющую в сжатые сроки сконцентрировать на угрожаемых направлениях значительные по численности и боевым возможностям группировки как воздушных, так и наземных сил. Например, в Афганистане и в бывшей Югославии уже созданы «супербазы», позволяющие за считанные дни развернуть здесь многотысячную группировку войск в отличие от ранее необходимых для формирования такой группировки недель и даже месяцев. В этих условиях манёвр авианосными ударными группами, ранее вскрывавший военные намерения США, уже не является обязательным и необходимым, что повышает фактор оперативной внезапности действий американской армии.

Четвёртой особенностью ведения «войн нового типа» является стирание граней между состояниями мира и войны путём широкомасштабного использования на первых этапах военных операций специально созданных и постоянно модернизируемых сил специальных операций. Именно ССО создают в странах – объектах агрессии зоны нестабильности и вооружённых конфликтов путем вовлечения в них различных этнических, конфессиональных и иного рода общностей. Затем, используя уже созданную внутреннюю нестабильность как повод

для вмешательства, США приступают к непосредственному уничтожению систем государственного управления, инфраструктуры и жизнеобеспечения, дезорганизации системы военного управления и дезорганизации тыла противника.

Пятой особенностью следует назвать высокую интенсивность применения обычных вооружений на финальном этапе конфликта. Как следствие возрастает значение материально-технического обеспечения действующих войск, потребляющих огромное количество боеприпасов. Так, по опыту Ирака только одной батальонной тактической группе армии США на сутки требовалось более 500 тонн различных боеприпасов.

Шестой особенностью является использование новых формы контроля на захваченной территории, что выражается в широком привлечении частных военных компаний (ЧВК), которые не только осуществляют качественное боевое и тыловое обеспечение группировок войск, но и осуществляют контроль за захваченной территорией, позволяя не отвлекать на эти цели силы действующей армии.

Таким образом, «войны нового типа» в исполнении США характеризуются многообразием форм и способов развязывания вооружённого конфликта, приоритетом систем разведки, управления и высокоточного поражения, использующих преимущества в получении, обработке и реализации полученных данных в реальном масштабе времени, высокоманёвренным, вплоть до бесконтактного, ведением боевых действий на всю глубину фронта, а также «вертикальностью» — перемещением в воздушное и космическое пространство.

При этом США стремятся максимально исключить применение своими противниками ядерного оружия и других видов оружия массового поражения, поскольку демографический порог «неприемлемого ущерба» для их вооружённых сил чрезвычайно низок и исчисляется на уровне от десятков тысяч (в случае «локальной войны») до миллиона (в случае «большой войны») человек.

Не следует забывать, что сегодня собственно военные угрозы представляют собой всего лишь часть общего спектра угроз национальной безопасности страны

и связаны с прямым либо опосредованным применением военной силы.

Трансформация глобальной геостратегической ситуации пока не привела к приоритету невоенных методов разрешения межгосударственных противоречий. Изменилось лишь соотношение вероятных масштабов будущих войн, форм и методов ведения вооружённой борьбы, характеристик оружия и военной техники. При этом военная сила, как и прежде, остаётся главным аргументом мировой политики.

Угроза глобальной ракетно-ядерной войны, доминировавшая в эпоху недавнего открытого противостояния двух мировых социально-экономических систем и блоков — СССР и США, ОВД и НАТО, в целом ослабла. Определённые угрозы подобного формата гипотетически исходят и от других ядерных стран: КНР, Израиля, мусульманских государств, прежде всего Пакистана, и некоторых других. Но реальная угроза массированного ракетно-ядерного удара по территории России на ближайшие десятилетия сохранится лишь со стороны США и их союзников. При этом вероятность такой войны на данном этапе можно считать минимальной в силу сохранения Россией своего стратегического ядерного потенциала и потенциала гарантированного нанесения ответного ракетно-ядерного удара. Всё это делает ядерное оружие потенциалом «последнего аргумента» и объектом непрерывного военно-технического соревнования сверхдержав в попытках нейтрализовать этот силовой фактор. В то же время в локальных и местных войнах тактическое оружие приобретает новый приоритет. В последнее десятилетие США и страны НАТО активно разрабатывают концепцию **обезоруживающего неядерного удара** по системам управления и стратегическим ядерным силам России такой силы и масштаба, который полностью исключал бы возможность какого-либо ответного применения российского ядерного оружия с нанесением США «неприемлемого ущерба».

За последние годы наивысший приоритет в программах военного строительства США получили именно те системы ударных вооружений, которые отличаются высокой точностью, трудностью для обнаружения и повышенной дальностью.

К таким системам, в частности, относят крылатые ракеты морского и воздушного базирования (для нанесения ударов с рубежей, недоступных для средств обороны противника), самолёты, выполненные по технологии «стелс» (стратегические и тактические), беспилотные средства поражения (прежде всего для ударов по РЛС и космическим аппаратам воздушно-космической обороны), разведывательно-ударные комплексы (для поражения групповых бронетанковых, а также точечных высокозащищённых целей в глубине обороны противостоящей стороны). Новым этапом в развитии этих средств стали активные работы в области гиперзвуковых средств доставки, что к уже упомянутым качествам ВТО добавляет ещё одно важнейшее для воздействия по ядерному потенциалу России качество — минимальное подлётное время. Постановка таких систем на вооружение фактически вернёт национальную безопасность России в положение 80-х годов XX века, когда в Европе были развёрнуты ракеты средней дальности и время реагирования на военную угрозу ужалось до 8–10 минут.

Западные аналитики подчёркивают ориентацию указанных систем прежде всего на неядерный конфликт. При этом отмечают, что, в силу своей высокой эффективности, сочетания большой мощности, точности и скрытности, действующие и перспективные обычные вооружения будут способны решить практически все боевые задачи, **включая и стратегические**. Показательно, что в ходе российско-американских переговоров по разоружению подобные системы специально не ограничиваются, а крылатые ракеты морского базирования большой дальности американская сторона последовательно и с особой настойчивостью вообще исключает из предмета каких-либо переговоров.

Таким образом, налицо явное стремление США к приобретению возможности обезоруживающего неядерного удара по стратегическим ядерным силам России.

Также показательно, что неоднократно в течение последних 20 лет попытки России выстроить союзнические отношения с США и НАТО заканчивались ничем. Нашей стране в ответ всегда давали понять, что в структуре НАТО для неё места нет. Максимум, чего удалось до-

биться российской дипломатии, — это создать комиссию Россия — НАТО, которая является не более чем совещательно-дискуссионным органом. Единственный путь в НАТО, который предлагается России, — это полный отказ от суверенной внешней политики, масштабное разоружение и встраивание в блок в качестве государства-«неофита», наряду с Хорватией, Латвией и т.д. При этом Вооружённые силы НАТО неоднократно использовались для нанесения военного поражения странам, с которыми у России были выстроены партнёрские отношения, что явно свидетельствует о нежелании руководства блока НАТО всерьёз учитывать национальные интересы России или её позицию в ходе принятия своих решений.

Военная угроза со стороны НАТО ещё не является угрозой «завтрашнего дня», но вероятность её резко возрастает в условиях обострения глобального системного кризиса и нарастающей борьбы между «центрами силы» за ресурсы и рынки, что уже сегодня требует принятия эффективных мер по противодействию такой угрозе.

В отличие от глобальной ядерной угрозы резко возросла военная угроза локальных, региональных масштабов. Многосторонние конфликты разной степени интенсивности сегодня имеют место на Ближнем и Среднем Востоке (Израиль, арабские страны Северной Африки, Сирия, Ирак, Афганистан, Иран), в недавнем прошлом — на Юге Европы (Югославия и постюгославские страны), непростая обстановка складывается в Южной Азии (Индия, Пакистан) и ряде других регионов современного мира. Ограниченные региональные войны, очевидно, останутся в обозримом будущем наиболее распространённой формой межгосударственных вооружённых конфликтов. Для России самыми оформленными угрозами такого рода являются претензии Японии на южнокурильские острова, а также непризнание Грузией итогов конфликта 2008 года в Южной Осетии.

Кроме того, как уже отмечалось выше, одной из самых актуальных угроз для безопасности России является усиление экспансии салафитского (ваххабитского) проекта в «национальные» субъекты Федерации на Северном Кавказе и в Повол-

жье, а также угроза вторжения исламских радикалов из Афганистана в республики Средней Азии. Данный проект ставит своей целью не только вычленение из состава России «мусульманских» регионов, создание там исламских «амиратов» с «зачищенной» немусульманского населения. Накопившиеся в этих регионах многолетние проблемы: тотальная коррупция, клановость, деградация образования и социальной сферы в целом, имущественное неравенство, неразвитость производящих секторов экономики и безработица — стали питательной средой для политических сил экстремистского толка. После всплеска их активности в 90-е годы новому руководству страны в начале 2000-х удалось сбить «ваххабитскую волну», но за последние три года приходится констатировать новое и скачкообразное усиление активности экстремистских движений и организаций под флагом ваххабизма, который подаётся как «исламский социализм». Неприятной новостью для структур федеральной власти стало появление экстремистских бандформирований на территории ранее стабильных «исламских» регионов страны: Татарстана, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии. Не в последнюю очередь это связано с тем, что салафитские центры Катара и Саудовской Аравии, в ходе Арабской весны в Судане, Египте и Ливии отработав технологии свержения неугодных режимов, теперь решили, что вполне могут повторить подобные «революции» на территории России, а потому многократно увеличили финансирование экстремистским силам. Кроме того, идёт массовая переброска «высвободившихся» после Ливии и Египта боевиков, накопление оружия, взятие под контроль местных органов власти и захват духовных центров. Всё это позволяет сделать вывод о неизбежности эскалации террористической активности в регионе вплоть до перерастания её в вооружённый мятеж и диверсионную войну.

В результате проведённой системно-динамической оценки угроз для национальной безопасности Российской Федерации стало возможным сформулировать три основных сценария военных конфликтов, в которые может быть вовлечена наша страна на перспективу ближайших 15–20 лет.

СЦЕНАРИЙ «БОЛЬШОГО КОНФЛИКТА» (СТРАНЫ НАТО, США, ЯПОНИЯ)

По своему характеру такая война будет:

- высокоинтенсивной и высокотехнологичной, поскольку каждая из указанных выше стран будет стремиться нанести первый обезоруживающий удар высокоточным оружием по нашим Стратегическим ядерным силам, системам разведки, управления и связи в космосе, воздухе и на земле;

- с массированным применением обычных сил и средств в первом эшелоне атаки (по принципу «всё или ничего») и высокоточного оружия, чтобы за кратчайший срок нанести поражение нашим войскам и выполнить основные задачи до нанесения ответного ядерного удара или начала политических переговоров.

При этом на стратегическом уровне такому конфликту может предшествовать период нарастания конфликтного потенциала между странами, что позволит силами и средствами разведки своевременно вскрыть военные приготовления и провести необходимые мобилизационные мероприятия.

СЦЕНАРИЙ «РЕГИОНАЛЬНОГО ПОГРАНИЧНОГО КОНФЛИКТА»

По своему характеру такой конфликт будет:

- скоротечным, ввиду ограниченности военных задач и стремления решить их без втягивания противоборствующих сторон в «полноценную» войну;

- локальным: район боевых действий будет ограничен рамками непосредственной конфликтной зоны (спорные территории, анклав проживания той или иной народности и т.п.).

При этом началу конфликта также может предшествовать заметный период нарастания конфликтного потенциала, что позволит России провести необходимые военные приготовления.

СЦЕНАРИЙ «ВНУТРЕННЕГО ВОЕННОГО КОНФЛИКТА, КОНТРТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ»

По своему характеру такой конфликт будет:

- вялотекущим: противник сделает ставку на диверсионную войну и тактику «булавочных уколов», то есть изматывания

федеральных силовых структур террористическими атаками и локальными ударами;

- продолжительным, т.к. победа в таком конфликте возможна только при критической усталости одной из воюющих сторон, разочаровании в целях конфликта вовлечённого в него населения и изоляции района боевых действий, перекрытии финансовых и ресурсных источников, подпитывающих одну из сторон конфликта;
- не имеющим полноценных боевых столкновений.

При этом, как в начале подобного конфликта, так и в процессе его развития, Россия будет иметь необходимые и достаточные возможности по укомплектованию войск, ведущих боевые действия.

Таким образом, становится очевидной сложность задач отечественного военного планирования, поскольку сегодня мы принципиально не можем ранжировать имеющиеся угрозы на первостепенные и второстепенные.

Адекватный ответ на перечисленные выше угрозы требует активных и упреждающих мер военного строительства, формирования отвечающих стандартам «войн нового типа» Вооружённых сил, подготовки современных кадров военнослужащих, разработки новых систем вооружений. Особая роль в этом принадлежит науке и оборонно-промышленному комплексу.

В этих условиях ключевой проблемой становится своевременное вскрытие и информирование высшего политического руководства о критическом нарастании существующих конфликтных потенциалов всех уровней задолго до этапа открытой конфронтации, когда конфликт уже переходит в открытую фазу и требуется немедленная мобилизация ресурсов для его разрешения.

Выявление угрожающих факторов и тенденций на раннем этапе развития конфликта позволит получить стратегический выигрыш во времени для наилучшей подготовки к такому конфликту, инициативы в выборе времени, места, сил и средств для его разрешения.

В тексте действующей Военной доктрины РФ (пункт 6-а), в частности, утверждается, что «особенность современных военных конфликтов – непредсказуемость их возникновения». Мы полагаем

данный тезис неправомерным и, более того, не соответствующим действительности, представляющим всю мировую политику в виде хаоса беспричинных и случайных событий. Очевидно, что буквальное следование этому тезису резко снижает ответственность разведывательного сообщества России за упреждающую и систематическую работу по обеспечению заблаговременного предупреждения об угрозе внезапного нападения.

Между тем анализ деятельности разведывательных структур по снижению фактора внезапности, столь остро проявившегося в годы Второй мировой войны и позже, вплоть до южноосетинского конфликта 08.08.2008, заслуживает особого внимания и соответствующих практических рекомендаций.

Сегодня в США сложилась организационная система стратегического предупреждения, которая функционирует постоянно, вне зависимости от уровня напряжённости обстановки в мире. Итогом деятельности этой системы является представление президенту США сводных аналитических докладов – «меморандумов предупреждения об угрозе США». Эти документы готовятся при возникновении угрозы вооружённых конфликтов различного масштаба и характера: от локальных войн и военных акций до ракетно-ядерной войны. В последние годы к особо опасным ситуациям, требующим специального предупреждения, отнесены и масштабные террористические акты против США.

«Меморандумы предупреждения» разрабатываются на основе полной совокупности информации, которой располагают все компетентные ведомства этой страны, прежде всего спецслужбы. Их подготовка осуществляется специальным подразделением экспертов высшей квалификации (Группа стратегического предупреждения), имеющих неограниченный допуск к секретным материалам всех ведомств и действующих в аппарате Совета национальной безопасности США. Группа организационно завязана на специальный центр оперативной обработки информации для нужд президента США, так называемую «ситуационную комнату» Белого дома. Непрерывное функционирование такого подразделения является

стабилизирующим фактором, поскольку даёт политическому руководству обоснованную уверенность в том, что никакие опасные в военном отношении действия потенциальных противников не застанут их врасплох, а потому геостратегическая инициатива находится в их руках.

Об организации целенаправленной работы в СССР, аналогичной американской системе стратегического предупреждения, известно немного. Такая работа, несомненно, велась, однако носила не постоянный, а эпизодический характер, т.е. определённые сводные аналитические документы, касающиеся назревающих военных угроз, время от времени докладывались наверх совместно всеми компетентными ведомствами.

Исключение составляет, пожалуй, только ситуация рубежа 1970–1980-х годов, связанная с развёртыванием советских ракет средней дальности СС-20 на европейской части страны и ответными мерами НАТО по размещению американских ракет «Першинг-2» в Европе. Короткое, до 8–10 минут, подлётное время этих ракет до важнейших целей на территории СССР, включая Москву, заставило советское руководство всерьёз задуматься над проблемой заблаговременного предупреждения о военном нападении и факторе внезапности.

Встал вопрос о несоответствии возможностей средств радиотехнической разведки – в частности, отечественной системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН) – реальной угрозе и организации мер противодействия этой угрозе. Весь упомянутый комплекс технических средств был подведомствен Министерству обороны СССР и обеспечивал, следуя американской терминологии, лишь тактическое предупреждение, т.е. сообщал об ожидаемом месте и времени падения головных частей **уже стартовавших** ракет противника. Всё это давало руководству страны на анализ ситуации и принятие решения лишь несколько минут, которых могло бы не хватить для адекватного реагирования на такую угрозу. Таким образом, было признано, что использование только технических средств разведки не могло обеспечить высшее политическое и военное руководство СССР необходимым временем предупреждения.

В результате было принято решение о целесообразности создания единой информационно-аналитической структуры, обобщающей критическую информацию, поступающую как от военного, так и от других компетентных ведомств. Эта структура должна была в непрерывном режиме оценивать поступающую к нему информацию, формируя на выходе стратегическое предупреждение, другими словами – заблаговременно уведомляя о появлении реальной угрозы внезапного нападения, критическом нарастании кризисных, террористических и иных особо опасных военно-политических ситуаций.

Такой центр стратегического предупреждения был создан в 80-х годах при управлении разведывательной информации Первого главного управления КГБ (внешняя разведка). Однако в начале 90-х годов данная линия работы была свёрнута. Произошло это из-за не поддающейся рациональному объяснению убеждённости тогдашнего высшего по-

литического руководства в исчезновении для страны каких-либо внешних угроз и веры в надёжность вновь обрётённых союзников.

Сегодня стала вполне очевидной настоятельная необходимость конкретных мер по ограничению влияния фактора внезапности на принимаемые политические решения. Критический анализ американского и советского опыта в этой сфере мог бы принести определённую пользу. Речь идёт о возможном создании при руководстве России некоего аналога американского информационного механизма стратегического предупреждения. Это мог бы быть замкнутый на Верховного главнокомандующего Вооружёнными силами РФ центр кризисного предупреждения и анализа военно-политической обстановки, развернуть который представляется целесообразным на базе ситуационного центра Кремля и организационно включить в аппарат Совета безопасности либо администрации Президента РФ.

II. ОЦЕНКА ПРОШЕДШЕГО ЭТАПА ВОЕННОЙ РЕФОРМЫ И ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ ПОДХОДОВ В ЕЁ СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ

Проведение предыдущего этапа военной реформы было отдано в руки узкой группе бывшего военного руководства, а потому критически зависело от степени компетентности всего нескольких лиц. В подобных условиях избежать ошибок и серьёзных просчётов было делом принципиально невозможным. Поэтому, на наш взгляд, настоятельно необходима комплексная профессиональная, общественная и общегосударственная экспертиза проведённых преобразований.

Для этого необходимо, прежде всего, сформировать межведомственную экспертную комиссию, в которой собрать авторитетных военачальников, военных учёных, политологов, военных экспертов, которым поручить оценку уже прове-

дённых преобразований и подготовку предложений по коррекции дальнейших действий в рамках военной реформы. Не секретная часть их работы должна быть вынесена на общественное обсуждение, после которого компетентные государственные органы с учётом высказанных мнений примут окончательное решение.

Разумеется, наши усилия не могут предвосхитить или заменить собой результаты деятельности такой экспертной комиссии, однако мы надеемся, что высказанные ниже соображения не будут бесполезными для её работы.

О ВОЕННОЙ ДОКТРИНЕ РОССИИ

В рамках этой комиссии следует считать одним из ключевых вопросов внесение предложения о коррекции военной доктрины. Существующая военная доктрина носит весьма расплывчатый и общий характер, а потому не позволяет эффективно готовить Вооружённые силы России к нейтрализации и отражению вероятных угроз, так как сами эти угрозы определены условно и неточно. Необходимы чёткие задачи, поставленные высшим руководством страны для практических шагов в этом направлении. Нужна военная доктрина, которая установит и ранжирует вероятные угрозы. Наконец, необходимо определиться, к каким войнам мы должны быть готовы в рамках единой концепции национальной безопасности. Должны быть также определены возможные затраты государства на отражение тех или иных угроз. На основании этих расчётов можно будет определять, какие конкретно Вооружённые силы нам нужны по количеству личного состава, по количеству и номенклатуре вооружения и военной техники, по запасам различных материальных средств, по людским ресурсам мобилизационной составляющей и т.д.

О ЦЕНТРАЛЬНЫХ ОРГАНАХ ВОЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Одним из важнейших элементов коррекции военной реформы должно стать восстановление нормального функционирования главного органа стратегического управления Вооружёнными силами — Генерального штаба. Сегодня Генштаб из органа стратегического военного управления, планирующего строительство

и способы применения Вооружённых сил страны, по сути, превратился в диспетчерский пункт по управлению жизнью и деятельностью войск, который вынужден заниматься буквально всем: от расписания полётов военно-транспортной авиации до контроля за расходованием материальных средств в частях. Необходимо освободить Генштаб от несвойственных ему задач по повседневному руководству войсками, передав их видам Вооружённых сил и родам войск. Необходимо вернуть Генштабу его главные функции: прогнозирование военно-политической обстановки, планирование применения ВС, ведение разведки, планирование и проведение специальных операций, наблюдение за вероятным противником, оценку угроз, уточнение планов, контроль за их обеспечением.

Говоря о коррекции реформы системы управления, нельзя не сказать о ключевом элементе этой системы, о кадрах. Введённая трёхлетняя ротация офицеров в ведущих управлениях Генштаба привела к тому, что качество выполнения должностных и специальных обязанностей по занимаемым должностям резко снизилось. Это, естественно, сказалось и на работе Генштаба в целом. Например, для полноценной подготовки старшего офицера Главного оперативного управления Генштаба к выполнению самостоятельных задач необходимо минимум пять лет. Такой подход был выработан за десятилетия военного строительства и себя оправдывал. При этом сохранялась преемственность, рос профессионализм, повышалось качество выполнения поставленных задач. Мы считаем необходимым вернуться к этой практике и восстановить уникальную военную касту — офицеров-генштабистов, восстановить систему отбора кадров в Генеральный штаб, куда шли лучшие из лучших офицеров.

Также стоит признать ошибочным смешение функций Генштаба и Министерства обороны РФ, при котором последнее взяло на себя целый ряд функций управления войсками. Всё это привело к дезорганизации системы военного управления в целом.

Считаем необходимо чётко разграничить функции Министерства обороны и Генерального штаба. Министерству обо-

роны стоит сосредоточиться на проблемах перспективного военного строительства и контролем за его проведением. Министерство должно стать главным финансисистом выполняемых в оборонных целях работ; выступать заказчиком и контролёром производства вооружения и военной техники (государственный оборонный заказ); разрабатывать федеральную программу вооружения; обеспечивать мобилизационную готовность Вооружённых сил РФ. В компетенцию министерства также должна входить и социальная защита военнослужащих.

А Генеральный штаб, повторим, должен снова стать полноценным органом военного управления, осуществляющим стратегическое планирование и организующим применение Вооружённых сил страны, обеспечение их оперативной и мобилизационной подготовки, разведывательную деятельность в интересах обороны, разработку мобилизационного плана, мер по воинскому учёту и подготовке граждан к военной службе.

ОБ ОФИЦЕРСКОМ КОРПУСЕ

Очевидно, что на сегодня ключевым для дальнейшего проведения Военной реформы становится вопрос формирования эффективного офицерского корпуса. Сегодня офицерский корпус, несмотря на серьёзное увеличение финансирования и целую систему мер стимулирования, находится в состоянии глубокого кризиса. Офицеров не хватает, их роль в военных коллективах не соответствует задачам. Их уровень подготовки (особенно младшего офицерского состава) зачастую удручающий. К сожалению, всё это следствия ошибок, допущенных при реформировании офицерского корпуса в 2008–2012 годах.

В основу решений о реформе и массовых сокращениях офицерского состава была положена идея «правильного пропорционального сочетания» в виде известной «пирамиды Макарова», основу которой должны были составлять младшие офицеры, середину — старшие офицеры, а верхушку — генералы. Перекосом, требующим исправления, было признано такое кадровое состояние армии, при котором количество офицеров в звании «майор — подполковник», превосходило количество

офицеров в звании «лейтенант — капитан». При этом в качестве образца приводилась армия США, где такое сочетание было «правильным». Здесь и крылась ошибка. При принятии решений о массовых сокращениях не была изучена реальная структура Вооружённых сил США, где кадровый состав боевых частей и подразделений действительно имеет форму упомянутой «пирамиды», но — без учёта органов военного управления, вспомогательных частей и соединений, а также учебных заведений. Если же учитывать

обладал формально-структурный принцип, при котором сокращались не конкретные люди, после оценки их необходимости для армии, а целые структуры в полном составе. В итоге армия лишилась десятков тысяч высокоподготовленных, имеющих боевой опыт и боевые награды офицеров всех уровней, которых сегодня новое руководство Министерства обороны снова решило вернуть в строй. Очевидно, что по данному вопросу необходима серьёзная коррекция проведённых изменений и исправление допущенных перекосов.

и эти структуры, то возникает практически то же самое кадровое соотношение, что и в Российской армии до реформы. При этом в Армии США, помимо регулярной армии, тысячи старших офицеров служат также в Национальной гвардии, в резерве Армии США и в военно-промышленном комплексе.

В итоге, на основании ошибочных или намеренно фальсифицированных исходных данных, в 2008–2009 гг. проводились массовые сокращения офицерского состава Вооружённых сил РФ, откуда было уволено более 180 тысяч человек. В ходе этих сокращений были также допущены дополнительные серьёзные ошибки. Индивидуальный подход к увольнению офицеров был исключён. Вместо него воз-

О ВОЕННО-АДМИНИСТРАТИВНОМ ДЕЛЕНИИ

Можно признать состоявшейся и вполне оправданной существующую сегодня четырёхвидовую структуру Вооружённых сил (Сухопутные войска, ВВС, ВМФ, войска ВКО). Однако, на наш взгляд, её необходимо дополнить в рамках этой структуры Главными командованиями видов ВС, а также командованиями родов войск и возложить на них полную ответственность за состояние, строительство, развитие, подготовку и боевое применение подчинённых им сил. Пересмотреть численность этих органов управления с учётом новых задач, подчинив им оперативно-стратегические командования (ОСК) по изложенным выше задачам.

Очевидно, что существующее сегодня военно-административное деление не отвечает вызовам современности и было сделано без их учёта. Так, Восточный военный округ сегодня, например, «врезан» в два государственных федеральных округа и включает в себя фактически всю Восточную Сибирь и Дальний Восток. При этом, в нарушение всех азов военного строительства, округ вынужден прикрывать сразу два стратегических направления, что делает эффективное управление таким образованием невозможным. Такая же картина и с Центральным военным округом.

Сейчас новые оперативные командования, по сути, представляют собой «перетяжелённые» старые военные округа с ослабленными органами военного управления, но при этом с добавленными новыми функциями. Каждое из четырёх оперативных командований объединило в себе два старых военных округа, две военно-воздушные армии (сейчас — объединённые командования ВВС и ПВО), а также по одному флоту (флотилии), а в Южном военном округе — даже два: Черноморский флот и Каспийскую флотилию. При этом штаты управления и штаба оперативного командования в два раза меньше, чем были в военном округе до реформы, хотя подчинённых им органов военного управления стало в три раза больше. Как следствие — они оказываются неспособны эффективно управлять войсками и решать поставленные задачи, что каждый раз выявлялось в ходе учений и манёвров последних лет.

Критическая ситуация сложилась и в системе управления разнородными силами. Сейчас, в силу неясных причин, в каждом оперативном командовании создана надстройка из морского и авиационного управлений, которые в реальности выполняют не управленческие, а совещательные функции, хотя командование требует от них принятия решения и отработки боевых документов. При этом командование флотов должно было быть упразднено, а руководство флотами — передано управлению в составе оперативных командований, чей штат увеличивался не больше чем на 20%. Если бы эти планы были доведены до этапа воплощения, управление флотами практически терялось.

По факту после упразднения главкоматов родов и видов войск, несмотря на декларируемое объединение под единым командованием разнородных сил, такой интеграции не произошло. Флоты и командования ВВС и ПВО ведут боевое планирование самостоятельно, потому что их управления в командованиях просто не имеют необходимых для решения этих задач по количеству и качеству штатов.

В связи с вышеизложенным мы считаем необходимым сформировать **пять военных округов: Западный** (штаб — Москва), **Приволжско-Уральский** (штаб — Екатеринбург), **Северо-Кавказский** (штаб — Ростов-на-Дону), **Сибирский** (штаб — Иркутск) и **Дальневосточный** (штаб — Хабаровск) — с возвращением функций управления штабам флотов. На основных стратегических направлениях должны быть созданы командования, способные решать все вероятные задачи: как своими силами, так и с учётом усиления.

О РЕФОРМЕ СУХОПУТНЫХ ВОЙСК

Намеченный всеобщий переход к бригадной структуре Сухопутных войск за прошедшие четыре года так и не выявил своего превосходства над существовавшей ранее дивизионно-полковой структурой. При этом в ходе учений стало очевидно, что бригада «нового облика» по своим боевым возможностям примерно в 2,5 раза уступает «традиционной» дивизии. Также не нашли подтверждения тезисы о том, что бригадная структура упрощает управление войсками и повышает их мобильность. При наличии в бригаде тяжёлой техники её манёвр по-прежнему может быть осуществлён лишь по железной дороге или своим ходом. Возможность переброски лёгких бригад со стрелковым оружием по воздуху доказана, но требует колоссальных затрат и полного переоснащения существующей военно-транспортной авиации.

Бригады «нового облика» — это перетяжёленная структура с неясными задачами. Очевидно, что задачи общевойскового соединения обусловлены присутствием в его составе общевойсковых (танковых, мотострелковых) подразделений и частей. Мировой военный опыт, включая опыт Советской армии, показывает, что наиболее

эффективно для решения боевых задач соотношение общевойсковых военнослужащих (мотострелков и танкистов) от 30 до 60% от всего личного состава общевойсковой части (соединения). Сейчас же в бригаде численность общевойсковых подразделений составляет не более 15%, а с учётом «некомплекта» в некоторых бригадах — всего лишь 5%.

В итоге мы получили общевойсковое соединение, которое может осуществлять артиллерийскую поддержку и даже противовоздушную оборону, но не способно вести общевойсковой бой.

Очевидно, что в рамках сегодняшних Сухопутных войск необходимо иметь гибкую структуру, сочетающую в себе достоинства всех ранее существовавших организаций, и чётко увязать её задачи со всем комплексом вероятных военных угроз. Так, против технически оснащённого противника, располагающего современными мощными вооружёнными силами, необходимо использовать проверенную временем дивизионно-полковую структуру. А на тех направлениях, где нам противостоят противник качественно более слабый, или для операций по парированию террористической угрозы вполне оправданно формировать и использовать бригады.

При этом стоит учесть, что по своим боевым возможностям современная американская дивизия как минимум равна, а частично даже превосходит наше нынешнее оперативное объединение, то есть так называемую «армию» (оперативное командование) «нового облика»! Современная структура Сухопутных войск в модели «армия — бригада» ввиду несовершенства организационно-штатных структур (отсутствия достаточного количества ствольной артиллерии в обоих уровнях воинских формирований) не позволяет с необходимой степенью эффективности выполнять задачи огневой подготовки наступления и обороны.

В Российской армии, наряду с существующими бригадами, следует возродить и **дивизионную структуру** — но в новом качестве, как основу ударной группировки Сухопутных войск. Дивизии должны быть: **постоянной готовности, сокращённого состава и кадра** (базы хранения), а бригады: **постоянной готовности и сокращённого состава**.

Дивизия постоянной готовности по боевым возможностям должна превосходить существующую и перспективную механизированную дивизию США, имея подавляющее превосходство в противодействии авиации противника, в ведении разведки, в возможностях перегруппировки, в том числе своим ходом, и в огневой мощи. Численность дивизий постоянной готовности должна колебаться в пределах 10–15 тысяч человек.

Бригада постоянной готовности должна остаться в структуре Вооружённых сил, но претерпеть существенные изменения по повышению их боевой мощи и способности противостоять воздушным силам противника. Бригады могут применяться как для прикрытия государственной границы на отдельных операционных направлениях, так и для решения задач на тех операционных направлениях, где маловероятно развязывание крупномасштабной войны с привлечением значительных сил агрессора (Северный Кавказ, Заполярье, Карелия, Камчатка и т.п.).

Дивизия сокращённого состава является соединением первоочередной готовности, предназначенным для наращивания боевых возможностей объединений при отражении агрессии в ходе локальной или крупномасштабной войны со штатом офицеров, прапорщиков, в повседневной деятельности предназначенных для укомплектования полковых школ обучения военнослужащих срочной службы на начальном этапе подготовки и совершенствования подготовки военнослужащих по контракту. Штат **базы** — кадровые офицеры и прапорщики на основных руководящих должностях, которые находятся во втором штате дивизии постоянной готовности с целью организации повседневной учебной деятельности в полковых школах, на преподавательских должностях и должностях инструкторов и осуществляют периодическое перемещение по ротации или в процессе выдвижения по итогам обучения курсантов на другие должности в соединения постоянной готовности. Это является своего рода дополнительной теоретической подготовкой на данных должностях без отрыва от части. Привлечение дивизий сокращённого состава, с полным их доукомплектованием и развёртыванием, проведением боевого

слаживания в течение месяца и привлечением к участию в оперативных или стратегических учениях, производится один раз в 3 года. Численность дивизий сокращённого состава в структуре вооружённых сил должна соответствовать численности дивизий постоянной готовности и колебаться в пределах 10–15 тысяч человек.

Бригада сокращённого состава предназначается для наращивания возможностей родов войск и специальных войск, дислоцируется на базах соединений и частей родов войск и специальных войск, имея аналогичную дивизии сокращённого состава структуру и предназначение. Развёртывание бригад, их боевое слаживание и привлечение к различным учениям проводятся в соответствии с отдельными планами, но не реже одного раза в 3 года. Численность бригад сокращённого состава зависит от потребностей родов войск и специальных войск.

Дивизия кадра является соединением, предназначенным для восполнения потерь в ходе боевых действий в крупномасштабной войне или в локальном конфликте, грозящем перерасти в такую войну. Территория дивизии — это оборудованная на участке местности вблизи существующей военной базы с использованием плит и построенных навесов площадка для размещения техники и имущества. Навесы предназначены как для укрытия техники от непогоды, так и с целью скрыть истинное наличие техники и её состав. На территории базы складировано имущество на личный состав; вооружение, боеприпасы загружены в технику. База по периметру оборудована ограждением с видеонаблюдением, сигнализацией, установленными дистанционными пулемётными установками.

Охрану дивизии кадра осуществляет **частная военная компания**, которая по договору с МО осуществляет охрану базы, контроль состояния техники, её периодическое обслуживание и испытание в учебно-боевых условиях, а также подготовку личного состава на сборах, включая и офицерский состав, прибывающий из запаса.

О МОБИЛИЗАЦИОННОМ РЕСУРСЕ

Решение о фактически полной ликвидации мобилизационной компоненты

Вооружённых сил РФ следует считать стратегически ошибочным. Отражение полномасштабной агрессии вероятного противника, а также ведение успешных боевых действий в локальных конфликтах невозможно без создания организованного вооружённого резерва. Такой резерв сегодня есть во всех армиях современных развитых стран. Поэтому мы считаем критически важным включение в структуру Вооружённых сил РФ мобилизационного компонента и возобновление военной подготовки приписного состава. Победа в крупномасштабной войне никогда не достигалась исключительно силами регулярных войск. Исход войны всегда решается наличием подготовленных резервов.

О ВОЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ

Необходима самая серьёзная коррекция системы военного образования. Сегодня в этой сфере образовался недопустимый разрыв. Под создание нового департамента образования в составе Министерства обороны РФ и введения должности заместителя министра обороны по военной науке и образованию было решено в этом департаменте объединить прикладную военную науку, занимающуюся исследованиями боевого применения, тактического маневра, осо-

бенностей тактико-технических характеристик различных образцов вооружения и военной техники (13 и 30 НИИ ВВС, 1 и 2 ЦНИИ ВМФ и т.д.) и непосредственно военное образование, то есть военные вузы и академии. По факту это привело к срыву работ специальных НИИ, которым теперь приходилось согласовывать темы и тактические задания с чиновниками департамента, которые были далеки от этой тематики, являясь гражданскими чиновниками, и как следствие – уклонялись от решений по этим вопросам.

Основой же реформы военного образования была, в силу неясных причин, избрана идея его «гуманизации». Систему обучения в военных вузах было решено максимально приблизить к гражданским вузам. Как следствие, прошла радикальная реорганизация жизни и службы курсантов. Были пересмотрены учебные программы в сторону сокращения учебного времени и времени самостоятельной подготовки, введены десятки дополнительных часов на гуманитарные предметы вместо тактики, огневой подготовки и других специальных военных предметов. В результате из военных училищ в войска теперь приходят слабо обученные офицеры, чей профессиональный уровень не соответствует требованиям современной армии. Ещё бо-

лее удручающая картина наблюдается с поствузовским образованием. Вместо ступенчатой системы «училище – военная академия – Академия Генерального штаба» была внедрена «курсовая» система, в рамках которой вместо базового образования офицер должен был перед назначением на вышестоящую должность проходить краткосрочные «курсы повышения квалификации». Так, офицеров для работы в оперативно-стратегических звеньях управления обучали на десятимесячных курсах. Уже первый опыт использования такой формы военного образования показал, что в результате армия получает крайне ограниченных в знаниях, слабо подготовленных офицеров среднего и высшего звена.

В рамках оценки прошедшего этапа военной реформы необходимо внимательно изучить ситуацию с военным образованием и решить, насколько необходимыми были слияния военных вузов в огромные учебно-научные центры? Какова эффективность этих слияний?

Очевидно, что военные училища необходимо возвращать видам Вооружённых сил, для которых они, собственно, и готовят кадры. Четыре года их отдельного существования в статусе департамента образования Министерства обороны РФ показали серьёзную деградацию военного образования, его отрыв от нужд войск.

Необходимо также выяснить, насколько обоснованными и продуманными были решения о реформировании Военной академии Генерального штаба ВС РФ, Академии ВВС им. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина, Военной академии им. М.В. Фрунзе, Академии ВКО им. Г.К. Жукова.

ОБ АУТСОРСИНГЕ И ТЫЛЕ

В пунктах постоянной дислокации войск система аутсорсинга тыла себя вполне оправдала, поскольку она разгружает солдат от уборки и нарядов, – но только при условии отсутствия коррупционной составляющей (которая присутствует почти везде). Однако в случае полевых занятий, больших учений, а тем более боевых действий система аутсорсинга работать не способна, что было выявлено практикой последних четырёх лет. Особенно острой является ситуация с ремонтом и восстановлением техники. Про-

ведённые в Центральном военном округе экспериментальные учения показали, что «Спецремонт» (компания холдинга «ОборонПром», отвечающая за ремонт и обслуживание техники) не может ремонтировать технику в поле, а тем более – эвакуировать её из-под огня.

Представляется логичным полигоны, стрельбища, учебные центры и другое учебное имущество передать по аутсорсингу специально созданным и законно утверждённым частным военным компаниям, которые будут в состоянии осуществить обслуживание соответствующей аппаратуры и оборудования на высоком профессиональном уровне. В дополнение к этим обязанностям в условиях нерешённости вопроса охраны и обороны военных городков при выходе из них соединений и частей, как в ходе учений, так и в ходе ведения боевых действий, для недопущения разграбления и утери запасов оружия и других средств, в повседневной мирной жизни и в условиях боевых действий, охрану военных городков и городков с семьями военнослужащих возложить на созданные частные военные компании, в которых в основном будут нести службу вышедшие в отставку военнослужащие.

Это своего рода решение социальной проблемы уволенных военнослужащих. Эти же частные компании в условиях войны можно использовать и для решения других важных задач – от обеспечения территориальной обороны до действий в составе партизанских специальных отрядов.

Представляется необходимым:

- восстановить Службу тыла Вооружённых сил РФ;
- восстановить военную медицину, уничтоженные и сокращённые в ходе прошедшего этапа военной реформы госпитали;
- вернуть функции управления и реализации недвижимого имущества Министерства обороны в Росимущество РФ, чтобы исключить возможность злоупотреблений;
- предприятия, выполняющие ремонт и обслуживание военной техники, входящие в холдинг «Оборонсервис», передать в ведение главных командований видов Вооружённых сил.

О «КЛЮЧЕВЫХ ТОЧКАХ» ВОЕННОЙ РЕФОРМЫ

По итогам четырёх лет военной реформы можно констатировать, что в ходе преобразований так и не было сформировано внятное понимание мобилизационной составляющей военного строительства российских Вооружённых сил, роли и места мобилизационных структур в военной организации государства.

Так и не была создана современная концепция ведения войны, и как следствие — не была проведена необходимая реорганизация. В частности, в составе российских Вооружённых сил так и не был сформирован принципиально новый род войск — Силы специальных операций и командование специальных операций как наиболее эффективный инструмент войны «нового типа».

Из внимания реформаторов выпала необходимость срочной модернизации резервной системы управления Стратегическими ядерными силами страны как ключевого элемента национальной безопасности.

По-прежнему крайне остро стоит проблема формирования подготовленного и мотивированного современного офицерского корпуса.

Так и не решена проблема формирования профессионального корпуса младших командиров. Решение этих системных проблем, на наш взгляд, позволит нейтрализовать имеющиеся негативные тенденции, которые сегодня препятствуют эффективной реформе Вооружённых сил России.

МОБИЛИЗАЦИОННЫЙ КОМПОНЕНТ — СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ

Модернизация и переход к современным Вооружённым силам Российской Федерации, готовым к отражению полномасштабной агрессии, ведению успешных боевых действий в локальных конфликтах, невозможны без создания организованного вооружённого резерва. Даже в тех странах, которые провозглашают своей политикой невмешательство и нейтралитет, как, например, в Швеции, наряду с вооружёнными силами страны существует вооружённый резерв.

Проблема создания организованного резерва в России остро стоит с первого дня создания Вооружённых сил России, но унаследована ею ещё от Советской армии. Уже в 1980-е годы советская мобилизационная система комплектования частей и соединений через военкоматы утратила эффективность. Анализ проведённых в 1987 году сборов в Сухопутных войсках показал, что мобилизационные учения по укомплектованию личным составом были сорваны. Два полка Сибирского и Забайкальского военных округов вместо положенных трёх суток разворачивали почти три месяца, при этом процент несовпадений по военно-учётным специальностям составил 80%.

В 90-е годы система работы с организованным вооружённым резервом (далее — ОВР) так и не была пересмотрена.

В 2000-е годы с появлением частей постоянной боевой готовности (ЧПГ) ОВР как таковой прекратил своё существование, его основу — «кадрированные» части и соединения (куда должны были с возникновением военной угрозы поступать резервисты-«запасники») — превратили в части-доноры для ЧПГ. С одной стороны, такой подход позволял поддерживать высокую укомплектованность ЧПГ и их постоянную боевую готовность, с другой — в случае большой войны принимать резервистов в частях сокращённого состава было бы уже некому, так как весь кадровый состав ушёл на доукомплектование ЧПГ в первые часы войны.

В ходе военной реформы по переходу Вооружённых сил РФ к «новому облику» было предложено рациональное решение проблемы ОВР. Части и соединения сокращённого состава-«кадр» предлагалось передать в подчинение губернаторов краёв и областей (аналогично системе Национальной гвардии США). Было предложено заключать с желающими контракты, согласно которым такие «резервисты» должны были раз в месяц прибывать на двухдневные сборы, раз в полгода — на недельные, а один месяц в году убывать на полковые/дивизионные учения. По своему контракту «резервист» получал бы не менее 10 тысяч рублей в месяц прибавки к основной зарплате. В случае войны части и соединения автоматически

переподчинялись командованию военного округа, на чьей территории они находились. В ЧПГ должны были остаться отделения мобилизации и комплектования, куда бы военные комиссариаты направляли состоящих у них на учёте военнослужащих для прохождения стажировки на различных должностях. Принцип стажировки такой же: 2 дня — неделя — месяц, при этом заключался бы такой же контракт с такой же оплатой труда.

Но данное предложение не было поддержано бывшим руководством Вооружённых сил РФ. Вместо этого в «новом облике» Российской армии волевым решением был полностью упразднён резервный компонент. Это сокращение обосновывалось ошибочным тезисом, что наиболее боеспособные армии современного мира (в том числе и прежде всего армия США) не имеют организованного военного резерва и ведут боевые действия лишь существующим составом ВС. Части и соединения сокращённого состава-«кадр» были расформированы: так же как большинство баз хранения вооружения и военной техники. В военных комиссариатах упразднили отделы-отделения, отвечавшие за призыв личного состава из запаса. И на сегодня система работы с ОВР полностью уничтожена. При этом необходимо отметить, что ни одна из войн, проведённых США в последние двадцать лет, не обходилась без широкого привлечения мобилизационного резерва. В определённые периоды («война в Заливе» 1991 года, вторая иракская кампания 2002 года) процент резервистов в боевых группировках составлял до 25% от численности всего личного состава.

Принятый 19 декабря 2012 года Государственной думой Закон РФ «О военном резерве» представляет собой только попытку — и не слишком удачную — решить проблемы ОВР, идущие ещё с советских времен.

Говоря о мобилизационной готовности, мы утверждаем, что концепция предыдущего этапа Военной реформы, исходившая из тезиса об отсутствии масштабных внешних угроз и вероятности внезапного нападения на Россию, была в корне ошибочной. При любом из возможных сценариев войны у России будет

сохраняться определённый временной интервал для подготовки к войне, достаточный для проведения оперативных мобилизационных мероприятий и наращивания своих военных группировок до необходимой численности. Главным условием успешности такого развёртывания будет наличие достаточного подготовленного действующего военного резерва для такого развёртывания.

Мы хотели бы предложить следующий подход к формированию Вооружённых сил и Национального военного резерва (НВР) России.

Он основан:

- на новом подходе к созданию и содержанию Национального военного резерва, включающего действующий резерв армии, а также мобилизационный резерв первой и второй очереди;
- на новом подходе к дислокации войск, включающем совместную дислокацию соединений и частей различной готовности в одних базовых районах и интенсивное и качественное использование всей материальной и учебной базы;
- на новом подходе к организации обучения личного состава молодого пополнения и военнослужащих по контракту, а также новой организации процесса повседневной деятельности и боевой подготовки соединений и частей;

- на новом подходе к комплектованию, обучению и проверке боевой готовности в ходе различных по масштабам реальных, а не показательных учений. Считаем, что показательные учения и проведение тактических приёмов применения войск к единообразию влекут за собой лишение командиров самостоятельности, индивидуальной инициативы в выработке новых форм и способов обучения войск, а значит, будут способствовать поражению наших войск в предстоящих военных конфликтах из-за возможностей противника предвидеть наши действия;

- на новом подходе к организации и обеспечению территориальной обороны страны, к совершенствованию подходов к комплектованию войск;

- на новом подходе в решении социальных вопросов военнослужащих, выслуживших установленный срок службы в кадровом составе армии и в действующем резерве.

В связи с созданием **Национального военного резерва** необходимо пересмотреть структуры и функциональные обязанности главных командований видов Вооружённых сил РФ и главных управлений, отвечавших ранее за мобилизационные вопросы, а в интересах качественного формирования, обустройства, подготовки Национального военного резерва, вклю-

чающего все виды вооружённых сил, — предусмотреть формирование **Командования национального военного резерва**. При формировании центрального органа такого командования, а также органов управления и взаимодействия на местах — предусмотреть привлечение к их работе офицеров, находящихся за штатом и/или уволенных по сокращению штатов в ходе военной реформы. Таким образом, мы уже сегодня обеспечим офицерский состав командования НВР высокопрофессиональными кадрами и разумно используем сложившуюся ситуацию, когда за штатом числится несколько десятков тысяч офицеров. Основными задачами командования НВР будут задачи по развёртыванию, обустройству, комплектованию, обучению, боевой готовности, боевому слаживанию, оперативно-тактической подготовке подчинённого личного состава и соединений действующего и мобилизационного резерва армии. Оперативная и оперативно-стратегическая подготовка соединений командования НВР возлагается на главные командования видов ВС.

Мы предлагаем решение **мобилизационного вопроса** осуществить в комплексе, посредством **базовых районов**, размещённых преимущественно на окраинах или в пределах территорий больших (республиканского и областного значения) городов. Базовые районы должны состоять из базового района соединения (дивизии) постоянной готовности; базового района соединения (дивизии) сокращённого состава, комплектуемого действующим резервом армии из состава НВР; базового района соединения (дивизии) кадра, комплектуемого из состава мобилизационного резерва НВР. Предлагаемый подход должен быть применён и для других видов Вооружённых сил, родов войск и специальных войск. Охрану и противодействие Силам специальных операций вероятного противника в повседневной деятельности, в угрожаемый период и в ходе боевых действий территорий баз, на которых будут располагаться семьи военнослужащих и дислоцироваться значительные запасы МТС, средств ремонта и восстановления техники, должны осуществлять созданные в России частные военные компании (ЧВК). Сотрудниками ЧВК могут

быть уволенные офицеры, что будет способствовать социальной защищённости данной категории граждан России, повысит боеготовность соединений и частей, дислоцируемых на территории баз.

Ориентировочная **численность Вооружённых сил** при возникновении глобальной войны в современных условиях может оцениваться от 3 до 5 млн человек и более с учётом проведения поэтапной мобилизации, самих угроз и боевой мощи армии. При этом в государстве должна быть принята чёткая организация Вооружённых сил, включающая регулярную армию, комплектуемую по призыву и по контракту; регулярный резерв армии, ранее именовавшийся соединениями сокращённого состава; и мобилизационный резерв, ранее именовавшийся соединениями кадра.

Численность регулярной армии должна составлять не менее 1% от общей численности населения и колебаться

в пределах 1,3–1,5 млн человек. Это тот минимум, который позволяет поддерживать боевую готовность и соответствовать боевым требованиям по решению возникающих задач вплоть до отражения масштабного внезапного первого удара противника, который в условиях развития высокоточного оружия и новых систем вооружения уже не считается невозможным.

Национальный резерв армии должен рассчитываться от вероятных угроз на данном стратегическом направлении, и его численность зависит от количества техники, находящейся на хранении в соединениях сокращённого состава. Отличительная особенность Национального резерва от мобилизационного в том, что резервистам ежемесячно начисляются 40% положенного денежного довольствия военнослужащих в соответствии с занимаемой должностью и 100% при участии в учениях, тренировках. При призыве

для доукомплектования регулярных частей в случае ведения боевых действий в ходе КТО расчёт производится так, как и с регулярными войсками, увеличивая необходимую сумму денежного довольствия в три раза, а возможно, и более.

Под **Национальным резервом армии** подразумевается часть личного состава, заключившая контракт на определённый срок, проходящая службу по контракту и стоящая на должностях в частях сокращённого состава, но работающая по своим гражданским специальностям в гражданском секторе. Комплектование действующего резерва осуществляется военнослужащими срочной службы, отслужившими действительную службу, военнослужащими контрактной службы, завершившими службу по контракту в частях постоянной готовности и изъявившими желание продолжить службу в действующем резерве. Для обеспечения социального статуса военнослужащих резерва в их интересах разрабатывается специальное положение о прохождении службы, денежной компенсации и предоставлении других льгот. Части сокращённого состава размещаются на территории военной базы совместно с дивизией постоянной готовности и приводятся в боевую готовность на её базе в установленном планом боевого применения время. Весь командный состав сокращённой дивизии одновременно по своей специальности является и преподавателями в полковых школах дивизии постоянной готовности. В течение восьми месяцев занимается подготовкой военнослужащих срочной службы по программам начальной подготовки по воинской специальности, а два месяца в году, раз в три–пять лет — осуществляет боевое слаживание своих подразделений в ходе их развёртывания до штатов военного времени. Дополнительная переподготовка личного состава сокращённых частей на специальных сборах производится по отдельным планам и осуществляется после получения в состав подразделений новых или модернизированных образцов техники.

В прошлом основной укор таким соединениям выдвигался по вопросам утери квалификации офицерским кор-

пусом, плохого состояния техники и оценивался как «небоеготовность». Причин тому, как правило, несколько, но главная из них — в отсутствии нормативного финансирования на все мероприятия, предусмотренные планами. В современных условиях офицеры сокращённых соединений на постоянной основе привлекаются к преподаванию предметов по своим специальностям, подлежат ротации с офицерами дивизии постоянной готовности в целях повышения своего образования и навыков в обучении личного состава, имеют возможность повышать уровень своего образования в военных академиях и на различных курсах.

Численность мобилизационного резерва может составлять от 3 до 5 млн человек и зависеть от наличия боевой техники, хранящейся на базах и складах, от возможностей промышленности по наращиванию выпуска боевой техники в особый период и в ходе вооружённого конфликта, от потребностей в доукомплектовании резервного компонента или развёртывании местных отрядов самообороны для выполнения задач территориальной обороны страны.

Под **мобилизационным резервом армии** подразумевается часть личного состава, состоящая на воинском учете и выслужившая установленные сроки в действующей армии и в действующем резерве армии и не достигшая предельного возраста нахождения на воинском учёте, которая делится на резерв первой и второй очереди. Резерв первой очереди прикреплен к соединениям кадра, а резерв второй очереди предназначен на доукомплектование соединений и частей, понесших потери в ходе боевых действий. Переподготовка, совершенствование навыков, переучивание на новую технику мобилизационного резерва осуществляется один раз в год в течение одного месяца на базе полковых школ дивизий постоянной готовности, а проведение учений — один раз в три года в течение трёх месяцев.

Под мобилизационным резервом первой очереди понимается определённая штатами численность соединений кадра, территориально размещаемых в военных базах совместно с частями сокращённого состава и частями постоянной готовности.

Для организации частей **территориальной обороны** необходимо восстановление военных комиссариатов с расширением их функций путём размещения на их основе частей и подразделений кадра, обеспеченных необходимой техникой и вооружением. Прохождение службы офицерского состава в данных структурах осуществляется после увольнения в запас из действующей армии и нахождения в резерве до предельного возраста пребывания на военном учёте (до 60 лет), а поставка личного состава осуществляется за счёт местных ресурсов. Это позволит обеспечить социальную защиту уволенных офицеров, обеспечить их рабочими местами по прежнему или по вновь избранному месту жительства; решит вопросы, не решаемые при существующей системе, путём предоставления жилья и увеличенных участков для домашнего хозяйства. Такой подход решит и главный вопрос обеспечения территориальной обороны страны. Структуры таких частей и подразделений кадра — в соответствии с отдельным обоснованием.

МОДЕРНИЗАЦИЯ РЕЗЕРВНОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКИМИ ЯДЕРНЫМИ СИЛАМИ КАК ОСНОВА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Основная задача управления в стратегическом звене — обеспечение исполнения права президента как Верховного главнокомандующего Вооружёнными силами страны на принятие решения о применении ядерного оружия. Это — главнейшая задача, на которую нацелены все дежурные смены (силы) пунктов управления Вооружёнными силами России.

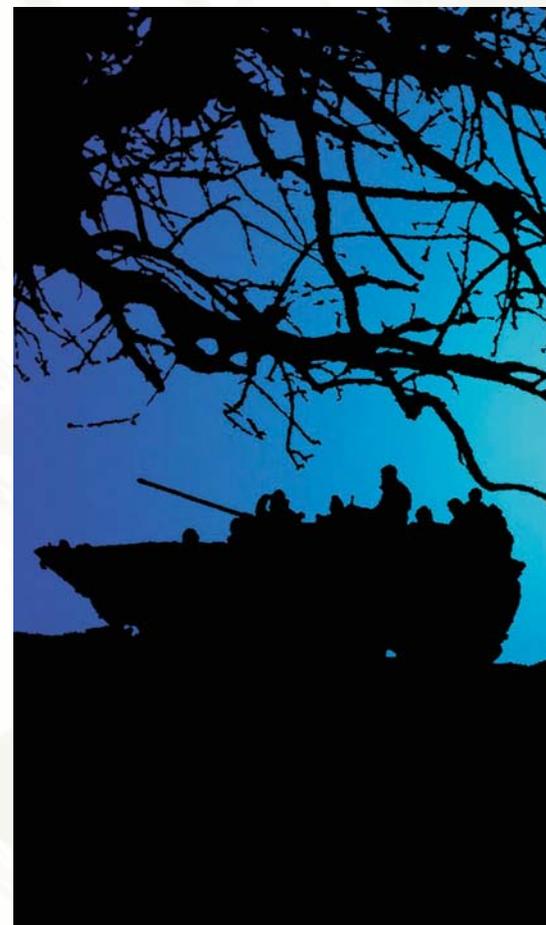
Основу системы управления в высшем звене управления составляют защищённые пункты управления государством и Вооружёнными силами. Эта система была построена ещё в советское время и функционирует до сих пор. Недавние тренировки подтвердили её высокую эффективность, но она также нуждается в модернизации.

Говоря о ядерном оружии, нельзя не поднять тему условий его применения. Учитывая нынешнее состояние, по нашему мнению, основным вариантом применения ядерного оружия для Российской армии будет являться ответный удар. По-

этому главным условием возможности нанесения такого удара является наличие устойчивой резервной системы боевого управления. Именно она гарантирует сегодня национальную безопасность России.

Особое внимание мы хотели бы привлечь к состоянию резервной системы управления Стратегическими ядерными силами РФ — системы, позволяющей даже при нанесении по нам упреждающего удара и уничтожении всех основных наших командных пунктов и центров управления Стратегическими ядерными силами, нанести по противнику ответный ядерный удар с неприемлемым для него ущербом. Сегодня эта важнейшая для безопасности государства система, как отмечено выше, находится в устойчивом рабочем состоянии, но требует плановой модернизации и продления сроков службы.

Такая модернизация призвана укрепить возможность доведения приказов боевого управления Стратегическими ядерными силами до РПКСН, самолётов Дальней авиации и пусковых установок Ракетных войск стратегического назначения в любых условиях.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СИЛ СПЕЦИАЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ РОССИИ

Чем ближе объявленный Вашингтоном на 2014 год вывод Международных сил по поддержанию безопасности в Афганистане (ISAF), тем взрывоопаснее становится обстановка в Центральной Азии. А объединение афганских племен под властью радикальных мусульманских партий под управлением талибов позволяет предположить уже в самое ближайшее время не спонтанную, а организованную угрозу экспорта исламского экстремизма и наркотиков опийной группы на территории стран ОДКБ, Ирана, а значит — и России. И эта угроза будет исходить не от ослабленного и раздробленного племенными распрями, а из целостного, усиливающегося и враждебного Афганистана.

Сейчас многое говорится о «сетевых» войнах. Но соответствующими технологиями боевых действий, к сожалению, владеют только несколько стран.

В концепции войны «нового типа» спецназ, как одна из составных частей Сил специальных операций и как орган, способный самостоятельно добывать и реализовывать полученную или добытую им информацию, будет играть одну из основных ролей в обеспечении национальной безопасности России.

Если оценивать опыт стран, которые активно ведут боевые действия в различных регионах мира, то совершенно очевидно, что все они придают своим Силам специальных операций (ССО) огромное значение. Такие командования сегодня созданы практически во всех ведущих армиях мира и постоянно развиваются. Так, например, США усиливают военную разведку РУМО агентурной составляющей — с задачей обеспечить свои ССО достоверной и своевременной информацией с «земли» для её использования в нужное место и в нужное время.

Преимущество ССО, или, по нашей терминологии, «спецназа», — состоит прежде всего в том, что он может успешно действовать как в крупномасштабной войне, так и в локальных вооружённых конфликтах, по примеру Афганистана, или же обеспечивать проведение контртеррористических операций. Иными словами, **Силы специальных операций**

и их составная часть, «спецназ», — это универсальное наступательное оружие. Страна и армия, владеющие этим оружием, всегда будут иметь преимущество над противником, который такового не имеет.

Сегодня в Российских вооружённых силах назрела настоятельная необходимость создания единого Командования специальными операциями (КСО) с подчинением ему сил специальных операций: частей специального назначения, «спецназов». При создании КСО нужно исходить из оценки вероятного противника и характера будущих вооружённых конфликтов. КСО должно быть в состоянии осуществлять планирование и проводить операции в вооружённом конфликте или в локальной (региональной) войне и одновременно активно участвовать в одной-двух контртеррористических операциях без привлечения дополнительных сил и средств, а резервные формирования КСО привлекать только на завершающем этапе. В «большой войне» КСО должно выполнять задачи самостоятельно, но усиление осуществлять за счёт привлечения резервных формирований и мобилизационного развёртывания. Такой подход определяет основу для формирования структуры КСО, определения его состава и боевых возможностей, порядок подчинённости, а также порядок и объём финансирования для выполнения всего комплекса задач.

Создание Командования специальными операциями — не просто формирование дополнительного органа военного управления и передача ему каких-то подразделений, а создание полноценного наступательного рода войск, до настоящего момента отсутствовавшего в полном, законченном виде в структуре Вооружённых сил Российской Федерации.

С изменением в целом характера и способов вооружённой борьбы, способов нелетального воздействия на страны и население, масштабов применения войск и вооружений меняются и подходы к структурам армии. США, Великобритания и другие страны, имея разведку как вид наступательного оружия, уже давно определились с путями и способами её развития и совершенствования, мы же в этом вопросе, придерживаясь оборо-

нительной стратегии, намного уступаем только потому, что разведка не может быть оборонительной.

Разведка сегодня — это наступательное средство в руках политика и военачальника.

Рост возможностей технической разведки и сведение получаемой информации в единый поток требуют новых подходов как к структурам войсковой разведки (часть/оперативное командование), так и к структурам стратегической разведки, к которым относятся и части спецназа. Создание же Командования специальными операциями позволит решить целый пласт не решаемых в современных условиях задач, стоящих как перед Вооружёнными силами России в целом, так и непосредственно перед разведкой. Это позволит создать принципиально новый для России род войск, объединив в нём различные, пока ещё разрозненные структуры и создав новые, не имеющие аналогов в мире.

Концентрация сил специальной разведки (разведка/уничтожение) и других структур, необходимых для выполнения специальных задач, подготовка и оснащение их по единым требованиям, применение под единым командованием позволит иметь силы и средства для выполнения практически всех первоочередных задач в ограниченное время в условиях крупномасштабной войны на любом стратегическом направлении.

В условиях возникновения нетрадиционных способов ведения войны (контртеррористические операции, «цветные революции», переросшие в вооружённое противостояние по типу Ливии и Сирии) необходимо применять весь комплекс сил и средств специальных операций как лучшего инструмента в борьбе с биевиками: в реальном масштабе времени и с реальными результатами. Опыт Сирии показывает, что любое вооружённое противостояние нужно локализовать решительными действиями на самом начальном этапе, не допуская его разрастания. И самым эффективным оружием для этих целей являются силы спецназа.

Кроме того, их применение позволит в полном объёме организовывать, обеспечивать и проводить стратегическую и специальную разведку: как в условиях угрожаемого периода, так и на начальном

этапе и в ходе непосредственно вооружённого конфликта или крупномасштабной войны достаточным количеством сил и средств.

Разрабатывая и внедряя тактику и стратегию применения спецназа, а также других структур специальных операций, КСО должно руководить проведением рейдовых операций, организацией повстанческих, партизанских и диверсионно-террористических действий на территориях и в тылу вероятных противников. А также, учитывая полученный собственный опыт и изучая опыт других стран, осуществлять разработку, внедрение и обеспечение спецназа новейшими системами вооружения, освоение и использование этих систем вооружения и разведки непосредственно в ходе участия в боевых действиях. Не только личное мужество и храбрость, но и превосходство технического оснащения будут способствовать выполнению спецназом его боевых задач.

При едином централизованном подходе к укомплектованию, обучению, дислокации, размещению, обеспечению последующего применения личного состава после службы в армии Командование специальными операциями на основе всестороннего взаимодействия со структурами российских частных военных компаний (после принятия соответствующего закона) будет иметь постоянно готовый к боевому применению мобилизационный резерв, необходимый для гарантированного выполнения поставленных задач.

КСО, по решению руководства страны, сможет оказывать помощь нашим иностранным союзникам в обеспечении их национальной безопасности, в борьбе с терроризмом и международной преступностью. Это позволит организовывать и проводить операции по оказанию гуманитарной помощи, а также поисково-спасательные операции, тем самым предупреждая распространение террористических актов на территорию России.

Учитывая тенденции развития современной вооружённой борьбы, где значительную роль играет организационное и информационное оружие, КСО, взаимодействуя с МИДом и другими государственными структурами, сможет участвовать в проведении специальных психологических операций, операций

информационного характера и операций, препятствующих распространению оружия массового поражения.

КСО, обладая вышеперечисленными, а также не упомянутыми в тексте преимуществами, значительно увеличит боевые возможности Вооружённых сил России, повысит безопасность и оборонную мощь нашего государства.

Немаловажным фактором при решении вопроса о создании Командования специальными операциями является вопрос его статуса и подчиненности, во многом определяющий военную эффективность данной организации. Учитывая накопленный опыт проведения спецопераций, наиболее целесообразным представляется подчинить Командование специальными операциями не ГРУ, а министру обороны через начальника Генерального штаба, а использовать его только по личному приказу Верховного главнокомандующего Вооружёнными силами, то есть Президента РФ. Преимущества данного подхода очевидны: это и повышение статуса вновь создаваемой структуры управления, и сокращение управленческой составляющей, и возможность выделения целенаправленного финансирования, и, что немаловажно, персональная ответственность.

Сама структура КСО должна обеспечивать решение всего спектра настоящих и перспективных задач, то есть в мирное время или в угрожаемый период самостоятельно или во взаимодействии с силовыми структурами (ФСБ, МВД, МЧС и др.) осуществлять необходимые контртеррористические операции на территории страны и за её пределами, при необходимости – совместно с российскими ЧВК.

Сотрудничество с последними позволит оказывать влияние в любых точках земного шара, где затрагиваются интересы России, и одновременно содержать дееспособный и боеготовый резерв для КСО.

Во время военных конфликтов КСО и подчинённые ему силы должны использоваться как неотъемлемая часть Вооружённых сил РФ.

Такой подход, на наш взгляд, наиболее полно отвечает тем вызовам, которые уже в самое ближайшее время встанут перед Российской армией и перед страной в целом.

О РЕФОРМЕ СУХОПУТНЫХ ВОЙСК

Дислокация Вооружённых сил должна соответствовать решению поставленных перед ними задач на ближайшую и среднесрочную перспективу, а также обеспечивать прикрытие основных операционных направлений для последующего создания и развёртывания необходимых группировок войск.

Дислокация соединений и частей в крупных гарнизонах, в так называемых военных армейских базах, позволяет сконцентрировать войска, сократить затраты на их развёртывание и содержание. Однако такой подход требует дополнительных затрат для полного оборудования военной базы, включая размещение личного состава, создание единого парка для хранения боевой техники и единого войскового полигона. В то же время близость семей военнослужащих к крупным городам будет способствовать обеспечению их рабочими местами и решению целого ряда социальных проблем (образование, здравоохранение, культурный досуг и т.д.).

Комплектование первое время допустимо по смешанному принципу (призыв плюс контрактная служба) и может отличаться для различных категорий по сроку службы и получаемым льготам. Постепенно войска должны перейти полностью на контракт.

Комплектование категории офицеров должно осуществляться на добровольно-контрактной основе со сроком службы до установленного предельного возраста с возможностью продления срока для различных востребованных категорий военнослужащих. Воинские звания присваиваются в соответствии с действующими категориями и включают младший, средний и старший офицерский состав.

Комплектование категории прапорщиков, после возвращения данной категории в состав Вооружённых сил, должно осуществляться на добровольной основе по принципу комплектования офицеров с утверждением перечня соответствующих льгот. Для замещения основных сержантских должностей и части должностей, непосредственно закреплённых за данной категорией, должны быть введены воинские звания подпрапорщик,

прапорщик, старший прапорщик. Присвоение воинского звания происходит после обучения в соответствующем военном училище по программе, предусмотренной для данной категории. Срок обучения от трёх (при наличии высшего или среднего специального образования) до шести месяцев (при наличии полного среднего образования). Должна быть предусмотрена возможность замещения данной категорией низших офицерских должностей после обучения на краткосрочных курсах при соответствующем военном училище. Заключение контракта для прапорщиков устанавливается на пятилетний срок с возможностью продления контракта.

Комплектование категории сержантов. На сержантские должности должны назначаться военнослужащие срочной службы, прошедшие военную службу, а также военнослужащие, заключившие первый контракт на три года, прошедшие переподготовку по избранной специальности при военном училище в течение 2–6 месяцев и успешно сдавшие выпускные экзамены. Это обусловлено, с одной стороны, возможностью использовать уже имеющиеся базы военных училищ, а с другой – спецификой подготовки по каждой специальности. Сержанту присваивается первичное звание «младший сержант», и у него в течение службы имеется стимул к росту в звании, включающему в том числе прибавку к окладу (ежегодные дополнительные выплаты). Воинское звание «сержант» присваивается при заключении второго контракта на три года с повышением оклада и получением дополнительных льгот. Воинские звания «старший сержант» и «старшина» присваиваются аналогичным образом после подписания третьего и четвёртого контрактов. Старшине, после двух лет службы в звании, может присваиваться воинское звание «прапорщик» с увеличением оклада и льгот. Необходимо также предусмотреть возможность перехода из категории «сержант» в категорию «прапорщик» после соответствующего переучивания.

Существующий в современной армии подход к определению должностных окладов, порядку их роста, получения дополнительных выплат и особенно льгот требует тщательной переработки и уточ-

нения. На наш взгляд, он не позволяет качественно отбирать личный состав, не формирует стимулы к службе и росту по воинским должностям, то есть не способствует развитию воинского мастерства, а значит – и повышению боеготовности Российской армии.

Комплектование категории солдат должно осуществляться и по призыву, и по контракту. В России на ближайшее время необходимо оставить смешанную систему комплектования армии. Призывная система позволяет проводить качественную подготовку мобилизационного резерва, отправляя после срочной службы личный состав или на контракт, или в действующий резерв. Это должно происходить добровольно.

Срок службы по призыву в современных условиях должен составлять один год, но интенсивность обучения и боевой подготовки должна быть коренным образом усилена. Это наиболее острый вопрос в дискуссиях о невозможности подготовки солдата за один год и невозможности укомплектования бригад, а значит – их небоеготовности. Действительно, бригады будут при таком сроке

службы небоеготовы, да и срок в полтора года эту проблему не решит, поскольку в бригаде всегда будет некомплект более 30%, особенно с учетом отпусков офицеров и военнослужащих по контракту. Добавив сюда еще временный и текущий некомплекты, мы снова получаем укомплектованность бригады не выше 60%.

Служба по контракту требует отдельного обоснования и расширенного рассмотрения, особенно в плане обеспечения денежным довольствием, предоставлением различных льгот и преимуществ, определением минимального и предельного срока службы в действующей армии, нахождения в действующем резерве и запасе. Немаловажную роль будет играть решение вопроса о дальнейшем трудоустройстве военнослужащего по контракту, выслужившего на должности рядового весь установленный срок службы (до 35 лет) и имеющего еще большой временной задел для службы в организованном резерве (до 45 лет на должности рядового) и в запасе (до 60 лет). Здесь также могут сыграть серьезную роль частные военные компании, о необходимости создания которых во вза-

имодействии с Министерством обороны уже упоминалось.

Обеспечение постоянной боевой готовности достигается следующими мерами:

- наличием в структуре Вооружённых сил дивизий и бригад постоянной готовности. Это позволит, даже при частичной небоеготовности одного из трёх полков, считать дивизию полностью боеготовой;
- наличием в структуре Вооружённых сил дивизии резерва;
- восстановлением в армии института прапорщиков с пересмотром списка подлежащих замещению ими должностей, условий службы, льгот, роста званий и денежного довольствия;
- пересмотром форм обучения военнослужащих в учебных подразделениях, расформировав окружные учебные центры, а на их базе сформировав боевые соединения. Для обучения в течение четырёх месяцев поступивших военнослужащих по избранным воинским специальностям возвратить в бригады и батальоны бригадные (батальонные) учебные школы. Офицеры – преподаватели этих школ, по боевому расписанию

и в промежутках между преподаванием и отпуском должны выполнять свои обязанности в соответствии с предназначением в дивизиях сокращённого состава, участвуя в учениях с привлечением организованного резерва. Планы, графики и всё, что с этим связано, составить нетрудно. Особенность прохождения службы в таких школах определяется особым положением и необходимостью роста, поэтому офицеры перемещаются из школ по службе в боевые подразделения и обратно. Таким образом, преподавателем может быть и командир роты, и командир полка сокращённого состава, что качественно повышает первичные знания поступивших призывников;

— при таком комплексном подходе к комплектованию и обучению в дивизии две бригады (в бригаде — два батальона, в батальоне — две роты) всегда будут боеготовы полностью, а одна — частично. Частичность боеготовности данной бригады (батальона, роты) будет обусловлена отсутствием в течение двух-трёх дней молодого пополнения, отсутствием у молодого пополнения в течение первых двух недель навыков в одиночной подготовке, а в течение оставшихся трёх месяцев его боеготовность будет постоянно повышаться. Основная масса отпусков офицеров распределяется так, чтобы уложиться в четыре месяца непосредственной подготовки солдат в школе. При внезапном обострении обстановки офицеры учебных школ замещают вакантные должности, а личный состав призывается из действующего резерва, прибытие которого может ограничиваться 10–24 часами;

— временный некомплект в офицерах, прапорщиках при их увольнении в отпуск из любой воинской части или по иной причине при необходимости замещается офицерами школ, а военнослужащих по контракту — призывом организованного резерва.

Такой подход позволит решить главную и не решаемую пока — при существующем подходе к организации боевой подготовки и повседневной деятельности армии — проблему с боевой готовностью, обученностью, боеспособностью объединений, соединений и частей армии.

В целях решения данной проблемы необходимо:

— отказаться от двух периодов боевой подготовки, перейдя на годовой цикл непрерывного обучения конкретного соединения или части, убрав подготовительные периоды и всё, что с этим связано;

— перевести технику на различные режимы эксплуатации в плановом порядке силами ремонтных бригад аутсорсинга и соответствующими экипажами без остановки учебного процесса;

— полигоны, стрельбища, учебные центры и другое имущество передать по аутсорсингу специально созданным и утверждённым в соответствии с законом президентом страны частным военным компаниям, которые в состоянии осуществить обслуживание соответствующей аппаратуры и оборудования на высоком профессиональном уровне.

Непосредственная подготовка военнослужащих по призыву может выглядеть следующим образом.

Первичная общая подготовка призывника происходит в школе или в ДОСААФ, а там, где будет позволять размещение резервных формирований, — и на их базе, в свободное от учёбы или в вечернее время.

Начальная подготовка по воинской специальности военнослужащего по призыву в воинской части или в учебном подразделении должна производиться в течение четырёх месяцев обучения, включая две недели одиночной подготовки.

Общая подготовка по воинской специальности включает подготовку военнослужащего по призыву и совершенствование навыков военнослужащего по контракту. После этого солдат поступает в подразделение, ему вручаются оружие, техника и он всё оставшееся время службы с ними не расстаётся. В дальнейшем проводятся занятия, которые включают: этап боевого слаживания в составе экипажа — 1 месяц, в составе взвода — 1 месяц, в составе роты — 1 месяц, в составе батальона — 1 месяц.

Итоговая подготовка в ходе боевого слаживания, которая включает подготовку военнослужащего по призыву и совершенствование навыков военнослужащего по контракту, может состоять из подготовки в составе полка — 2 месяца,

в составе дивизии — 1 месяц, в составе армии — 1 месяц.

Предварительный расчёт нового подхода к организации боевой подготовки обозначил 27 основных тем комплексной подготовки только отделения (экипажа), которые необходимо усвоить на первом этапе общей подготовки отделения. Поэтому в течение месяца свободное время у солдата может остаться только для обслуживания техники в субботу и отдыха в воскресенье — всё остальное время будет занято комплексными занятиями, которые включают и тактику, и огневую и инженерную подготовку, и все остальные предметы не по отдельности, а в комплексе.

Этим способом, как одним из основных, вполне может решиться окончательно вопрос дедовщины и неуставных взаимоотношений среди воинского коллектива.

В дальнейшем эти же темы отрабатываются уже в составе взвода, роты, батальона, бригады (полка), дивизии и ар-

мии во взаимодействии с другими подразделениями, частями и соединениями.

Таким образом, для военнослужащего срочной службы в течение года полностью закрываются все темы, отрабатываясь не теоретически, «на пальцах», а на практике, «в поле». Такая интенсивность боевой подготовки, с одной стороны, гарантированно позволит военнослужащему освоить его специальность в полном объеме, а с другой – позволит не призывать данного военнослужащего на сборы в течение ближайших пяти лет.

Но такая интенсивная подготовка, без которой армия не будет армией, требует уже другого подхода к дислокации войск, к оборудованию полигонов и стрельбищ, к функционированию управленческого аппарата, к функционированию обслуживающих структур, к функционированию ОПК, осуществляющего своевременный ремонт, модернизацию старой техники и поставку в войска новой техники, а также решения множества других задач.

Как завершение процесса оперативно-боевой подготовки в ходе прохождения годичной службы солдатом по призыву и военнослужащим по контракту в течение одного года проводятся различные по масштабу, времени, месту и способу (как самостоятельно, так и с привлечением дополнительных сил и средств):

- тактические и тактико-специальные учения в составе отделения, взвода, роты батальона, полка;
- оперативно-тактические учения в составе дивизии;
- оперативные учения в составе армии.

Участие в оперативно-стратегических учениях осуществляется по отдельному плану и может происходить как в период срочной службы (контракта), так и в период нахождения в организованном резерве.

Особенность боевого слаживания в рамках нового подхода заключается в том, что военнослужащий отрабатывает элементы тактической подготовки во взаимодействии с остальными дисциплинами в форме тактических учений по всем возможным вариантам ведения боевых действий.

Вторая особенность заключается в том, что в ходе боевой подготовки все практические действия отрабатываются на штатной технике «в поле» после отработки их на стендах, программах, тренажерах.

III. ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ВОЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ВОЙНЫ БУДУЩЕГО

Говоря о перспективных военных технологиях, необходимо отметить, что было бы ошибочным пытаться проводить перевооружение нашей армии «всем и сразу». Это не только не нужно, но и неразумно. Обновление вооружения – не одноразовый акт, а непрерывный процесс. И нет никакого смысла стремиться полностью перевооружить нашу армию за пять лет или даже за десятилетие. Вывод из эксплуатации устаревших систем оружия и замена их на новые – этот вариант наименее обременителен для национальной экономики и в наибольшей степени

позволяет удерживать высокий уровень современности вооружений без резких скачков обновления/устаревания.

Безусловно, военные технологии во многом определяют то, какими будут боевые действия будущего, их тактику и стратегию, формы и способы ведения войны.

Поэтому, изучая возможности, которые предоставляют перспективные военные технологии, можно определить и направление развития военного дела, и характер будущих вооружённых столкновений.

Будущие военные технологии можно разделить по времени упреждения или, другими словами, ожидаемого времени их возможной практической реализации с поступлением в войска соответствующих систем оружия. Выделяются три такие категории.

А) Ближайшие, почти завершённые, находящиеся, условно, на финишной стадии стандартного инновационного цикла, т.е. на завершающем этапе опытно-конструкторских работ (ОКР), проходят тестирование и испытания. Их массовое поступление в войска уже началось либо может начаться примерно в ближайшие пять–семь лет.

Б) Среднесрочные, которые находятся пока на стадии фундаментальных исследований либо переходят на этап научно-исследовательских работ (НИР). Их операционная готовность может быть достигнута примерно до 2030 года.

В) Долгосрочные, находящиеся пока в состоянии гипотез, предположений, т.е. представляют собой, по сути, научную фантастику. Материализация подобных идей если и возможна, то не ранее 2050 года и далее, до конца века. Здесь важно обратить внимание на слово «научная», другими словами, эти гипотетические конструкции хотя и выглядят фантастически, но тем не менее не противоречат фундаментальным законам физики.

ВОЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ БЛИЖАЙШЕГО БУДУЩЕГО

Относительно ближайших военных технологий (категория А). Их реальное использование в локальных вооружённых конфликтах можно видеть уже сегодня.

История вопроса примерно такова. С начала 2000-х годов в бюджете Мин-

обороны США фигурирует переходящая из года в год программа «Боевые системы будущего» (Future Combat System). Цель программы, а также множества сопутствующих подпрограмм – разработка методологии и соответствующих технических средств, позволяющих объединять всех участников боевых действий на театре войны в единую информативно-командную сеть, обеспечение на этой основе новых возможностей вооружённой борьбы, повышение боевой эффективности и мобильности войск и вооружений вплоть до отдельных военнослужащих. В результате многолетней и последовательной работы был создан, по существу, качественно новый облик армии и флота США, получивших, прежде всего, новейшие системы коммуникаций и управления и мощное ударное вооружение.

Главные направления дальнейшего развития:

- углубление и совершенствование методологии информационного обеспечения и управления войсками, особенно авиационно-космическими и авианосными ударными группировками, т.е. реализация на практике давно укоренившегося в армии США принципа «си-куб-ай» (единства мониторинга, связи, управления и разведки), когда все информационные потоки «завязываются» в один узел и управление боем осуществляется в реальном масштабе времени, дистанционно и из единого центра;

- создание новой роботизированной боевой техники (от беспилотных летательных аппаратов – БПЛА – до управляемых на расстоянии роботов-пехотинцев и роботов-боевых машин). Всё это сегодня реально применяется американской армией в Афганистане и Ираке, а также активно разрабатывается другими странами мира. БПЛА, например, сегодня разрабатываются десятками государств, известны уже несколько десятков образцов, принятых на вооружение. Повышенное внимание этой теме уделяют Китай, Израиль, Иран и другие, чего пока нельзя сказать о России;

- разработка разнообразного ударного оружия высокой точности, действующего по принципу «выстрелил и забыл».

Отдельная тема – финишные испытания уже завершаемых научных программ. Сегодня таковыми являются:

- сверхскоростные управляемые беспилотные летательные аппараты. Нынешнее поколение БПЛА, как отмечалось выше, уже перестало быть чем-то необычным при ведении современной войны. При этом средства ПВО сегодня вполне уверенно перехватывают весь спектр летательных аппаратов на высотах до границы стратосферы. Поэтому США активно разрабатывают новые ударные гиперзвуковые стратосферные и заатмосферные ЛА, против которых пока не существует эффективных средств ПВО. Такой американский беспилотник X-37 уже сейчас проходит испытания, и его поступление на вооружение ожидается к 2020 году;

- микроволновое, кинетическое и лазерное оружие. США и Израиль уже много лет ведут обширные исследования в области создания боевых лазеров, кинетических пушек и микроволновых установок. Сегодня прототипы этого оружия проходят лабораторные испытания, и их появление в арсеналах возможно уже в течение следующего десятилетия.

ВОЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ СРЕДНЕСРОЧНОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ

Среднесрочные будущие военные технологии (категория Б) сейчас определяются главным образом на стадии фундаментальных научных разработок, т.е. ещё до этапа прикладных исследований и ОКР. Для оценки их ожидаемых боевых характеристик пока нет необходимого фактического материала. Тем не менее определённые соображения о существе будущих тенденций можно высказать уже сейчас.

Важно отметить, что практически все новые технологические разработки имеют, как правило, двойное, военно-гражданское, назначение. Перспективные исследования всегда ориентированы на поиски новых эффектов и закономерностей. Определение же конкретных сфер их приложения, будь то военная либо гражданская, происходит позднее.

Коротко о некоторых разработках этой категории.

– Роботы. В США, Японии и ряде государств Евросоюза ведутся всё более масштабные исследовательские работы по созданию широкой гаммы дистанционно управляемых автоматизированных устройств, имитирующих физическую, речевую и даже интеллектуальную деятельность человека, в том числе солдата. Известны продвинутые программы по разработке «искусственных боевиков»: от роботов-пехотинцев до роботов – разведчиков поля боя, приспособленных для решения различных боевых задач. Испытываемые модели имеют различные габариты, начиная от нескольких сантиметров до полутора-двух метров и более того. Ведётся также активная работа по приданию роботам способности различать голосовые и визуальные команды и действовать в определённой степени автономно, порой – в соответствии с весьма сложными алгоритмами поведения;

– мини-роботы и киборги, т.е. сочетание живого существа и механизма. В частности, сегодня в США идут исследования киборгов-насекомых (пчёлы, осы, бабочки и пр.), создаваемых путём вживления в их организм сверхминиатюрных наноэлектронных передатчиков. С помощью таких устройств предполагается осуществлять разведку и поиск сил противника на расстоянии, а также избирательно поражать – например, сильнодействующими ядами, – определенных людей, «электронный портрет» которых заранее вводится в память этих киборгов;

– генно-инженерное оружие, явившееся следствием расшифровки генома человека с выявлением якобы значимых различий в деталях генных структур людей различных наций и рас. Поиск на этой основе способов избирательного физического уничтожения «нежелательного человеческого материала» определённых категорий. Биологическое оружие, как известно, запрещено соответствующей международной конвенцией, однако сведения об исследованиях такого рода тем не менее иногда появляются в мировых масс-медиа;

– медицинское клонирование, копирование и изменение продолжительности жизни человека. Соответствующие исследования ведутся по целому ряду направлений. Изобретён, например, ме-

тод обратного перепрограммирования временного вектора роста клеток организма (от взрослого состояния – назад, к молодости) и получения индивидуальных стволовых клеток с использованием биоматериала взрослых людей. Открытие удостоено Нобелевской премии по физиологии и медицине за 2012 год. Оно открывает путь к заблаговременному выращиванию «копий» внутренних органов человека на основе его собственного биоматериала и их безопасной, без отторжения трансплантации, т.е. к регулярному омоложению хирургическим путём основных органов человека. Аналогичные работы сегодня ведутся и у нас в стране (биологический и физический факультеты МГУ, Московский физико-технический институт и др.) в рамках такого направления, как биофизика;

– дистанционное воздействие на ионосферу Земли радиоволнами СВЧ-диапазона и создание искусственных протяжённых плазменных образований. Здесь прежде всего заслуживает внимания американская программа HAARP (High Frequency Active Auroral Research Program) и созданный в её рамках крупный исследовательский радиотехнический стенд в Гаконе (штат Аляска). Согласно оценкам экспертов, в ходе данной программы уже получены эффекты, позволяющие говорить о реальном создании систем геофизического оружия, способного не только нарушать (блокировать) радиосвязь, радиолокацию, выводить из строя бортовую электронную аппаратуру космических аппаратов, ракет, самолётов и наземных систем, но и провоцировать масштабные аварии в электрических сетях, на нефте- и газопроводах, негативно воздействовать на биосферу, в том числе на психическое состояние и здоровье населения целых, в том числе весьма отдаленных от территории США, регионов. К этому направлению тесно примыкает программа создания электромагнитного оружия, образцы которого в США испытаны и применялись, в частности, в ходе войны на Балканах;

– кавитационно-вихревая технология обработки жидких сред (КВО-технология) разработана группой отечественных специалистов. С её помощью возможно разделение устойчивых к разложению

смесей жидких компонентов или же, наоборот, получение стабильных растворов трудно поддающихся смешению жидкостей. Построена серия экспериментальных установок.

ВОЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ОТДАЛЁННОГО БУДУЩЕГО

Долгосрочные военные технологии (категория В) сейчас относятся скорее к жанру научной фантастики, т.е. не противоречащей известным законам естествознания. В 2008 году в США вышла книга американского физика японского происхождения Митио Какү «Физика невозможного». Заявленная цель книги – «рассмотреть те технологии, которые сегодня кажутся «невозможными», но через несколько десятилетий или сотен лет могут стать обычными». Основной тезис – «любая невозможность относительна». Автор разделил предмет своего изучения на три категории.

Невозможности 1-го класса, т.е. то, что может стать реальностью уже в этом столетии или, может быть, в следующем, возможно, и в изменённой форме. Это – лучевое оружие, телепортация, двигатели на антивеществе, некоторые формы телепатии, телекинез, невидимость и некоторые другие.

Невозможности 2-го класса – это технологии, лишь недавно обозначившиеся на переднем крае наших представлений о физическом мире, реализация их может растянуться на тысячи лет. Сюда относятся машины времени, возможности гиперпространственных путешествий, параллельные вселенные.

К невозможностям 3-го класса отнесены такие технологии, которые нарушают известные нам физические законы. Их оказалось очень мало, автор выделил всего две: вечный двигатель и предвидение будущего.

Сегодня получили определённую известность некоторые научные работы, связанные с решением проблем «невозможностей 1-го класса». Применительно к проблеме невидимости – это труды профессора В.Г. Веселаго (МФТИ), еще в 1967 году предсказавшего возможность создания суперлинзы с отрицательным коэффициентом преломления на основе так называемых метаматериалов. Позднее эти идеи были подхвачены

в США и там же были созданы первые образцы подобных материалов, что открывает возможность создания в обозримом будущем «плащей-невидимок». Надо сказать, что с физической точки зрения невидимость в оптическом диапазоне не имеет принципиальных отличий от невидимости в радиолокационном диапазоне, возникающей в результате применения известной технологии «Стелс», — разница лишь в длинах волн соответствующих электромагнитных излучений.

Имеется также информация и о некоторых весьма перспективных научных работах по проблеме телепатии, выпол-

ненных ещё в СССР, а также в США. Исследования по этой тематике на Западе продолжаются, хотя и без особой огласки.

Определённый интерес с военной точки зрения представляют также эксперименты на Большом адронном коллайдере (БАК) под Женевой (Швейцария). Неоднократно высказывались предположения, что наряду с заявленной программой экспериментов, направленной прежде всего на поиски «частицы Бога», бозона Хиггса, целью исследователей, обладающих столь мощным механизмом, как БАК, является изучение возможности направленного создания и использования

«микроскопических чёрных дыр» и высокоэнергетичных субатомных частиц, способных изменять свойства пространства-времени.

НОВЫЕ ВОЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И НАУКА

Плодотворная работа по созданию и внедрению новых военных технологий требует радикального изменения отношения к науке как таковой.

Почти общепризнанно, что сегодня человечество находится на нисходящей волне 5-го (информационного) глобального технологического уклада (ГТУ), основа которого — компьютеры, телекоммуникации, Интернет, микроэлектроника, робототехника и тому подобные направления. Как было сказано выше, соответствующие этому укладу технологии находят сегодня активное военное применение. Однако ожидать качественно новых прорывных военных технологий в рамках 5-го уклада уже, видимо, не следует, и определяющими на ближайшие четверть века станут технологические подходы, связанные с формированием нового, 6-го глобального технологического уклада. В этой связи оптимальным представляется следующий выбор направлений дальнейших отечественных военно-технологических исследований.

Во-первых, не выходя за границы нынешнего уклада, попробовать сократить сегодняшнее отставание в военных разработках путём определённого повторения главных достижений, сделанных другими, что, кстати, само по себе совсем непросто. Сосредоточиться, прежде всего, на вопросах обнаружения, коммуникаций, автоматизированного управления и связи, тем самым подтянуться до мирового уровня по возможностям дистанционного бесконтактного ведения боевых действий.

Во-вторых, нащупать точки роста уже в рамках 6-го ГТУ, другими словами — уйти от «режима повторения» и перейти к «работе на опережение». Для успеха на этом пути необходимо особое внимание и серьёзный государственный подход к науке, исследовательской работе и изобретательской деятельности отечественных учёных и специалистов, повышение их общественного статуса и материального положения.

При этом необходимо отметить, что практически все новые научно-технологические разработки имеют, как правило, двойное применение: как гражданское, мирное, так и оборонное, военное. Исследования ориентированы, прежде всего, на поиски новых эффектов и закономерностей взаимодействия материальных систем разных уровней. Определение же конкретных сфер их практического приложения, будь то военная либо гражданская, происходит позднее.

Поиск, отбор, разработка и внедрение перспективных технологий возможно только в опоре на государство. В этой связи представляется весьма важной и своевременной инициатива по созданию Фонда перспективных исследований, о котором говорил Президент России В.В. Путин в своем Послании Федеральному собранию РФ 2012 года. Очевидно, что к работе фонда потребуются привлекать людей, имеющих, прежде всего, естественно-научное либо инженерное образование, опыт научно-аналитической работы, знающих специфику функционирования государственного механизма, умеющих оценивать риски и располагающих определённой свободой отбора и финансирования перспективных научных тем и программ НИОКР. Такую работу могут выполнять только доверенные и проверенные на предмет соблюдения интересов национальной безопасности люди.

Примером подобного государственного подхода к обещающим прикладным научным разработкам может служить Агентство перспективных оборонных проектов Минобороны США – DARPA (Defense Advanced Research Projects Agency) со штатом примерно 200 человек и годовым бюджетом немногим более 3 млрд долл. Принципы работы данной структуры достаточно широко и подробно освещены в СМИ. Скорее всего, они могут продуктивно использоваться и в российской управленческой практике – в том числе в работе создаваемого российского Фонда перспективных исследований.

Особо следует отметить открытость агентства к новым идеям и изобретениям и в то же время тщательную защиту от утечек информации о критериях отбора, составе и состоянии проводимых иссле-

дований, жёсткую охрану получаемых результатов от проникновения извне. «Конкуренцию в научно-технической сфере и промышленный шпионаж ещё никто не отменял», – неоднократно отмечали представители агентства.

Наука и образование, знания и умения людей должны стать главным приоритетом национальной безопасности России!

IV. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках настоящего доклада отражены и представлены только некоторые предварительные предложения по коррекции военной реформы. Но коллектив авторов, в который входят известные военачальники, военные аналитики, политологи, военные историки и военные учёные, готов представить подробные отчёты по любой из упомянутых выше тем и прилагает три содоклада авторов по конкретным темам нынешней военной реформы в качестве приложений к настоящему докладу.

Сегодня отчётливо проявляются два основных ошибочных подхода к проведению военной реформы.

Первый – проповедуемая уже более двадцати лет концепция «уклонения» от прямых вызовов, бросаемых России. Главным аргументом этой концепции является убеждение в том, что у России нет сил и ресурсов для эффективного противостояния и энергичной защиты своих интересов не только перед более развитыми странами Запада и США, но и перед другими своими соседями. Приверженцы подобной точки зрения полагают, что сдержанное поведение России и односторонние внешнеполитические уступки рано или поздно убедят Запад в нашем миролюбии и помогут клубу «цивилизованных стран» принять Россию в качестве равного им партнёра. В рамках данной концепции предлагается строить компактные вооружённые силы, ориентированные исключительно на отражение локальной угрозы и на борьбу с терроризмом – правда, при сохранении стратегического сегмента российских ядерных сил как средства глобального сдерживания.

При этом упорно игнорируется тот факт, что за последние двадцать лет

результатом подобной политики «умиротворения» наших геостратегических оппонентов стало лишь непрерывное «ужимание» России, усиление давления на неё по всему периметру национальных границ, растущее вмешательство извне во внутренние дела нашего государства и откровенное ущемление российских национальных интересов.

Начиная со времен перестройки в ходе военно-политических операций НАТО были уничтожены практически все потенциальные союзники России; в нарушение всех договорённостей блок НАТО вошёл в зону СНГ, которая изначально определялась как зона национальных интересов России; началось развёртывание систем американской ПРО у западных границ нашей страны.

Исходя из этой реальности создаваемые в рамках «умиротворяющей» концепции Вооружённые силы РФ будут обрекать нас на роль пассивного наблюдателя, не способного как-либо отстаивать свои национальные интересы не только за границами страны, но и на её территории (как это было продемонстрировано в ходе двух «чеченских» войн 90-х годов).

Очевидно, что концепция «уклонения», насаждаемая сегодня откровенно либерально-прозападным политическим «лобби», полностью противоречит жизненным интересам России.

Второй подход к военной реформе можно назвать «монетаристским». Суть его в том, что Военную реформу необходимо вписывать в военный бюджет, который не должен выходить за рамки «научно обоснованного» процента от ВВП. Т.е. буква экономической теории ставится превыше безопасности государства. Основным аргументом авторов, придерживающихся этой концепции, является апелляция к истории СССР, который якобы надорвался в ходе холодной войны, не выдержав гонки вооружений. Не останавливаясь подробно на критике этого обоснования, отметим лишь, что само по себе оно является ложным. Современные научные исследования доказывают, что оборонный бюджет не являлся чрезмерным для советской экономики и не мог ни сам по себе, ни в комбинации с иными объективными социально-экономическими факторами привести к развалу

и уничтожению СССР. При этом в рамках концепции «монетаризма» её авторы не могут ответить на такие очевидные вопросы: как, например, можно будет парировать вполне конкретную угрозу вторжения Японии на Курильские острова, если в рамках «научно обоснованного бюджета» средств для организации обороны Курил просто нет? Или развитие каких видов ВС предпочесть в рамках ограниченного бюджета: СЯС или сил общего назначения, если для одновременного их полноценного развития средств в бюджете явно недостаточно? Наконец, каким образом в США, имеющих реальные оборонные расходы на уровне 7% ВВП, сокращение этих расходов всего на десятую часть вызовет, по оценкам экспертов, падение ВВП на 0,5% и потерю более чем миллиона рабочих мест? Что, законы экономики по-разному действуют в США и России?

На самом деле, в течение двадцати последних лет эта концепция оправдала хроническое недофинансирование наших Вооружённых сил и привела их к тяжелейшему системному кризису

и деградации. Впрочем, подобные примеры в отечественной истории уже были, так что их уроки уже давно пора усвоить. Так, жёстким сторонником «монетаристского» подхода к военным расходам был в конце XIX века министр финансов С.Ю. Витте, который требовал ограничить военный бюджет и, в частности, урезать программы строительства военно-морского флота. В итоге программы строительства флота и перевооружения армии были затянuty так, что к началу Русско-японской войны Россия подошла с явным военным отставанием от Страны восходящего солнца. Итоги той войны слишком хорошо известны...

Военное строительство «от бюджета» приводит к созданию идеально бессмысленной армии, неспособной отражать реальные угрозы, но при этом отнимающей у страны огромные ресурсы развития.

Мы исходим из того, что Вооружённые силы России должны быть:

— во-первых, надёжным щитом от угрозы военной агрессии, и для этого их нужно строить не на основе «экономически обоснованного» военного бюд-

жета, а на основе целостной доктрины национальной безопасности, в которой определён весь спектр существующих и перспективных угроз, а также пути их отражения и нейтрализации (как следствие — бюджет безопасности России, включая расходы на оборону, должен формироваться исходя из реальной потребности по приоритетам этих угроз, а не втискиваться в некие «правильные», но не имеющие никакого отношения к реальности пропорции);

— во-вторых, неотъемлемым силовым элементом российской политики, наличие и совершенство которого вынудит любого вероятного противника считаться с позицией России и учитывать её интересы. Мы должны быть готовы не только отгородиться от мира частоколом ядерных ракет, но и иметь возможности обеспечивать свою национальную безопасность в любых ключевых для нас регионах.

Вслед за императором Александром III мы хотим повторить: «Во всём свете у нас только два верных союзника: наша армия и флот. Все остальные, при первой возможности, сами ополчатся против нас».

Быть ЦИВИЛИЗАЦИЕЙ!

/С президентом Академии
геополитических проблем
генерал-полковником
Леонидом ИВАШОВЫМ
беседует координатор
Изборского клуба политолог
Александр НАГОРНЫЙ/

— Леонид Григорьевич, как вы оцениваете текущие, среднесрочные и долгосрочные угрозы для России с точки зрения геополитики?

— Прежде чем давать такую оценку, необходимо понять, что произошло с миром после уничтожения Советского Союза. На мой взгляд, это рубежный момент, разделяющий две исторические и геополитические эпохи.

Вместе с уничтожением СССР была фактически уничтожена, за исключением отдельных «островков», та система международной коллективной безопасности, которая сформировалась в результате Второй мировой войны и действовала на протяжении почти полувека. Поскольку её основы были заложены уже на завершающем этапе той войны, в ходе переговоров «большой тройки», то есть Сталина, Рузвельта и Черчилля, её принято именовать Ялтинско-Потсдамской. Эта система носила универсальный характер — прежде всего потому, что почти все народы мира на себе испытали бедствия Второй мировой войны и было всеобщее желание сделать мир безопаснее.

Разумеется, большую роль в формировании этой системы также сыграли хорошие личные отношения между Рузвельтом и Сталиным. Что влияло на позицию президента США, сказать трудно, но, если судить по воспоминаниям его сына, то у Рузвельта и некоторой части западной элиты имелось ощущение вины за развязывание двух мировых войн.

Третий момент, который сыграл важнейшую роль в создании универсальной системы международной коллективной безопасности, — это качественное изменение геополитической структуры мира. Впервые с XVI века он утратил свойство «европоцентричности», поскольку ведущие европейские страны: Великобритания, Германия, Франция, Италия — были чрезвычайно ослаблены войной. И геополитическая структура мира сформировалась уже по иному принципу: центры силы перешли на американский и евроазиатский континенты. При этом два полюса (СССР и США) можно считать равновеликими, поскольку при таких оценках, на мой взгляд, нельзя принимать в расчёт только соотношение материальных сил. Да, по сравнению с СССР американцы куда больше заработали на Второй мировой войне, сумев быстро «раскрутить» свою экономику, свою военную мощь. Но культурно-цивилизационный, духовный и пространственный фактор СССР был несравнимо выше амери-

Вместе с уничтожением СССР была фактически уничтожена, за исключением отдельных «островков», та система международной коллективной безопасности, которая сформировалась в результате Второй мировой войны и действовала на протяжении почти полувека.

канского. Это проявилось и в победе 1945 года, и в запуске первого искусственного спутника Земли, и в полёте Юрия Гагарина.

— Нередко высказывается мнение, что эти преимущества были во многом утрачены после речи Хрущёва на XX съезде КПСС и Карибского кризиса 1962 года, когда американцы публично уличили Кремль во лжи по поводу присутствия на Кубе советских ракет.

— Геополитические последствия этих акций сказались очень быстро и продолжают сказываться поныне. Но это сказалось не на потенциале нашей страны как таковом, а на эффективности использования этого потенциала.

Но, помимо «двухполярного мира», двух сверхдержав, с победой коммунистов в Китае начал формироваться и «третий полюс» мировой геополитики.

В 50-е — начале 60-х годов рухнула колониальная система, которая существовала и развивалась несколько столетий, в результате образовался огромный третий мир, который сочетал в себе и избирал для себя некий средний путь между капитализмом и социализмом. И этот третий мир, несмотря на всю свою рыхлость и видимую бесструктурность, тем не менее дополнительно балансировал взаимные угрозы двух вышеупомянутых главных полюсов. Например, вооружённые конфликты шли исключительно на территориях третьего мира. Для американцев символом военно-политического провала стал Вьетнам, для Советского Союза — Афганистан. К 1979 году практически весь исламский мир был на нашей стороне, поддерживал нас, прежде всего — в связи с позицией СССР в арабо-израильском конфликте. Но когда мы в декабре вошли в Афганистан, то значительная часть исламского мира дистанцировалась от СССР. То есть это был очень большой и важный регулятор.

Такая «трёхполюсная» геополитическая модель и позволила создать универсальную систему безопасности под эгидой ООН. Впер-

Иллюстрация: Алексей БЕЛЯЕВ-ГИНТОВТ, Андрей МОЛОТКИН «Плотина Аполлона»

вые в истории человечества на всю планету был создан наднациональный орган — Совет Безопасности Объединённых Наций с огромными полномочиями. Был создан военно-штабной комитет, а далее — уровнем ниже — стали формироваться региональные структуры безопасности, и ещё ниже — национальные системы безопасности.

Такой мир даже структурно имел хорошую перспективу развития. Американцами была запущена блоковая система противостояния. Мы ответили сначала союзом с Китаем в ответ

на создание НАТО (подписание в 1949 году большого Союзного договора с Китайской Республикой, а в 1955 году — Варшавского договора с семью социалистическими странами Восточной Европы).

Эта блоковая система в чём-то деформировала систему международной безопасности, и те структуры, которые создавали США, кроме НАТО (блоки СЕАТО, СЕНТО и т.д.), — не получили серьёзного развития.

К началу 80-х годов геополитическая система выглядела стабильной, и казалось, ей ничего

не угрожало. Но с распадом СССР рухнула вся система международной безопасности. Это было для американцев неожиданностью. Ведь когда за океаном говорят о своей победе в холодной войне, то это была странная и даже глупая победа.

Благодаря во многом надуманной «советской угрозе» США помогли и Западу, и значительной части мира задействовать все ресурсы в условиях глобальной конкуренции, которую мы называли «мирным сосуществованием двух социально-политических систем». Они

объединяли мир. И то, что европейцы стали жить лучше, что план Маршалла заработал; что негры были признаны полноценными гражданами США, — всё это произошло под давлением Советского Союза, улучшения жизни наших рабочих и колхозников, нашей интеллигенции. Соревнование шло во всех отраслях жизни: в образовательной, культурной и духовной и т. д. К примеру, после запуска спутника весь мир, включая страны Запада, поехал учиться к нам, поскольку советская система образования была признана лучшей в мире.

Американцы почти полтора века мечтали о мировом господстве. Рузвельт играл со Сталиным против Черчилля, чтобы развалить Британскую империю, мешавшую им доминировать в планетарном масштабе. Так вот, полтора века они мечтали об этом, делали всё с целью стать государством номер один, а когда это произошло после развала СССР, они к этой желанной для них роли оказались катастрофически не готовы.

У них даже не была разработана теория однополярного миропорядка. Американцы хотели главенствовать, но не знали, как выстраивать систему управления в отсутствие геополитического «спарринг-партнёра». Даже такие наивные разработки, как «конец истории» Френсиса Фукуямы, появились только через год после уничтожения Советского Союза.

Для того чтобы управлять миром, нужно иметь три взаимосвязанных фактора: экономическую мощь, превосходство военной силы и культурно-цивилизационное превосходство. Если первыми двумя факторами американцы обладают и вполне успешно ими оперируют, то культурно-цивилизационное превосходство они год за годом утрачивают. Да, Голливуд. Да, Интернет. Но это технологии, которые не связаны со смыслами, с ценностями. У Индии — свой Болливуд, у Китая — свой Интернет. Американцы не могут в культурной и духовной сфере стать глобальными лидерами. На одних информационных технологиях здесь не выедешь. Эти пушки могут стрелять в любую сторону, вот в чём проблема. Жизнь, где доминирует власть денег, где смысл жизни — накопительство, не воспринимается ни Востоком, ни Латинской Америкой. В общем, за американцами мир не пошёл. А Россия — в общем, идёт. И это, на мой взгляд, главная угроза для нашей национальной безопасности. Из которой исходят и с которой, как с центром, связаны все другие угрозы.

— Это весьма оригинальный и неожиданный подход к проблеме национальной безопасности нашей страны.

— С конца 40-х годов мировое пространство стали осваивать не только государственные структуры США, но прежде всего экономические и финансовые структуры. Ведь что это такое: сделать доллар в 1944 году мировой валютой и отдать её в частные руки? Частные банки и инвестиционные корпорации сразу оккупировали всё финансовое пространство, стали господами мира. Не американский президент с вооружёнными силами США, а именно они. Появились мощные транснациональные корпорации (ТНК). Они стартовали с территории Америки, имея практически неограниченный доступ к долларовой эмиссии. И благодаря этому сегодня, по сути дела, приватизировали

Россия, оставаясь «просто» государством — пусть даже с ядерным арсеналом, способным уничтожить всё живое на Земле, и с правом вето в Совбезе ООН, — конкуренцию с транснациональными корпорациями неминуемо проиграет. Шанс выжить имеют сегодня не государства, а цивилизации.

весь мировой рынок. И государства в этой ситуации утратили былое своё значение.

А ведь вся международная правовая система, и международная система безопасности в том числе, формировались на основе суверенных государств. И ООН, и все её структуры были сформированы именно как объединение суверенных государств. А теперь государства теряют свою привычную роль, утрачивают внешнеполитические позиции, международно-правовую субъектность и начинают вписываться в глобальную финансовую систему, где господствует частный капитал, и вообще в мировую экономику — на вторых, подчинённых ролях.

Россия, оставаясь «просто» государством — пусть даже с ядерным арсеналом, способным уничтожить всё живое на Земле, и с правом вето в Совбезе ООН, — конкуренцию с транснациональными корпорациями неминуемо проиграет. Шанс выжить имеют сегодня не государства, а цивилизации.

Мы же, вписавшись в глобальную финансовую систему, используя доллар для расчётов не только вне, но и внутри страны, подписа-

ли себе, своей субъектности смертный приговор. Сегодня Россия как государство уже не может играть сильную роль в Организации Объединённых Наций, поскольку сама ООН как межгосударственная структура во многом выполняет волю ТНК, становится их внешнеполитическим инструментом.

Давайте посмотрим, на чём базируется сегодня наша экономика. Понятно — на деньгах. Но рубль привязан не к реальному производству, не к реальному объёму наших ресурсов, даже не к нашим планам производства-потребления товаров и услуг, а к американскому доллару. Вот мы всё время и «прыгаем» за этим американским долларом. У нас нет своей валюты, которая была при Советском Союзе, — у нас рубли выступают как второстепенные заменители американских долларов. И эта утрата нашей самостоятельности в финансово-экономической сфере влечёт за собой утрату самостоятельности и инициативы в политике, в обеспечении нашей безопасности.

Арнольд Тойнби, великий британский историк, не особенно уважаемый на Западе, пришёл к выводу, говоря о парадигме развития человечества, что человечество развивается благодаря некоей угрозе, некоему вызову. Наш разум ищет и находит некий ответ этому вызову.

Сейчас нам нужно найти ответ на вызов со стороны транснационального крупного капитала, подмявшего под себя государственную мощь США, а через неё — и мощь большинства других стран мира. Повторю: государства как таковые уже не могут противостоять этим транснациональным структурам. И мы видим выход на мировую арену цивилизаций как культурно-исторических сверхобществ людей. В 1869 году наш выдающийся соотечественник Николай Яковлевич Данилевский говорил: «На сцене театра мировой истории главными героями выступают не этносы и государства, а культурные исторические типы, которые в период расцвета становятся цивилизацией». И вот этот тезис Данилевского сегодня начинает работать. Мы видим, что китайцы всех стран мира, поняв это, объединились и стали теми, кто они есть сегодня. Перестав быть капиталистами, социалистами и т.д. По тому же пути идёт Индия, Евросоюз, ищет свою цивилизационную идентичность в боливарианской инициативе Латинская Америка, стремясь отделиться от двухсотлетнего господства США и их ТНК. Мы видим, как исламскому миру через салафитов был

Иллюстрация: Алексей БЕЛЯЕВ-ГИНТОВТ, Андрей МОЛОТКИН «Золотой колос»

подброшен очень выгодный для Америки цивилизационный проект, вокруг которого можно объединяться. Каддафи пытался образовать Африканский Союз и был уничтожен...

— То есть выдвинутая Сэмюэлом Хантингтоном концепция «войны цивилизаций» вполне соответствует реальному положению дел? И Путин, выдвигая проект евроазиатской интеграции на постсоветском пространстве, по сути дела, пытается сформировать евроазиатскую цивилизацию?

— Да, конечно. Пытаясь остаться «всего лишь» государством, а не цивилизацией, мы будем уничтожены. Мы субъектом мирового прогресса уже не станем. Нас, при всём нашем гигантском потенциале, просто растащат на куски другие цивилизации и ТНК. И этой угрозе надо противостоять. Как? Например, есть проблема арктического шельфа, который мы самостоятельно ни защитим, ни освоить не сможем. Так почему в рамках Евроазиатского союза или Континентального союза — назовите этот проект как угодно — не пригласить к освоению этого шельфа и открывающегося

Северного морского пути Китай, Индию, страны Евросоюза — например, ту же Германию? А не Exxon Mobil туда тащить...

В рамках этого интеграционного проекта нужно развивать свою экономическую систему, свою финансовую систему, реализовывать масштабные геополитические проекты: по строительству новых транспортных путей и коренной модернизации существующих. Тот уровень развития транспорта и связи, который сегодня существует в Российской Федерации, явно недостаточен для её геополитического единства в условиях XXI века.

Есть угрозы и другого характера. Они тоже уже объективно сформировались. К примеру, мы знаем природу капитала. Что он всё время ищет ресурсы для производства и рынки для реализации своих товаров и услуг. Когда субъектами мировой политики были государства, межгосударственные образования, то можно было при помощи войны какие-то ресурсы и рынки захватить. А сегодня мировая финансово-экономическая система покрыла весь мир, и искать новые рынки можно только на других планетах. Поэтому

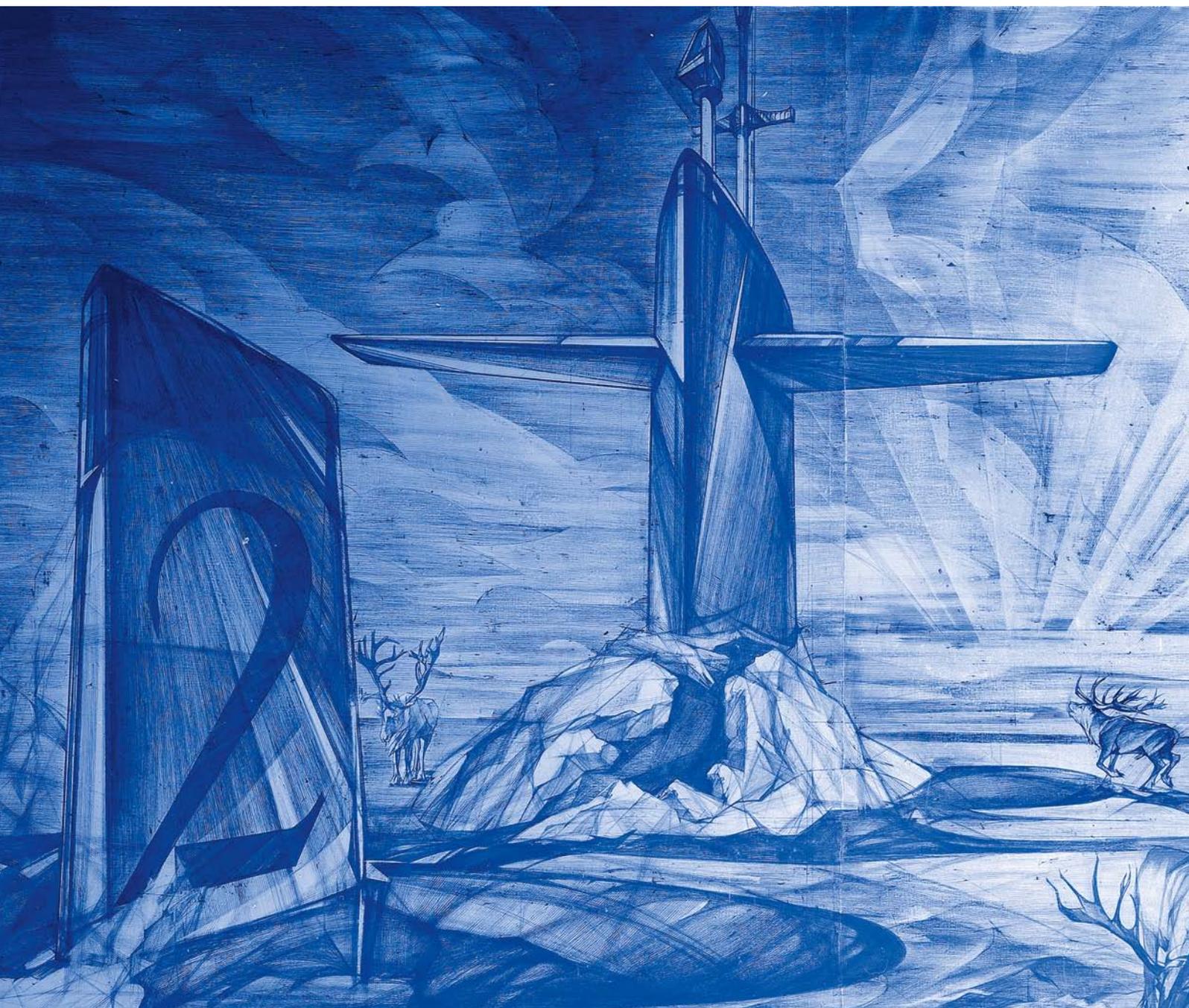

Иллюстрация: Алексей БЕЛЯЕВ-ГИНТОВТ, Андрей МОЛОТКИН «Атомное православие»

идёт борьба за передел рынков уже существующих — и в основном не военным путём.

— **А как же агрессия США в Ираке и Афганистане, в целом на Ближнем Востоке, где они развернули Арабскую весну?**

— Там речь идёт не о рынках, а о ресурсах. ТНК пытаются сэкономить на ресурсах и одновременно заставить конкурирующие цивилизации, тот же Китай, например, больше платить за них. При этом они поощряют салафитский проект, чтобы ислам стал врагом России, чтобы Россия конкурировала с исламскими стра-

нами за право продавать свои углеводороды на внешних рынках. Если мы пойдём по пути конфронтации, нефть и газ у нас в один прекрасный момент просто отберут. То же самое сделают и с мусульманами, с Саудовской Аравией и монархиями Персидского залива — ничего нового тут нет, типичная имперская политика «Разделяй и властвуй!»

— **Иными словами, Леонид Григорьевич, вы считаете что основные текущие и перспективные угрозы для России носят невоенный характер?**

— Я задам вам встречный вопрос. А как был уничтожен Советский Союз? При помощи угроз военного или невоенного характера? Советская армия могла по приказу уничтожить любого противника. Но не сделала ни единого выстрела, когда уничтожалось создавшее эту армию государство. В США прекрасно понимают, что лучше всего нейтрализовать российские ракеты не путём превентивных ударов высокоточным оружием, а таким образом, чтобы ни у кого в нашей стране даже не возникло мысли нажать кнопку пуска. Это первое.

Второе. 18 января 2003 года Джордж Буш-младший подписал директиву, на которую здесь как-то не обратили внимания: о концепции мгновенного глобального удара. Суть его — развитие высокоточных обычных средств вооружений стратегического назначения. И в течение 4–6 часов они моделировали на командно-штабных играх, можно ли нанести неядерными высокоточными средствами удар по любой стране мира и парализовать ответные действия этой страны? Они там спорят: какие объекты уничтожать в первую очередь, а какие — во вторую. Конечно и бесспорно, что в первую очередь попадают наши пункты управления стратегическими ракетами. Они должны быть уничтожены или подавлены электронными средствами, такие попытки уже были нами неоднократно зафиксированы в районе Плесецка, в районе базирования Северного флота.

Дальнейшими ударами страну, оставшуюся без защиты и без возможности нанести ответный удар, могут просто методично вбамбливать в каменный век, как Югославию, выводить из строя все системы жизнеобеспечения, а потом предъявить ультиматум. А если страна и после этого не сдаётся, то нанести удары с частичным применением тактического ядерного оружия. Примерно такая военная концепция у них сегодня.

— Эта концепция частично была реализована не только в Югославии, но и в Ираке, Ливии, а сегодня реализуется в Сирии?

— Нет, там немного другая война. Мы тоже не обратили внимания на то, что Джордж Буш-младший, президент США, в самом начале 2002 года на фоне терактов 11 сентября, когда ему нужно было окончательно добить прежнюю международную систему безопасности, заявил о переходе Соединённых Штатов к превентивным действиям. (Не путать с превентивными). Мы даже не поняли сначала, что это такое. А за этим заявлением очень многое стоит. И дисциплинированная государственная структура Америки. Она сразу стала действовать. Что это такое? Это не просто нанести превентивный, опережающий удар по изготовившемуся к войне противнику. В истории много было примеров, когда такие удары, несмотря на достигнутый эффект, не приводили к намеченным целям. Здесь другая концепция. Её суть заключается в определённой последовательности действий. Первое — свержение в той или иной стране действующего правительства.

Второе — замена этого правительства представителями проамерикански настроенной элиты. Только такое правительство США будут считать и на весь мир называть демократическим, даже если за него не проголосовал ни один гражданин страны. А третье — переселение этой страны. Причём под термином «переселение» не подразумевается, что одних надо просто выгнать с их территории, а других туда пустить, хотя это не исключено и приветствуется. Имеется в виду прежде всего культурно-цивилизационное перепрограммирование населения. Из него целым комплексом мер должны вытравить всё национальное: прежде всего — национальную гордость, национальную историю, привязать это новое население к «империи доллара». Чтобы люди думали не о своих предках и потомках, а о том, за что лепёшку себе купить, одежду, машину и так далее. Эти меры американские стратеги сначала отработали на практике, а сейчас, обобщая практику, подводят под неё теорию. А практика случилась у них как раз на территории России. Заменяли элиту, ввели во власть «пятую колонну», а уже

Прежде всего — быть цивилизацией. Русской цивилизацией или евроазиатской цивилизацией — этот вопрос для нас сегодня сложный и болезненный, и его нужно решить в первую очередь. Без восстановления геополитической субъектности проблему нашей безопасности не решить.

она через все информационные каналы начала внедрять «свои», то есть проамериканские ценности.

— **Получается, огромная военная машина США играет тоже подчинённую, вспомогательную роль?**

— Её задача — обслуживать «империю доллара». Американский военно-морской флот, американские воздушные и космические силы буквально «оседлали» все транспортные, торговые коммуникации современного мира. Их цель — сделать так, чтобы ни одна международная сделка, будь то торговая, финансовая, или любая иная, не выходила из-под контроля и в любой момент могла быть прервана любым путём.

Все банки, все крупные и мелкие корпорации мира, каждый из нас — платят налоги

на содержание этой глобальной машины контроля и подавления.

— **А как же благородные сомалийские пираты, например? Они что, тоже являются частью этой машины контроля и подавления?**

— Почти уверен, что так оно и есть. Если из космоса можно увидеть и уверенно позиционировать объекты размером с небольшой арбуз, то о каких пиратах вообще может идти речь? Они же все как на ладони. И если им дают делать их бизнес — значит, тому есть определённые основания.

— **Неужели элементы хаоса и случайности, сбоя в системах связи и управления совершенно исключены?**

— Конечно нет, но они не являются определяющими; и если мы говорим о каком-то устойчивом геополитическом феномене, то он каким-то образом взаимодействует с выстроенной современным глобальным капиталом системой контроля и управления.

— **Так что же, по-вашему, Леонид Григорьевич, необходимо делать России и политическому руководству страны, чтобы эффективно обеспечить национальную безопасность?**

— Прежде всего — быть цивилизацией. Русской цивилизацией или евроазиатской цивилизацией — этот вопрос для нас сегодня сложный и болезненный, и его нужно решить в первую очередь. Без восстановления геополитической субъектности проблему нашей безопасности не решить. И я бы в этой связи говорил не о национальной, а о цивилизационной безопасности.

Далее — необходимо поставить вопрос о переводе международной системы безопасности с государственных и национальных на цивилизационные рельсы. С этой целью, например, реформировать ООН или развивать междцивилизационные структуры сотрудничества, к числу которых, например, относится ШОС.

Только восстановив свою геополитическую субъектность, мы сможем реализовывать и различные проекты во всех сферах нашей безопасности: от чисто оборонных до информационных и трансформационных, аналогичных концепции «превентивных ударов» и «мягкой силы» США. Когда я говорил о подчинённости чисто военных факторов в деле обеспечения безопасности страны, это вовсе не означало,

что армию можно распускать и действовать какими-то альтернативными способами, нет. Просто каждый элемент, каждая составляющая системы безопасности должны занимать своё место и эффективно сочетаться с другими элементами. Перекос в какую-то одну сторону так же опасен для нашей безопасности, как и недооценка существующих угроз. Поэтому мы должны сконцентрировать все самые передовые, все самые прорывные научные разработки — а они у нас есть, и это технологии, которые, условно говоря, смотрят уже в XXII век, — для создания новых систем вооружений: не таких агрессивных, как у Соединённых Штатов, оборонительных, но исключающих любую возможность уничтожения или нанесения нам неприемлемого урона военными средствами.

Например, наши учёные-ядерщики разработали генератор на обратной волне — я могу об этом говорить, потому что информация уже не является секретной. Это оборудование ставится на наш транспортный самолёт «Руслан», который по своей грузоподъёмности пока не имеет аналогов в мире, — и, барражируя в международном воздушном пространстве, выявляет любые источники радиоактивности. То есть не только АЭС, но подводные лодки, ядерные боеголовки на ракетах и так далее. Это основа для системы международного мониторинга расщепляющихся материалов. К ней готовы присоединиться Китай, Индия, некоторые арабские страны, финансировать работу такой системы. Но интересно другое: при увеличении мощности сигнала этого генератора можно спровоцировать ядерный взрыв данного источника радиации. Не буду вдаваться в подробности физического процесса, но это аналог явления резонанса на атомном уровне. К сожалению, когда об этом проекте было доложено Путину, он поручил его курировать Кириенко и Сердюкову, а те под предлогом отсутствия средств — нужно было 70 млн долларов — подключили к этой технологии американцев. И таких вещей достаточно много.

В научно-технологическом и культурно-цивилизационном плане мы сегодня остаёмся, пожалуй, единственной цивилизацией западной. Ни Китай, ни Индия, ни Япония, ни исламский мир, ни Латинская Америка таким потенциалом не обладают.

— **Зато у России почти полностью отсутствует система координат «свой/чужой»,**

Фото: Василий ПРОХАНОВ

очень жёстко работающая у всех других современных цивилизаций. Это недостаток или достоинство нашей культуры?

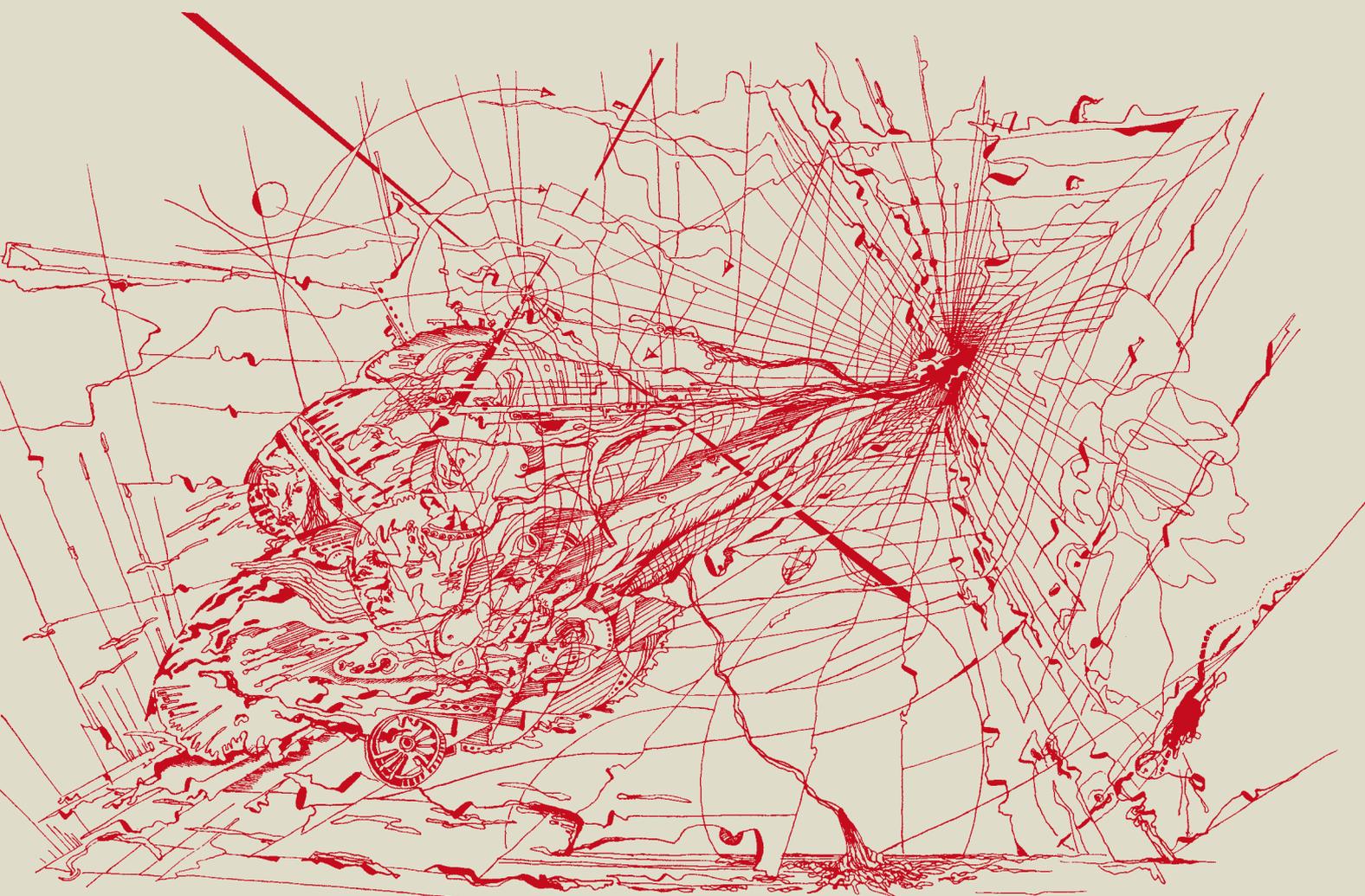
— По большому счёту — конечно, достоинство. Но на коротких исторических дистанциях такое качество «всеотзывчивости», на которое указывал ещё Достоевский, может привести, условно говоря, к «остановке сердца» нашей цивилизации. И тут, как правильно отмечает Александр Андреевич Проханов, мы можем уповать только на Бога, который позволял и позволяет нам всякий раз фактически «воскресать из мёртвых». Очень надеюсь, что запас жизненных сил у нашей цивилизации, у нашего суперэтноса рассчитан ещё не на один десяток и даже не на одну сотню лет, что Россия, русская цивилизация всегда будут присутствовать в человеческой истории и на карте нашей планеты.

/Александр ВЛАДИМИРОВ, генерал-майор,
президент Коллегии военных экспертов России/

Наука побеждать

Иллюстрации: Василий ПРОХАНОВ

О национальной военной мысли и военной науке

Мы считаем аксиомой утверждение, что армии без военной мысли и военной науки не бывает, а если бывает, то и армия, и государство всегда платят за это кровью и поражением.

Наука вообще, в том числе и военная наука, как мысль, должна опережать практику, подсказывая ей разумные пути, иначе практика, а в нашем случае — власть будет неизбежно наткнуться на собственные «грабли», что мы часто и наблюдаем в своей собственной истории.

К сожалению, исторически судьба военной науки в России всегда была печальной, поэтому её боевая практика была всегда оплачена лишней кровью, но даже и в тех случаях, когда она была успешной, не всегда она потом превращалась в теорию и была востребована армейским и государственным руководством.

Вся военная наука должна быть построена на знании реальных боевых событий и способности обобщить этот опыт до уровня выводов, носящих характер неких базовых принципов военного искусства. Только такой путь дает реальные военные знания и рождает собственно военную науку.

У нас сегодня практически нет военно-научных трудов стратегического уровня, в том числе и прогностического характера.

В целом, как это ни прискорбно, приходится констатировать, что сегодня в России национальная военная мысль — мертва: советская военная мысль закончилась, а российская военная мысль — не создается.

Общее состояние национальной военной мысли таково, что система профессионального военного образования сегодня не имеет современной системной научной базы, так как в настоящее время не создана общая теория войны.

Практически оказывается, что нашей высшей военной школе нечему учить своих слушателей, и она вынуждена продолжать их готовить к прошедшим войнам.

О НЕКОТОРЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ МЫСЛИ И ВОЕННОЙ НАУКИ

Наши представления о существовании военной науки состоят в системе следующих утверждений.

Военная наука — как составная часть науки вообще и самостоятельная политическая наука — является одной из форм общественного сознания, системой знаний о войне как социальном явлении, закономерностях, способах и особенностях её подготовки и ведения в конкретной исторической обстановке.

По нашему мнению, любые науки — как фундаментальные, так и прикладные, — имеют и должны иметь явно выраженный военный аспект.

При этом одни науки, как, например, физика или математика, — могут иметь опосредованно военную составляющую, а другие — непосредственный собственно военный аспект: например, военная география.

Это значит, что прикладные военные науки — например, военная психология, военная медицина, военная химия, даже военная история и так далее, — могут базироваться на своих фундаментальных научных основах применительно к специфике военной ситуации.

В этом плане военная наука должна определять направления исследований для других своих фундаментальных сестёр, оценивать их результаты, определять порядок и масштабы применения достигнутых результатов в государственных практиках государственного и военного строительства и непосредственно в интересах нужд войны и вооружённой борьбы.

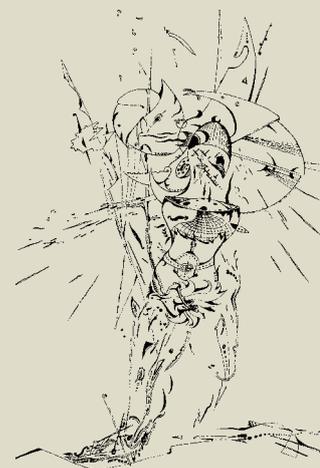
Военная наука основывается на теории войны, на совокупных достижениях всех отраслей современной науки и охватывает основные вопросы организации национального бытия, играющие важную роль в формировании успешного настоящего и будущего нации как самостоятельного и независимого субъекта человеческого социума, как системы, которая находится в состоянии перманентного взаимодействия, в том числе военного, с другими аналогичными системами, что является предметом и объектом её исследования.

Она также охватывает:

- учение о стратегии;
- военное искусство, как искусство вооружённой борьбы;
- теории своих отраслевых и видовых частей;
- вопросы организации и подготовки государств и их вооружённых сил к войне;
- вопросы экономических и моральных возможностей нации (страны) и государств (стран) противников для ведения войны.

В целях обеспечения относительно безопасного и эффективного развития нации военная наука:

- выявляет основные и новые тенденции в развитии человечества и страны, а также их содержание и степень влияния на развитие нации;
- вырабатывает рекомендации для высшего политического руководства страны по вопро-

сам жизнедеятельности страны как субъекта планетарных взаимодействий;

- выявляет необходимость внесения в текущую политику и государственную практику необходимых корректив;

- предлагает политическому (и военному) руководству страны варианты национальной стратегии, планов войны и варианты необходимых структурных изменений в основных сферах функционирования государства и так далее;

- определяет направленность развития структур всех сфер национальной обороны;

- принимает участие в формировании национальной стратегии, разработке всех важнейших национальных документов доктринального уровня и повестки дня развития государства;

- определяет необходимый уровень и качество военного образования политического руководства и высшего командного состава государства, его офицерского корпуса и профессионального военного образования;

- руководит развитием своих отраслевых и видовых частей;

- информирует государство и общественность об основных научных результатах, достигнутых в своей сфере.

Известно, что одним из основных требований к науке являются доказательность ее положений и возможность повторения опыта (принцип верифицируемости).

Применительно к нашей трактовке военной науки и теории войны можно утвердительно сказать, что наше время ежедневно, если не ежечасно, подтверждает, что **война — это не «когда стреляют пушки», а когда на наших глазах из истории исчезают целые народы, возникают и исчезают государства.**

Мы убеждены, что если дальше не называть этот процесс войной, то становится совершенно непонятно, что это за процесс и почему он существует вообще, зачем и кто его ведёт, а самое главное — чего ждать дальше, к чему готовиться и что делать.

Наверное, сегодня, когда постоянно появляются новые «виды войн» и мировая общественность об этом явлении говорит горячо и открыто, продолжать считать аксиомой, что «война — это вооружённое насилие», по меньшей мере недальновидно, так как мир реально уже воюет, воюет жёстко, масштабно и отнюдь не только «танками».

Нам представляется, **что поле для развития нашей военной науки как единственной синтетической общественной науки, способной объять совокупность проблем бытия держав, — сегодня колоссально.**

Поэтому попробуем сформулировать хотя бы только часть её направлений.

Главным направлением развития национальной военной мысли должно стать создание Основ общей теории войны.

Необходимость создания современной теории войны вызвана:

- отсутствием разработанной, стройной, относительно полной и законченной теории войны (теория войны отсутствует в перечне военных теорий как таковая и не преподается как предмет обучения даже в системе профессионального военного образования);

- новыми тенденциями в развитии человечества и существенно новыми факторами его современного бытия;

- текущими военными событиями современности, требующими нового осмысления;

- необходимостью введения нового научного аппарата теории войны в политическую и военную практику государств;

- необходимостью выявления новых тенденций в политической жизни и развитии военного дела и их прояснения в трактовках понятий новой теории войны;

- необходимостью создания цельной теории войны как неконъюнктурной теории, построенной на новой здоровом смысле и в этом плане интересной и полезной всем объектам социума, а также теории, которая являлась бы добротной основой дальнейшего развития военного дела в рамках позитивного развития человечества и введения её в современную научную жизнь и государственную практику;

- определённым тупиком военной мысли, связанным с недостаточностью имеющегося научного аппарата этой важнейшей сферы деятельности человечества, а также с устареванием или выявившейся неверностью его важных постулатов и частей;

- крайне высокой активностью большой массы современных военных экспертов и писателей, произвольно трактующих плохо понимаемую ими военную сферу человеческой деятельности, творчество которых вносит дополнительную дезорганизацию (вульгаризацию и упрощение) в осмысление (переосмысление) военного дела в целом;

- необходимостью введения новой теории войны в научный оборот, учебный процесс учреждений высшей школы, а также в политическую и военную практику современной России.

Представляется, что решение именно этих задач может составить основные направления исследования и разработки современной теории войны.

Кроме того, представляется, что направления развития фундаментальной военной мысли могут быть следующими:

- расширение военной науки как науки только о подготовке и ведении войны (вооружённой борьбы), изучение войны как феномена и одной из форм цивилизационного бытия и явления в целом, её философии и социологии;
- пересмотр и уточнение военно-научного понятийного аппарата;
- осмысление современного национального и зарубежного боевого и военно-политического опыта;
- разработка проблем глобализации мира, осмысление систем новейших глобальных взаимодействий и роли вооружённых сил в них;
- разработка проблем формирования новой мировой архитектуры и систем безопасности в XXI веке;
- теория национальной стратегии как теории, практики и искусства управления государством;
- законы, принципы и обычаи войны;
- взаимосвязь национальной стратегии, политики, экономики и военной стратегии;
- проблемы современной мобилизации, то есть мобилизации в условиях реальной экономической и демографической ситуации, демократии и рынка;
- разработка геоэкономического, геоинформационного и геостратегического атласов мира;
- разработка проблем освоения космоса как новой сферы обитания человечества и новой сферы применения сил и средств ВС, обеспечивающих контроль планеты;
- разработка проблем информационной составляющей военно-политических взаимодействий, а также проблем информационных и геоэкономических войн;
- вопросы геополитических технологий как новых операционных средств войны;
- вопросы облика и характера войны третьего тысячелетия, развития цивилизационных напряжений в национальные, а затем в локальные и региональные конфликты;
- цивилизационные аспекты войны;
- «малые», гражданские и «иррегулярные» (партизанские действия и «мятежевойна») войны как локальные конфликты и как часть стратегического воздействия на противника в их взаимосвязи;
- роль и проблемы миротворчества и так далее...

Этот абсолютно не исчерпывающий перечень некоторых военно-научных проблем, относящихся к войне, **понимаемой в первую очередь**

как естественная часть бытия человечества и только потом — как наука о собственно вооружённой борьбе.

Существует ещё целый пласт фундаментальных военно-научных проблем, непосредственно относящихся к сфере вооружённой борьбы, решение которых позволит резко улучшить общее состояние национальной военной мысли и которые имеют существенное значение для национальной безопасности России.

На наш взгляд, важнейшими из них являются:

- собственно военная составляющая Национальной стратегии России и её Военная доктрина;

- проблемы определения существа современных войн, их признаков, показателей и критериев начала, а также понятийного аппарата теории войны (например, что есть «война», «агрессия», «агрессор», каковы и что представляют собой «новые операционные средства войны», «мирное и военное время» и так далее);
- проблемы начального периода войны (к примеру, когда давать команду на мобилизацию и переход к военному времени и кто будет охранять гарнизоны и объекты инфраструктуры, когда войска уйдут в М-1);
- проблема разработки Плана обороны страны, что, очевидно, шире, чем планы применения видов ВС;
- порядок приведения страны к высшим степеням готовности к войне;
- комплекс мобилизационных проблем в эпоху рынка;
- проблемы системы управления государством в мирное и военное время и порядок

перехода от одного состояния страны и системы управления страной к другому;

- проблемы военного образования как системы подготовки профессиональных кадров государственного и военного управления, военные профессиональные образовательные стандарты;
- проблема кодификации военного права России и выпуск соответствующих кодексов;
- проблема разработки государственной идеологии воинской службы и корпоративной этики офицерского корпуса;
- проблемы информационной войны и информационной устойчивости стратегического управления страной и войсками и так далее;
- информационная модель и информационная картина боя;
- сетевые войны и войны в условиях применения оружия, работающего на новых физических принципах (например, нанотехнологии);
- что такое совместные военные системы и совместные стратегические действия (партнёрство, союзничество);
- перспективы развития видов ВС и родов войск, их соотносённость, обеспечение и взаимодействие;
- проблемы военно-гражданских отношений;
- роль морального фактора в войнах будущего, психологии населения и общества в формировании духа победы и так далее.

В целом без ответов на все эти вопросы мы просто никогда не будем готовы к войне и заранее отдаём инициативу своим геополитическим противникам.

Очевидно, что без официальной постановки и серьёзной научной разработки этих проблем будет невозможна их формализация в национальном государственном и военном праве, а значит — и в практике государственного и военного строительства.

Нам представляется, что одними из, может быть, главных причин такого катастрофического положения дел с национальной военной мыслью являются:

- **отсутствие чётко сформулированного заказа** высшей государственной власти России и высшего командования её Вооружёнными силами на теоретические разработки стратегического плана;
- **отсутствие независимого экспертного органа** (института, центра и т.д.), который был бы уполномочен: получать заказы на разработку научных проблем стратегического характера; иметь достаточные финансовые

ресурсы для того, чтобы формулировать проблемы, заказывать их разработку, вести самостоятельную научную деятельность и так далее и при всём этом — состоять на содержании Министерства обороны или Совета безопасности Российской Федерации и отчитываться исключительно перед ними;

— **отсутствие надлежащего финансирования** и привычка к «интеллектуальной халяве»;

— **практическое исчерпывание специалистов**, способных осознать проблему, чётко сформулировать её и предложить собственный путь её решения, способных отстаивать свою точку зрения в дискуссиях — при давлении авторитетов, «звёзд и погон», мнений и политической целесообразности;

— **отсутствие национальных механизмов оценки и реализации теорий общестратегического уровня**;

— **отсутствие интереса к военной науке у значительного числа представителей высшего командного состава Вооружённых сил, их личная культурная и профессиональная деградация.**

Мы убеждены, что самый важный вывод, который мы должны сделать из оценки современной стратегической обстановки, таков: **наше национальное бытие протекает в состоянии войны, и победа в ней будет на стороне не только технически более совершенной, но и более культурной и образованной нации, а также её профессионально подготовленной и защищающей безусловно правое дело армии, ведомой прекрасно образованным офицерским корпусом России.**

ОБЩЕКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ

Вызывает тревогу как само состояние национальной военной мысли, так и тот факт, что **офицерский корпус практически прекратил читать профессиональную литературу и литературу общекультурного плана и в существующих условиях отсутствия источников культуры в гарнизонах просто «дичает».**

Это вызвано тем, что основные военные библиотеки для офицеров недоступны, профессиональные российские, и тем более зарубежные, журналы никто не выписывает, а повышения профессиональной культуры от них никто не требует.

Сами библиотеки в гарнизонах и частях находятся в жалком состоянии в том числе и потому, что сами Дома офицеров гарнизонов

в основном распроданы, а военные библиотеки ведущих академий не оцифровываются, то есть находятся в первобытном состоянии, не говоря уже о библиотеке Генерального штаба, которая не имеет своего собственного помещения.

У нас не оцифрованы Военный энциклопедический словарь и Военная энциклопедия, что резко снижает качество научных изысканий и учебного процесса в ВВУЗах.

Представляется, что **работа по формированию Национальной публичной военной библиотеки, основанной на современных цифровых носителях и Интернете, то есть доступной в каждом ВВУЗе, гарнизоне и части, должна составить важную часть военно-научной и воспитательной работы.**

Раньше для офицеров издавались специальные серии книг. До Великой Отечественной войны — «Библиотека командира»: тридцать книг западных военных классиков (Мольтке, Шлиффен, Клаузевиц и так далее), занимался этой работой сам Александр Свечин, а государство находило для этого и деньги, и возможности.

После войны в СССР издавалась «Библиотека офицера», переводились и выпускались труды зарубежных классиков военной мысли (например, труды Лиддела Брет Гарта и Дж. Кингстон-Макклори).

Сегодня ничего подобного нет — никто ничего серьёзного не выписывает, не читает, не смотрит и не слушает, поэтому крайне **необходима разработка самостоятельного проекта «Библиотека российского офицера» с началом его реализации уже в 2013 году.**

Мы считаем, что **необходимо восстановить систему публикаций военно-научных трудов по широкому кругу проблем и иметь для этого особый печатный орган**, например, «Вестник Общественного военного экспертного совета». Необходимо также создать Центр военного отечествоведения.

Это значит, что **офицерский корпус России должен иметь свою Публичную (открытую) военную библиотеку, а российская военная мысль должна перейти на новую современную систему информационного обеспечения.**

Это означает, что **сейчас как минимум необходимо в приоритетном порядке оснастить все учреждения военного образования и библиотеки Интернетом**, что уже сделано даже в каждой сельской школе.

В перспективе эта информационная система должна опираться на наш национальный (военный) Интернет и стать приоритетной в нашем военном строительстве.

Кроме того, мы считаем, что необходимо вернуть в части и гарнизоны обязательную подписку на печатные издания Минобороны и рекомендованную литературу, а в систему боевой подготовки войск включить обязательный раздел «Самостоятельная подготовка офицеров».

ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ

После агрессии НАТО в Косове, военных конфликтов в Ливии и Сирии мы наблюдаем «пепелище» мирового права, которое также необходимо не только восстанавливать и совершенствовать, но и создавать заново.

Нельзя не отметить, что подобное «пепелище» (правда, более похожее на «свалку») мы имеем и в сфере нашего национального военного права. Ведь сегодня за термином «военное право» обычно кроется наш обычный российский правовой беспредел.

Этот военно-правовой беспредел существует не только потому, что никто не выполняет уже принятые законы, и не потому, что, как говорят, «на них нет денег», но еще и потому, что в России до сих пор нет ни одной структуры, которая была бы полномочна (то есть имела бы такое государственное служебное предназначение) и отвечала:

- за кодификацию национального военного права;
- за разработку концепций законов военного права;
- курировала работу над ними;
- собирала и издавала их отдельным изданием;
- отвечала за их изучение в ходе учебного процесса в учреждениях профессионального военного образования;
- следила за текущими изменениями в военном праве, своевременно вносила необходимые изменения в него и доводила их до войск и так далее.

В России до сих пор нет ни национального Кодекса военного права, ни даже Хрестоматии военного права, хотя это дело, безусловно, не терпит ни малейшего отлагательства.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ

На наш взгляд, **серьёзная научная работа может быть успешной только в том случае, если будет существовать централизованное управление военной наукой.**

Это предполагает наличие государственного заказа на разработку научных проблем, а значит, своеобразный «госплан» и «госзаказ», а также профессиональную «госприёмку» исследований, что, в свою очередь, предполагает наличие своего «госснаба», то есть гарантированной оплаты научного труда и целой системы его стимулирования.

Кроме того, мы убеждены, что одним из самых опасных негативных факторов современного военного и государственного строительства является отсутствие реальных и эффективных механизмов оценки предлагаемых теоретических исканий и претворения их в жизнь.

На этом пути существует несколько основных препятствий:

— **во-первых, в стране нет органа, отвечающего за развитие военной науки** и обязанного организовывать взаимодействие в этой сфере, а также определять задания на проведение исследований и НИР, проводить экспертизу их качества;

— **во-вторых, в Министерстве обороны** и даже в Генеральном штабе почти не осталось специалистов, способных профессионально и стратегически верно оценить и анализировать предлагаемые им экспертные исследования общестратегического характера, а также вынести по ним своё профессиональное корректное суждение; при этом все они смотрят на своих прямых начальников, которые, по разного рода причинам, знают тему ещё хуже;

— **в-третьих, лица, принимающие основные решения, с носителями идей и авторами теорий лично не встречаются**, а значит — зависят от мнения своих некомпетентных исполнителей;

— **в-четвёртых, практика принятия существенных решений путём бессмысленных и бесконечных согласований**, которая порочна сама по себе, так как приводит любое решение или теорию к своей полной противоположности и снимает всякую персональную ответственность со всех участников этих решений;

— **в-пятых, никто не отвечает за реализацию решений целиком** и не отслеживает ход их исполнения в плановом и ежедневном режиме.

Есть ещё один важный аспект — поиск и внедрение новых идей в сфере военной науки, а также предоставление их авторам возможностей для дальнейшей творческой работы в интересах России и её Вооружённых сил.

В этом плане позволю себе привести ряд важных утверждений, содержащихся в статье нашего современника, выдающегося российского учёного, создавшего теорию «матрицы смыслов», Владимира Арсентьевича Рубанова¹: «Поиском талантливых людей нужно заниматься активно, а не ожидать заявок на коммерчески выгодный и при этом нерискованный проект. Глобальные охотники за головами отбирают таланты по оригинальным публикациям, ярким выступлениям на семинарах и т. п. Так что интеллектуальные сливки снимаются ещё до стадии их готовности к созданию проектных команд.

И ещё о технологиях формирования инновационных прорывов. Они — в системе приоритетов. Так, в знаменитом американском агентстве DARPA существует ряд принципов.

Первый гласит: риск потерять талантливого человека и перспективную идею выше, чем риск потерять деньги.

Принцип второй: приоритетной поддержкой пользуется идея, которая оппонирует традиционным подходам.

Принцип третий: под новые идеи и проекты формируются новые команды и структуры.

У нас, к сожалению, всё наоборот. При финансовых рисках проекты обречены.

При оппонировании сложившимся научным направлениям шансы пройти экспертизу близки к нулю. А вес вывесок научных учреждений и регалий у нас превышает признаки таланта и перспективности научной идеи».

Должен заметить, что в области военной науки всё хуже в сто раз, так как для любой идеи, кроме прямых запретов на «инакомыслие», существует система должностных фильтров, что приводит к практическому уничтожению новых идей и их талантливых авторов.

Для того чтобы российская военная мысль не зачахла на корню, то есть вышла из нынешнего состояния «комы», **необходимы, на наш взгляд, серьёзные институциональные изменения в системе национальной военной науки.**

Поэтому представляется целесообразным:

— инициировать решение о создании в рамках президиума РАН Совета по проблемам войны и мира и отдельного направления академических (фундаментальных) исследований по направлению «военное дело»;

— принять решение о введении должности помощника министра обороны РФ по науке и о создании независимого Центра военной науки с приданием ему статуса головной научной структуры Минобороны, а также о введении должности заместителя начальника Генштаба ВС РФ по науке;

— принятие аналогичного решения Верховным главнокомандующим ВС РФ — Президентом России о создании подобной структуры в рамках Совета безопасности Российской Федерации.

Так как у нас любая общественная наука всегда носит конъюнктурный характер, то есть обслуживает взгляды и идеи сегодняшнего руководства, что является совершенно недопустимым, то **здесь ключевым словом является слово «независимый»**, что подразумевает возможность и право руководства Центра вести самостоятельную кадровую, научную и экономическую политику, опираясь на соответствующее право и щедрость Минобороны и государства.

Считаем, что в Российской академии наук необходимо образовать самостоятельный Центр (комитет, направление) военных наук.

¹ В. Рубанов. «Проекты во сне и наяву: На стройках будущего вот-вот могут закончиться инженеры». Независимая газета, 25.12.2012.

Футурология ВОЙНЫ

Технологические уклады и эволюция вооруженных конфликтов

/Андрей ЖУКОВ, доктор исторических наук/

Иллюстрации: Василий ПРОХАНОВ

В начале XX века в трудах Н. Д. Кондратьева было убедительно показано, что локомотивом развития экономики и производительных сил являются «большие волны», связанные с рождением, функционированием и отмиранием глобальных доминирующих технологических укладов. Новые технологии содействуют созданию не только новых видов машин и механизмов — они коренным образом изменяют всю жизнь человеческого общества. Данное положение является справедливым и для военной науки: появление технологически новых систем вооружений приводит к трансформации форм и методов военных столкновений, к радикальным изменениям самого характера войн и вооружённых конфликтов.

Согласно распространённым экспертным суждениям каждый технологический уклад в своём развитии проходит через три этапа. Первоначально происходит научное обобщение накопившихся знаний, новых теорий и результатов практических экспериментов, что занимает не менее 10–15 лет. Затем наступает этап массовых прикладных разработок и создания опытных образцов техники и вооружений, интенсивная фаза этого этапа занимает время до 15–20 лет. Затем следует широкое внедрение и масштабное проникновение технологий очередного уклада во все сферы экономики. На завершающем этапе начинается постепенное угасание его инновационного потенциала — естественно, при сохранении достигнутого технологического уровня, в рамках которого зарождается

Соответственно, на полях боёв Первой мировой войны впервые, хотя и в очень малом числе, появились танки и самолёты, эти предвестники будущих мобильных сражений. Несмотря на это новое оружие, войска несли огромные потери, однако линия фронта почти не двигалась. Война, как и все предшествующие военные конфликты, продолжала оставаться позиционной. Бесконтактные и дистанционные формы вооружённой борьбы были еще технологически недостижимы.

Позиционный характер войны проявился и в соотношении потерь мирного населения и действующей армии. Масштабные военные сражения огромных по численности армий происходили в узкой полосе, как правило, вдоль линии фронтов. Тыл существовал спокойно, кроме бытовых трудностей и постоянных мобилизационных призывов, горячего «дыхания» войны практически не ощущал. Не было серьёзных артобстрелов городов, не существовало пока и самого понятия «авиационный налёт». Поэтому массово гибли не мирные жители, а в подавляющем большинстве военнотрудовые действующей армии, хотя большей частью это было мобилизованное и прошедшее некоторую ускоренную военную подготовку гражданское население: люди в погонах, «пушечное мясо».

Однако очень скоро, всего через двадцать с небольшим лет, ситуация на полях сражений принципиально изменилась. И связано это было прежде всего с переходом к очередному, 4-му технологическому укладу. Порождённое им массовое поступление в войска соответствующих вооружений изменило сам характер боевых действий. Говоря в начале 30-х годов о предстоящем мировом военном конфликте, И.В. Сталин был абсолютно прав, твёрдо и однозначно указав, что впереди — «война моторов» и что именно к такой войне надо настойчиво готовиться. Тем самым он взял на себя огромную ответственность за выбор стратегического курса, подчеркнул особую роль политического лидера страны в определении магистрального пути развития государства. Важно и то, что такими словами он «укоротил» весьма тогда влиятельную группировку в руководстве страны — группировку военачальников-«кавалеристов», победителей в Гражданской войне.

В отличие от своей предшественницы, Первой мировой войны, Вторая мировая стала войной мобильной, темпы военных действий резко возросли. Знаменитые «танковые клинья» Гудериана продвигались вперёд, преодолевая в сутки расстояние до нескольких десятков километров. Помимо наземной и морской она стала также войной воздушной. Массовое применение бомбардировочной авиации в значительной мере стёрло грань между фронтом и тылом, привело к разрушениям городов и к серьёзным потерям гражданского населения вследствие использования «бесконтактных» способов ведения войны. Кроме того, сократилось время на принятие решений, возросло влияние фактора внезапно-

новый технологический уклад, формируются его научная основа и принципы присущих ему новых технологий.

Интересно сопоставить характер основных войн XX века и хронологию формирования соответствующих этому периоду технологических укладов.

Первая мировая война развернулась в начале прошлого века и совпала по времени с периодом завершения 3-го технологического уклада, основой которого были паровые силовые установки, и самым началом, зарождением следующего, 4-го уклада, сформированного широчайшим распространением двигателя внутреннего сгорания и вызванного этим появлением автомобилей, военных бронемашин, самолётов. На железных дорогах тепловозы стали массово вытеснять паровозы.

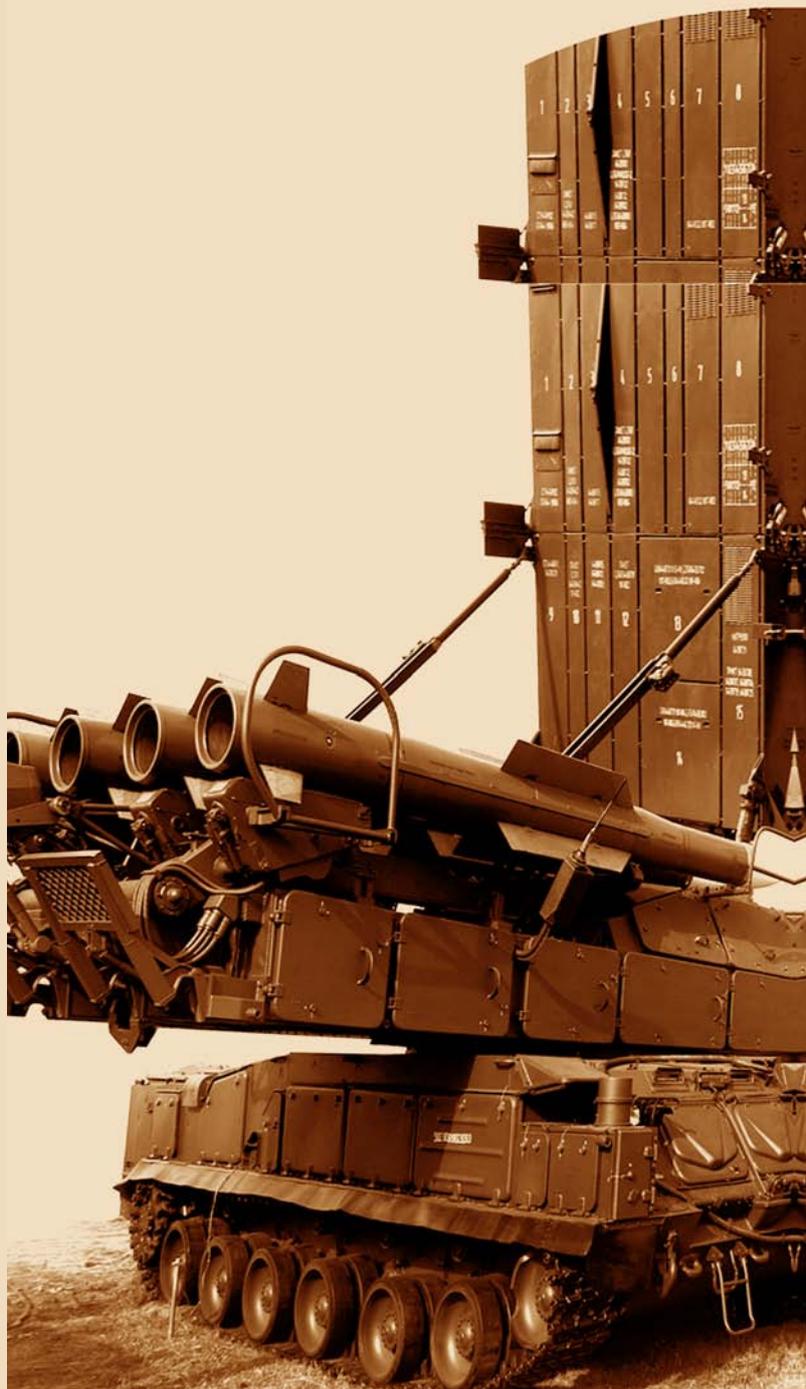
сти — как тактической, так и стратегической. Наконец, массовое распространение средств радиосвязи резко повысило роль разведки всех уровней, качественно изменились способы управления войсками, стратегия и тактика боевых действий.

Особо следует сказать об оружии массового поражения (ОМП). В ходе Первой мировой войны оно нашло ограниченное применение на поле боя, при этом сугубо в военных целях, только против войск противника (газовые атаки хлором, фосгеном и ипритом 1915–1917 годов). О каких-либо планах по использованию химического ОМП против гражданского населения европейских стран сведений не имеется. Видимо, таких планов и не существовало. Однако уже во Второй мировой войне ОМП иного рода было применено дважды, причём в обоих случаях атомной бомбардировке с воздуха подверглись именно гражданские цели: японские многонаселённые города Хиросима и Нагасаки.

В дальнейшем, по мере развития атомного оружия, увеличения мощности, количества и разнообразия видов ядерных боеприпасов, а также средств их доставки, росло и понимание опасности использования этого ОМП как для окружающей среды, так и для населения всей планеты. Аварии на АЭС в США (Три-Мэйл Айленд), в СССР (Чернобыль) и в Японии (Фукусима), а также другие атомные аварии постепенно поставили под сомнение саму возможность и приемлемость обмена ядерными ударами независимо от географического расположения района такого конфликта. Показательно, что один из первых совместных актов мирового сообщества, признававших глобальную опасность ОМП, касался последствий использования именно атомного оружия. Это был подписанный ещё в 1963 году Договор о запрещении ядерных испытаний в трёх средах, за исключением подземных.

Зародившийся в конце Первой мировой войны 4-й технологический уклад перешёл в нисходящую фазу своей эволюции примерно в 50–60-е годы прошлого века. Примечательно, что крупные послевоенные конфликты той поры — такие как война в Корее (1950–1953) и война во Вьетнаме (1965–1975) — не привнесли каких-либо принципиально новых изменений как в стратегию и тактику боевых действий, так и в вооружения сторон. Эти войны явились как бы эволюционным продолжением военно-стратегических и военно-технических концепций Второй мировой, т. е. наработок 4-го уклада, велись, как правило, по организационным шаблонам и командными кадрами тех лет, принципиально сходным оружием.

На рубеже 1960–1970-х годов стали явственно проступать контуры очередного, 5-го технологического уклада. Интенсивно развивались электроника, телекоммуникации, компьютеры. Появился Интернет. Резкий рывок совершили военная мысль, военно-научные исследования, а также прикладные разработки запад-

ных корпораций. При этом в США ставка была сделана на поиск путей завоевания военного превосходства за счёт получения и использования научно-технологических преимуществ.

В полном соответствии с принципами 5-го технологического уклада (информативно-коммуникационные технологии) абсолютный приоритет в военном строительстве США получили работы по формированию единых интегрированных систем мониторинга, связи, управления и разведки (так называемые программы «си-куб-ай»). В Советской армии также приступили к масштабному использованию электронно-вычислительной техники и созданию автоматизированных систем управления (программы АСУ) всех уровней. Модернизация вооружённых сил главных военных держав мира, таким образом, первоначально шла параллельными курсами, но в какой-то момент американцы пошли дальше.

В полном соответствии с принципами 5-го технологического уклада (информационно-коммуникационные технологии) абсолютный приоритет в военном строительстве США получили работы по формированию единых интегрированных систем мониторинга, связи, управления и разведки (так называемые программы «си-куб-ай»).

высокоточного и малодоступного для обнаружения оружия (низколетящие, ориентирующиеся по профилю подстилающей земной поверхности крылатые ракеты морского и воздушного базирования), предназначенного для нанесения ударов с дальних рубежей, недоступных для противовоздушной обороны противника; в-третьих, разведывательно-ударных авиационно-космических комплексов — для уничтожения групповых высокозащищённых целей и точечных заглубленных объектов на территории противника; в-четвертых, космических систем наблюдения, связи и разведки, а также комплексов противоракетной обороны.

В результате этих и некоторых других мер вооружённые силы США приобрели действительно новый облик и абсолютно новые боевые возможности. Всё это ярко и убедительно проявилось в ходе американо-югославского конфликта 1999 года. Прежде всего, эта война реально была бесконтактной и дистанционной, велась параллельно и одновременно на трёх уровнях: земля — воздух — космос. Разведка и идентификация целей на театре военных действий осуществлялись непрерывно и в реальном масштабе времени. Авиационно-космическая ударная группировка была полностью интегрированной и действовала как единое целое. Слежение, целеуказание и наведение осуществлялись автоматизированно. Управление боевыми действиями велось дистанционно, с недосягаемых для противника платформ.

Возвращаясь к разговору об ОМП, важно отметить, что на рубеже 1980–1990-х годов перед программами военного строительства и перед армией США со всей определённой была поставлена задача ориентироваться прежде всего на неядерный конфликт. Считалось, что в силу своей высокой эффективности, определяемой сочетанием большой мощности, точности и скрытности, перспективные обычные вооружения будут способны решать практически все боевые задачи, включая и стратегические.

Другими словами, речь шла о приобретении со временем гарантированной возможности нанести по страте-

В результате критического осмысления уроков вьетнамской войны им удалось радикально пересмотреть приоритеты своего военного строительства, закрыть многие устаревшие программы, избавиться от «тянувшего назад» наследия прошлого, при этом сохранив, что весьма важно, на уровне оборонной достаточности масштабы производства и складирования военной техники старых поколений. Надо объективно признать, что в СССР не было такой же «инвентаризации» военного хозяйства — как, впрочем, и не было крупнейшего военного поражения, подобного вьетнамскому поражению США.

В итоге, помимо информационных систем и технологий, американцы сделали упор на создании, во-первых, широкой гаммы роботизированной военной техники, наделённой элементами «искусственного интеллекта» (ударные и разведывательные беспилотные летательные аппараты, сухопутные военные машины); во-вторых,

гическим ядерным силам СССР массированный обезоруживающий неядерный удар, исключая какой-либо ядерный ответ. Этот тезис представляется очень важным, особенно в связи с акцентом на осуществление у нас новых дорогостоящих планов перевооружения российских ядерных сил (подводные лодки, стратегические ракеты, дальняя авиация). Программы строительства этих, в современных условиях весьма уязвимых для превентивного нападения и уничтожения платформ должны быть тщательно продуманны и обоснованы. Крупнейшие современные ПЛАРБ могут разделить историческую судьбу канувших в Лету гигантских броненосцев конца XIX века — этих морских флагманов третьего технологического уклада. То же касается и другого оружия на принципах ранних технологических укладов (танки и иная бронетехника, ствольная артиллерия и др.). Перспективы его производства (включая экспорт) и складирования также требуют внимательной оценки.

Следует откровенно признать, что никаких действий по военному строительству в соответствии с принципами 5-го технологического уклада у нас практически не предпринималось. Более двадцати лет страна занималась, по сути, самоуничтожением. В результате упущено время, вложения в инновации этого уклада делать уже поздно, они не дадут необходимой отдачи и престижа. Отрасли 5-го уклада достигли стадии насыщения — невозможно, например, заставить население покупать новый компьютер или мобильный телефон каждые три-четыре месяца — и не способны обеспечить гарантированный возврат инвестиций. Особо прискорбно, что в стране не было создано соответствующих промышленных производств как по сборке готовой продукции, так и элементной базы.

Мы опять, как столетие назад, оказались перед растущей угрозой войны, будучи практически к ней не готовы. Как и в начале прошлого века, мы оказались в ситуации своеобразной турбулентности, порождённой переходом через рубеж между двумя технологическими укладами, в данном случае — между уходящим 5-м (микроэлектроника и информационно-коммуникационные технологии) и формирующимся 6-м (наноэлектроника и биотехнологии) укладами. Очевидно, что по мере проникновения в общество, экономику и военное дело принципов нового уклада будут меняться и характерные особенности будущей войны.

Предугадать, как будет выглядеть война, условно 2030 года, сегодня невозможно. Можно попробовать лишь высказать некоторые общие оценки контуров такого гипотетического военного конфликта — точнее, конфликтов различной интенсивности и охвата.

Относительно возможного характера глобальной войны. С позиций сегодняшнего дня такая война, весьма маловероятная, видится как безъядерная, с её началом в форме внезапного нападения и нанесением без предварительной видимой подготовки массированного

обезоруживающего неядерного удара по основным платформам с ядерным оружием (стратегические ракеты, подводные лодки и т.д.). Цель — полностью исключить из баланса сил ядерный фактор и возможность ядерного ответа противника, добиться решающего преимущества и победы уже на начальном этапе. Такие экстренные и сверхточные удары могут наноситься, во-первых, стоящими уже сегодня на вооружении, постоянно совершенствующимися крылатыми ракетами морского и воздушного базирования, во-вторых, будущими гиперзвуковыми беспилотными летательными аппаратами (срок их принятия на вооружение в США намечен на 2020–2025 годы).

Теперь о значительно более вероятных сценариях, а именно — региональных войнах. Представляется, что «горячей» фазы, т.е. ошутимых традиционных боевых столкновений (по типу «пришедший извне агрессор атакует войска страны — жертвы агрессии») у грядущих вооружённых конфликтов регионального уровня, скорее всего, не будет. Основной упор делается на первой, начальной стадии. Его цель — разложение общества, элит и вооружённых сил атакуемой страны, лишение их материальных средств и моральных

стимулов сопротивления, создание и стимулирование влиятельной массовой «пятой колонны», противостоящей властям и общественной идеологии. Войска страны-бенефициара будущей войны пересекут, если захотят, государственную границу атакуемой страны лишь для установления над ней полицейского контроля и введения оккупационного режима, т. е. после военной победы, например, после падения правящей группировки, массовых «зачисток» населения или отдельных его групп, выборочного разрушения некоторых отраслей промыш-

В целом технологии 6-го уклада могут породить методы целенаправленного управления и манипулирования населением, его поведением, социально-политическими установками и устремлениями. Вполне возможными представляются заказные и управляемые гражданские войны и революции.

ленности, сельского хозяйства и пр. На возможность такого сценария указывают разрабатываемые на Западе технологии «управляемого хаоса», уже в какой-то мере получившие предварительную апробацию во внутренних столкновениях в странах Арабского Востока.

Это — методы ближней перспективы, а на более отдалённых горизонтах уже появились технологии управляемого воздействия на большие группы населения и отдельных людей (проект HAARP), на климат и окружающую среду (геофизическое оружие), проекты инициации искусственных землетрясений, цунами и техногенных катастроф. Особого внимания требуют вопросы применения ОМП, но на этот раз не химического или ядерного, а биологического. Оно в полной мере отвечает принципам шестого технологического уклада, одним из фундаментальных основ которого будут именно генно-инженерные технологии. Их целенаправленное применение вполне способно вызвать неурожай и голод в отдельных регионах и странах, и как следствие — расслоение населения, массовые беспорядки вплоть до кампаний гражданского неповиновения, внутренних вооружённых конфликтов и войн.

В целом технологии 6-го уклада могут породить методы целенаправленного управления и манипулирования населением, его поведением, социально-политическими установками и устремлениями. Вполне возможными представляются заказные и управляемые гражданские войны и революции. Подобная дестабилизация и займёт начальный период будущей межгосударственной региональной войны. После чего использование вооружённых сил, за исключением полицейских формирований, может и не потребоваться.

Что же касается локальных конфликтов, партизанских и террористических столкновений, то противодействие им потребует традиционных вооружённых и полицейских сил, — впрочем, оснащённых на значительно более высоком технологическом уровне. Тотальная роботизация породит поколения всё более совершенных роботов-разведчиков, роботов-пехотинцев, роботов-диверсантов, роботов-часовых, роботов-охранников. Беспилотные летательные аппараты (управляемые и вооружённые мини-самолеты и мини-вертолеты), особенно стаи миниатюрных летающих роботов-птиц и роботов-насекомых, будут способны непрерывно контролировать перемещения диверсионно-партизанских формирований на любой территории и при необходимости — избирательно их уничтожать. Тотальный и непрерывный контроль в совокупности с отмеченными выше методами активного воздействия на умы и поведение населения могут привести к радикальной трансформации локальных вооружённых конфликтов.

Технологии 6-го уклада способны в корне изменить характер будущих войн. Отмеченные тенденции требуют, таким образом, тщательного учёта в работах по реконструкции оборонно-промышленного комплекса страны.

/ Сергей КАНЧУКОВ, генерал-майор,
начальник разведки Сибирского военного округа/

Бой будущего

Иллюстрации: Василий ПРОХАНОВ

Мир стремительно движется к мировому экономическому кризису, что и показал 2012 год. И это всё отчётливее понимают мировые финансовые, экономические и политические элиты. Выход из кризиса видится в реформировании существующих моделей государства, что влечёт за собой и возможность развязывания различных по масштабу и интенсивности вооружённых конфликтов, которые впоследствии могут перерасти и в мировую войну.

Ранее рассматривались аспекты и варианты развязывания вооружённых конфликтов и крупномасштабной войны, в том числе и против России, характер и способы ведения таких войн в общих чертах. Но во всех этих войнах и вооружённых конфликтах есть одно общее — характер самого современного боя, от понимания и описания которого зависит и структура вооружённых сил в целом, и организационно-штатная структура самих подразделений, участвующих в вооружённой борьбе, характеристики и боевые возможности техники и вооружения.

Исход всех войн, как известно, всегда зависел от побед, одержанных на полях сражений, в ходе непосредственно боевого столкновения. Только бой решал, кто является победителем и кто — побеждённым. Созданное сегодня на базе микроэлектроники, оптоэлектроники, радиотехники и компьютерной техники высокоточное и весьма могущественное оружие дальнего боя способно благодаря эффективному информационному обеспечению с использованием спутниковых систем точно выйти к малоразмерной цели, автоматически распознать и надёжно поразить её. При этом носители такого оружия (корабль, самолёт, наземная пусковая установка) могут находиться на расстоянии нескольких сотен и даже тысяч километров от поля боя или от объектов поражения. Естественно, применение такого оружия существенным образом меняет характер вооружённой борьбы, обстановку на поле боя. С появлением высокоточного дальнебойного оружия изменяется соотношение между средствами дальнего боя и оружием ближнего (контактного) боя. Но последнее не может быть «отменено». Просто эти два средства вооружённой борьбы займут свои индивидуальные ниши.

Исходя из характера современного боя необходима разработка тактики его ведения. И этот характер должен предусматривать не только настоящее положение дел, но также

учитывать вероятные будущие изменения — как минимум на 10–20 лет вперёд. На основе тактики ведения боя, предусматривающей различные его итоги: от победы до поражения — разрабатываются требования к системам вооружения, их составу, характеристикам, к боевой, специальной и вспомогательной технике. На основе этого комплекса мероприятий разрабатываются технические задания и идёт конструирование боевой и другой техники, её изготовление ВПК, отдельные и совместные испытания в соответствии с разработанными тактическими приёмами. Когда все требования выполнены, осуществляется приём техники и вооружения, их освоение в войсках, насыщение войск техникой и вооружением. Это длительный и порой затратный процесс, особенно если на начальном этапе были заложены ошибочные или нерациональные решения.

В нынешних условиях развития вооружений и техники Вооружённые силы России должны быть готовы участвовать в двух типах современного боя, имеющих ряд одинаковых

особенностей, основными из которых являются сетцентричность и бесконтактность боевых действий. А противостоять этим типам современного боя со стороны Вооружённых сил России должна концепция «Разведка и системы вооружений».

Первый тип современного боя, «Борьба вооружений», относится к вооружённым конфликтам, локальным и региональным войнам, а также к крупномасштабной войне. Он характеризуется наличием большого количества средств разведки и высокоточного оружия, дальнобойных ударных систем различного назначения и базирования, наличием большого количества воинских организаций, участвующих в вооружённой борьбе. Под воинскими организациями здесь понимаются цели, которые должны быть поражены в ходе различных видов боя, с вероятностью обеспечивающих гарантированную победу в конкретном бою (сражении). Другие подходы заведомо ставят вопрос о целесообразности наличия самих вооружённых сил.

Второй тип современного боя, «Борьба людей», связан с возможностью применения вооружённых сил на различных этапах проведения контртеррористической операции на территории России независимо от характера вооружённых формирований. Под вооружёнными формированиями подразумеваются формирования боевиков: как созданные из местных экстремистских группировок, так и действующие при поддержке международного терроризма, формирования боевиков (наёмников), подготовленные, вооружённые и переправленные на территорию России, или их сочетание.

ПЕРВЫЙ ТИП СОВРЕМЕННОГО БОЯ — БОРЬБА ВООРУЖЕНИЙ

Характерными чертами **первого типа современного боя — «Борьба вооружений»** — будет наличие превосходящих сил и средств противника на различных этапах проведения операции. Следующей чертой является наличие высокоточного вооружения и способность ведения бесконтактного боя. Это достигается посредством применения систем разведки, авиации, в том числе и вертолётов, БПЛА, ВТО различного базирования, мощных дальнобойных артиллерийских систем, танковых подразделений, имеющих на вооружении усовершенствованные боеприпасы, способные поражать защищённые объекты на большой

дальности. Это первый этап любого боя, посредством которого противоборствующей стороне будет наноситься поражение всеми огневыми и ударными средствами для выполнения задачи гарантированного поражения. На втором этапе боя, при достижении требуемой степени огневого поражения, возможно применение пехотных подразделений под прикрытием авиации, вертолётов, артиллерии, миномётов, в том числе и непосредственной поддержки, боевых машин пехоты.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРВОГО ТИПА СОВРЕМЕННОГО БОЯ

В любых условиях противоборствующая сторона организует и ведёт всестороннюю разведку. И разведка будет круглосуточной, с применением всех имеющихся видов разведки (от космической до тепловизионной) независимо от назначения, важности или принадлежности объекта противоборствующей стороны к тому или иному военному организму (от отделения и до фронта). И результаты такой разведки, без соответствующих способов противодействия, гарантируют вскрытие всех целей для ударов и их уничтожение. В дальнейшем наносится поражение всеми имеющимися огневыми и ударными средствами. **Таким образом**, в зависимости от объекта поражения, следует ожидать в ударе и высокоточные крылатые ракеты, и управляемые ракеты, и бомбы, и управляемые снаряды. Главная цель данных ударов заключается, в зависимости от рассматриваемых масштабов, от уничтожения системы управления до уничтожения всех боевых объектов противоборствующей стороны. И это главная особенность современного боя в системе **«Борьба вооружений»**.

После достижения необходимой степени огневого поражения в бой вступает непосредственно личный состав, пехота, при поддержке боевых машин и под прикрытием остальных систем вооружения. И это очередная особенность современного боя, которую можно охарактеризовать как **«Борьбу за сохранность личного состава»**. Действия личного состава характеризуются действиями на бронетехнике, и только на последнем этапе, уже при соприкосновении с остатками сил противника, применением непосредственно военнослужащих, вооружённых и экипированных комплексами вооружения и снаряжения современного боя. **Таким образом**, весь характер современного боя в системе **«Борьба вооружений»** можно охарактеризовать несколькими характерными

действиями: разведка — обнаружение — уничтожение — победа (**РОУП**). К этому и стремятся все ведущие армии мира.

НЕКОТОРЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПАРИТЕТА ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО БОЯ

Первое. Подразделение в современном бою должно иметь возможность **самостоятельно вести разведку**, позволяющую своевременно вскрыть подлёт боеприпасов непосредственно к своим позициям. Это задаёт определённые требования к системе разведки в каждом военном организме. Недостающую информацию о деятельности противника, обеспечивающую понимание обстановки с учётом времени, необходимого на оценку этой информации, отдачу необходимых указаний и принятие соответствующих защитных мер по противодействию, каждый военный организм должен получать из определённого вышестоящего штаба в реальном масштабе времени. Это и называется первой особенностью — сетцентричность ведения современного боя на основе распределённой разведывательной информации.

Второе. Военный организм должен быть способен **нанести поражение своим вооружением** всем имеющимся и перспективным **боевым объектам** противника до их воздействия на объекты техники и вооружения военного организма посредством их уничтожения различными способами на рубежах, на которых невозможно причинить поражение войскам. И это одно из основных условий, которое должно предусматриваться при разработке и принятии на вооружение всех систем в будущем. Без выполнения данного условия в современных боях достичь победы не представляется возможным. Часть этих систем уже разработана, часть требует совершенствования, но их установка должна проводиться на всю боевую технику, включая танки, БМПТ, БМП, БТР, САУ и самоходные минометы. Такие же требования должны предъявляться и для других видов вооружений.

Третье. **Повышенная бронированная защищённость** техники, непосредственно участвующей в бою, независимо от типа техники и способа бронирования.

Танк, основная единица в современном бою, должен придаваться каждому подразделению, ведущему бой. В сухопутном компоненте, независимо от масштабов формирований, бронетанковое вооружение составляет основу его боевых возможностей. Во время войны

в Персидском заливе в 1991 г. авиация и высокоточное оружие морского базирования в известной степени предрешили конечный успех, но окончательный разгром иракской армии был осуществлён силами общего назначения, которые насчитывали почти 5000 танков. Сегодня следует говорить о мощной бронетанковой компоненте в составе любых формирований. Если раньше танки называли главной и манёвренной ударной силой Сухопутных войск, то на сегодня они — основа боевой мощи любых общевойсковых формирований.

Компоновка танка должна обеспечивать как борьбу непосредственно с танками противника, так и борьбу с другими объектами и боеприпасами. Танк должен иметь повышенную броневую защиту, усиленную различными системами активной и пассивной защиты. Танк должен быть оборудован как минимум тремя независимыми целевыми каналами стрельбы. На танке к основному вооружению (пушка и спаренный пулемет), управляемому наводчиком и командиром, должен быть дистанционно управляемый крупнокалиберный пулемёт, управляемый командиром, и дистанционно управляемый гранатомёт, управляемый одновременно командиром и механиком-водителем. Данное условие позволяет задействовать в различных видах и ситуациях боя весь экипаж машины и все системы вооружения одновременно.

БМПТ (боевая машина поддержки танков) позволяет расширить способность связки (танк — БМПТ), противостоять боеприпасам и оказывать всестороннюю поддержку каждому танку при решении других задач. Сегодня очевидно, что данный тип боевых машин (с соответствующей доработкой) позволяет прикрыть танк в различных видах боя, начиная от действий в городе и заканчивая действиями в ходе вооружённого конфликта или войны. Требования к данной машине должны основываться на необходимости сокращения количества экипажа, прикрытия основного вооружения достаточно крепкой бронёй, включающей и ДЗ, и наличии независимых целевых каналов стрельбы для различных систем вооружения.

БМП должна являться не только средством перемещения живой силы подразделения во время боя и вне его, но и позволять каждому члену экипажа и десанта участвовать в бою, находясь под защитой броневго корпуса. Боевая машина пехоты должна надёжно

противостоять противотанковым средствам и танковым боеприпасам, находясь в бою на одной линии с тяжёлой боевой техникой (танками и БМПТ). Существующие и существовавшие ранее представления о ведении боевых действий и распределении техники в глубину давно устарели и не соответствуют характеру современного боя. БМП должны представлять собой тяжёлую бронированную технику, построенную самостоятельно или на основе модернизации существующих танков, иметь усиленное бронирование, вооружение, позволяющее вести борьбу как против тяжёлой бронетехники противника, так и против различных по типу боеприпасов. Для этой цели наиболее подходит — из тех систем, которые имеются и известны широкому кругу специалистов, — 57-мм орудие от комплекса С-60 с соответствующим набором боеприпасов.

САУ и артиллерия в целом в современном бою требуют других подходов в их боевом применении, а значит — и других подходов к бронированию, к боеприпасам, к системе управления огнём. В современных условиях имеется потребность в непосредственной поддержке подразделения, участвующего в боевых действиях, артиллерийскими системами, находящимися непосредственно в боевых порядках. Артиллерийские системы, за счёт более мощных и специально сконструированных или доработанных боеприпасов, позволят надёжно прикрыть непосредственно подразделение от различных типов боеприпасов, использующих различные типы высокоточного наведения. Это позволит добиться гарантированного перекрытия действия других систем в отражении сначала ударов боеприпасов, а в дальнейшем — и борьбы с другими целями и объектами противоборствующей стороны. В связи с этим возникает необходимость увеличения бронирования САУ как за счёт самого бронирования, так и за счёт установки динамической защиты и других активных и пассивных систем борьбы с боеприпасами противника.

СБМ (самоходные бронированные миномёты) — неотъемлемая составная часть борьбы любого военного формирования в различных видах современного боя, особенно при использовании ими высокоточных боеприпасов. Этим требованиям из имеющихся систем вооружения в наибольшей степени соответствует самоходный миномёт «Вена», но и он требует модернизации по увеличению бронирования и номенклатуре боеприпасов, позволяющих

вести борьбу с высокоточными боеприпасами противника.

ЗСУ, как основное средство в борьбе с высокоточными боеприпасами и их воздушными носителями на предельно малой и малой дальности, требуют к себе точно такого же подхода, как и остальные боевые машины. Это значит, что база должна быть основана на тяжёлом бронированном шасси, позволяющем ЗСУ находиться в боевых порядках подразделения и выполнять задачи по противодействию высокоточным боеприпасам непосредственно на позиции подразделения.

Из-за ограниченного объёма не рассматриваем другие важные направления, включающие необходимость наличия в условиях современного боя и других систем, таких как системы РЭБ, огнёмётные системы, инженерные системы, авиационные системы, системы тылового и технического обеспечения.

Таким образом, в условиях современного боя сухопутный компонент любого подразделения, независимо от вида и способа ведения боя, должен включать танки, боевые машины поддержки танков, тяжёлые боевые машины пехоты, тяжёлые самоходные артиллерийские установки, тяжёлые самоходные минометы,

тяжёлые зенитные самоходные установки и иметь к каждой единице бронетехники бронированную машину подвоза боеприпасов.

ВТОРОЙ ТИП СОВРЕМЕННОГО БОЯ, «БОРЬБА ЛЮДЕЙ»

В современных условиях, когда возрастает опасность развязывания внутренних вооружённых конфликтов и проведения контртеррористических операций, на различных этапах возможно привлечение и подразделений Вооружённых сил. Основной силой, способной успешно противостоять вооружённым бандформированиям, являются силы специальных операций (ССО). Но действия ССО — это другая и отдельная тема, а вот их усиление вполне возможно за счёт общевойсковых подразделений, имеющих на вооружении весь перечисленный выше комплекс тяжёлого вооружения, что позволит выполнить поставленные задачи с соблюдением принципа **«Борьба за сохранность личного состава»**.

Необходимость применения этого принципа подтверждается и опытом ведения боевых действий в Сирии против международного терроризма. Сирийской армии как раз

и не хватает, особенно в ходе ведения боевых действий в городе, различных современных систем разведки, связи и управления, хорошо защищённых дополнительной броней и системами вооружения танков. Отсутствие тяжёлых бронированных боевых машин пехоты и тяжёлых бронированных САУ снижает боевые возможности штурмовых групп и не позволяет точно наносить поражение противнику в реальном масштабе времени с использованием и высокоточных боеприпасов.

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

1. Подход к вооружению армии для действий в современном бою должен отражать комплекс взаимоувязанных систем разведки и поражения с комплексом повышенной защищённости и способности противодействовать боеприпасам противника. Это требование должно относиться к любым видам и родам войск.

2. В современных условиях, когда на поле боя превосходство имеют системы высокоточного оружия и отсутствует сплошной фронт, требование к боевой технике преодолевать водные преграды на плаву и с ходу не является обязательным. Это требование было актуальным в период массовости армий, когда интервал между машинами достигал максимум 10–20 метров, когда нужно было осуществлять наступление и форсировать реку с ходу в условиях недостаточного огневого поражения обороняющегося противника. В современных условиях ведения боевых действий, когда во главу угла поставлено высокоточное оружие, первоочередная задача наступающих будет заключаться в дистанционном уничтожении всеми видами оружия обороняющегося противника на противоположном берегу.

3. Характер будущих вооружённых конфликтов связан с массовым применением высокоточного оружия в условиях бесконтактных действий их носителей. Начало боевых действий остаётся за авиацией, которая применяет боеприпасы на удалении от объектов поражения на 30–300 км. Эти же дальности, или увеличенные в разы, будут соответствовать и другим образцам вооружения. После авиации и ракет (КР) идут высокоточные боеприпасы, применяемые вертолётами, а потом артиллерией и танками. Таким образом, передний край обороны любого подразделения будет атакован несколькими видами ВТО, предна-

значенными для поражения различных объектов. В первую очередь — это объекты ПВО, во вторую — объекты бронетехники, а уже потом всё остальное, что будет находиться как на переднем крае, так и в глубине.

4. Тактическое подразделение в данных условиях должно иметь в своих боевых порядках не только танки, БМПТ, БМП, самоходные орудия и минометы, но и средства ПВО (ЗСУ). Для отражения массированных ударов, особенно при превосходстве авиации противника, требуется большой запас боеприпасов непосредственно в момент отражения ударов. Для их подвоза необходим бронированный транспорт. Это один из путей решения задачи борьбы с боеприпасами противника и обеспечения выполнения боевой задачи тактическим подразделением.

5. В будущих вооружённых конфликтах, как и в ходе Великой Отечественной войны, нельзя исключать действия войск не только на открытой местности, но и в лесу, в населённых пунктах, что выдвигает дополнительные требования к боевой технике и вооружению. Вооружение должно обеспечивать возможность поражения объектов не только на прямой наводке, но и на верхних этажах и с тыльной стороны зданий, на чердаках, в подвальных помещениях, на обратных скатах высот, на скрытых опушках лесных массивов. Для этого необходимо иметь на вооружении боеприпасы повышенной мощности, способные разрушить стены, укрепления, поразить всю существующую номенклатуру техники противника.

6. Сегодня основой для базы боевой техники должна быть только танковая, с повышенной броневой защитой, передним расположением двигательной установки и возможностью выхода через кормовые двери, за исключением танковой компоновки. Использование имеющихся корпусов устаревших танков позволит значительно уменьшить затраты на производство новых видов вооружения. А использование дополнительной активной брони увеличит защищённость экипажа и десанта.

7. Такой подход позволит тактическому подразделению успешно бороться со всей номенклатурой высокоточных боеприпасов, прикрыв свои боевые порядки зонтиком ПВО с боеприпасами большой эффективности, включая и стоимостный выигрыш по отношению к зенитным ракетам как в ходе отражения ударов, так и при нанесении ударов или выполнении любых других задач.

/ Анатолий ГРИГОРЬЕВ, капитан 2-го ранга/

Армия и культура

Иллюстрации: Василий ПРОХАНОВ

В современной литературе довольно часто можно встретить понятие «военная культура». Одно время даже выпускался военный журнал под таким названием. Но ни в одном современном справочнике или энциклопедии невозможно найти значение этого словосочетания. Хотя до Октябрьского переворота это понятие в России, а позже — и в русском зарубежье было в широком обороте

Впервые слово «культура» попало к нам в 1837 году и понималось просто: «совокупность всего, созданного усилиями человека, в противоположность тому, что даром, без всяких усилий с нашей стороны, даёт нам природа».

Первоначально военная культура не отделялась из общего представления о культуре. Лишь в 1925 году в Белграде (Югославия) группа русских офицеров-эмигрантов издала книгу «Русская культура», в которой отдельной главой стала «Военная культура».

Военная культура накапливает и хранит весь предыдущий опыт в области военного дела, а также является конструктивным материалом для будущего. Академик Д. С. Лихачёв писал: «Австрийский посол Сигизмунд Герберштейн, внимательно следивший за тем, что происходило на Руси в княжение Василия III, и изучивший русские летописи, вынес впечатление, что для Русского государства мир — случайность, а война — постоянное явление. Действительно, в течение более чем пятисотлетия русскому народу приходилось вести постоянную борьбу с покушавшимися на его независимость соседями».

В известном византийском литературном памятнике «Стратегикон», приписываемом императору Маврикию (582–602), запечатлено военное искусство славян «докиевского» периода. Через несколько веков, в 986 году, Византия из-за очередной попытки переворота была вынуждена обратиться к Руси за военной помощью. Император Василий II сумел договориться с киевским князем Владимиром об оказании военной помощи: ежегодно русы должны были выделять экспедиционный отряд из 6000 воинов, доставляемых морским путем. Любопытная деталь: греки сначала обучали русов римскому и греческому строю и лишь после этого привлекали к участию к боевым действиям. Сохранившиеся источники свидетельствуют о военных успехах русов в различных боевых условиях по договору, который действовал почти двести лет.

Позже Русь была вынуждена обратиться к военной культуре при-

шельцев с Востока и на Куликовом поле превзошла искусство монголов.

Нашим далёким пращурам приходилось выживать в условиях постоянной военной угрозы беспокойных соседей. Их, как правило, численному и техническому преимуществу можно было противопоставить либо эффективную военную организацию общества, либо высокие боевые качества русских воинов...

Именно эти особенности русской военной культуры отмечаются во всех отечественных письменных источниках начиная с XI века. Как пример можно привести мнение известного историка А. А. Керсновского о русской воинской культуре: «Это преобладание духа над материей. Её основы были и будут: в области устройства вооружённой силы — самобытность («мы мало сходствуем с другими европейскими народами»); преобладание качественного элемента над количественным («не множеством побеждают»); в области воспитательной — религиозность и национальная гордость («мы русские — с нами Бог!»); сознательное отношение к делу («каждый воин должен понимать свой манёвр»); проявление частной инициативы на низах («местный лучше судит... я вправо, должно влево — меня не слушать»); способствование этой инициативе на верхах («не входить в подробности ниже предложения на возможные только случаи, против которых разумный предводитель войск сам знает предосторожности, — и не связывать рук»); в области стратегической — «смотрение на дело в целом»; в области тактической — «глазомер, быстрота, натиск» и использование успеха до конца («недорубленный лес вырастает»).

Военная культура, как мировая, так и отечественная, зиждется на «трёх китах»: обычаях, традициях и законах, а воспитание воина определяет триада

культуры: наука — религия — искусство. Их глубинное знание позволяет решить многие проблемы современных вооружённых сил и общества. В этой связи необходимо подчеркнуть, что наша военная культура (как, впрочем, и вся отечественная культура в целом) в значительной своей части — христианская, православная.

Без учёта влияния Русской православной церкви (РПЦ) невозможно понять особенности формирования воинского духа защитников нашего Отечества в прошлом. Церковь за тысячелетия своего существования накопила колоссальный опыт работы с военной паствой, который в значительной степени утрачен. Многие из этого опыта пригодилось бы современным командирам.

Обращал ли кто внимание на тождественность организации принципа армии и церкви? Жизнь и армии, и церкви регламентируется уставами. В обеих структурах действует строгая иерархия, подчинение младших старшим. Без послушания нет церкви, без дисциплины нет армии. Там и там есть знаки отличия и различия. Ни армия, ни церковь не обходятся без формы одежды. Главный метод воспитания — личный пример. Всё это создаёт дополнительные условия для взаимодействия армии и церкви в формировании личности воина-гражданина.

Военная культура, обращённая на личность, бывает, как и дисциплина, естественной (когда человек получает её в ходе самой жизни по принципу «можно»/«нельзя») и осознанной (когда человек понимает суть происходящих явлений). Формирование личности, обладающей осознанной военной культурой, является одной из приоритетных задач национальной безопасности, однако это требует продолжительного времени, значительных сил и средств от общества и самой армии.

Военная культура, как мировая, так и отечественная, зиждется на «трёх китах»: обычаях, традициях и законах, а воспитание воина определяет триада культуры: наука — религия — искусство.

Исследования в области военной культуры России показывают, что инициаторами проведения реформ выступали, как правило, яркие личности. К сожалению, в последние десятилетия XX века им отводили весьма скромную роль в системе воинского воспитания: происшедшие события объяснялись развитием производительных сил и производственных отношений, борьбой классов, материальными и другими факторами. В этой схеме почти не оставалось места живым конкретным людям. Как замечал академик Д. С. Лихачёв: «История человека оказалась без человека. Опасаясь преувеличения роли личности в истории, мы сделали наши исторические работы не только безличностными, но и безличными, а в результате малоинтересными».

На самом же деле история России изобилует выдающимися государственными и общественными деятелями, полководцами, духовными наставниками, гениальными представителями науки и искусства, чьи совместные усилия воплощались в победах на поле брани. Безусловно, в истории культуры существуют объективные закономерности развития, их роль важна и несомненна, но нельзя рассматривать этот сложный и многогранный процесс развития целой страны, руководствуясь одними только абстрактными моделями, точно так, как невозможно представить и объяснить становление и расцвет Древнерусского государства без деяний князей Святослава, Владимира Святого, Ярослава Мудрого; борьбу с псами-рыцарями — без Александра Невского, Куликовскую битву — без ратного подвига Дмитрия Донского и духовного подвига Сергия Радонежского; образование Российского государства — без «государя всея Руси» князя Ивана III, прозванного «Великим»; преодоление Смутного времени начала XVII в. — без участия Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского и патриарха Гер-

могена; победы XVIII века — без Петра Великого, полководца, флотоводца и государственного деятеля, без елизаветинских и екатерининских «орлов»...

Именно Пётр Великий сумел провозвести настоящий прорыв в развитии русской армии, переведя её на рекрутский призыв и обеспечив самыми эффективными на тот период системами вооружений. Им же заново был создан и флот, достойный России. Устав Воинский 1716 года — настоящий шедевр военной культуры, который «простоял на вооружении» около ста лет. Пётр Великий заложил и систему военного образования в стране. Её кульминацией стало появление в 1838 году Императорской военной академии, настоящего центра производства военных идей, с девизом: «Побеждает та армия, которая лучше думает». В академии впервые в мире родилась новая дисциплина — «военная статистика», созданная выдающимся военным учёным и организатором Д. А. Милютиним. Разработанные им положения почти на полвека опережали основные постулаты геополитики, выработанные Ратцелем, Челеном и Макиндером.

Кстати, именно в академии в 1887 году был написан первый в России учебник по воспитанию русского офицера, до сих пор неведомый современным специалистам. Он ещё должен найти своё место при формировании новой системы воинского воспитания.

Временное правительство России провозгласило русскую армию «республиканской» и собиралось формировать её по американскому образцу. Но этому плану не было суждено осуществиться. Большевики впервые в мировой практике создали свою Красную армию по классовому принципу. И вот здесь возникло нечто новое: появился аппарат воспитания красноармейцев, политический отдел. Созданный во время Гражданской войны, он положительно проявил себя и в годы Великой Отечественной. Совмещение

политической работы с просвещением дало хороший результат. Деятельность этого органа оказалась столь успешной, что многое из её опыта было заимствовано другими странами мира.

Развал СССР поставил на повестку дня очередную актуальную проблему — создание новой армии. В результате перестроечных процессов и рыночных реформ изменились государство и общество, а вот армия осталась прежней.

То, что у нынешней России должна быть новая армия, уже ни у кого не вызывает сомнений. Но вот какой должна быть эта новая армия? Какова технология её создания? Военная культура Отечества даёт на это чёткий ответ: строительство новой военной силы невозможно без участия в этом процессе широкого представительства от общества.

Попытки большинства исследователей найти решения по линии «государственная власть — военная сила» не могут дать искомого результата, поскольку в данном формате намеренно или по незнанию игнорируется роль общества и идеологии (она-то и определяет дух воинства) в решении военной проблематики. Исследования убедительно показывают, что развитие отечественной военной культуры определяется взаимодействием четырёх векторов: государственная власть (политический режим), господствующая идеология (религия), общество и собственно вооружённые силы.

Роль материальной культуры в решении оборонных задач государства, в обеспечении безопасности нашей страны достаточно хорошо понятна и проработана. А вот духовная ветвь её — из-за чрезмерной идеологизации в советское время и кризиса идеологии после распада СССР — представляет сложную проблему. Но именно в ней содержатся возможные решения многих задач военного строительства.

Результаты исследования духовной формы культуры России однозначно показывают: военный человек должен быть Разумным и Нравственным. Что представляет собой наёмник на войне, Россия познала на собственном опыте уже в XVII веке. Наёмник

Исследования в области военной культуры России показывают, что инициаторами проведения реформ выступали, как правило, яркие личности.

нёс службу лишь тогда, когда ему платили, его можно было просто купить, ему нельзя было доверять полностью, его приоритетами были выживание и нажива. А ведь военная организация представляет собой иерархическую систему, которая обладает одним характерным свойством, — она принимает в целом свойства личности, которая её возглавляет. Вот здесь приходит на память традиция русских князей — воспитывать дружину личным примером.

Нравственные и боевые качества воина, в сумме именуемые честью, являются залогом победы или поражения. Система воспитания русских воинов складывалась веками, и не является секретом, что в её основе было христианство. Правда, немало было унаследовано из языческих времён — отношение к изменникам (смертная казнь), элементы военной демократии и прочее. Но эта система имела одну особенность — она действовала в продолжении всей жизни человека. В дореволюционный период система воинского воспитания была направлена в первую очередь на личность (кстати, очень многие из людей в погонах весомо заявили о себе в самых разных областях культуры), а в советское время — главным образом на воинский коллектив. Отсюда ясно, что новая система должна быть синтезирована из лучших достижений обеих предшествующих систем, и, видимо, другого пути здесь пока нет.

При ближайшем рассмотрении оказывается, что все военные реформы в истории России связаны между собой как звенья единой цепи, где упущение любого звена при попытке смоделировать будущее не позволит выйти на нужный результат.

И вот исключительно интересный факт. К военной культуре в нашей стране обратились в самое тяжёлое время — в годы Великой Отечественной войны. Да, именно тогда в СССР была сделана первая и последняя попытка прикоснуться к военной культуре России. В 1943 году была издана «История русского военного искусства» под редакцией генерал-майора Н.А. Таленского. В предисловии к первому тому (второй, к сожалению, не вышел — скорее всего,

Сегодня своё место в военной культуре России по праву занимают труды военных историков прошлого и русского зарубежья — ныне их наследие постепенно возвращается на Родину и входит в научный оборот.

по политическим соображениям) было подчёркнуто, что «сборник ставит своей задачей показать формирование русской армии и передовой русской военной культуры».

Книга эта представляет большую библиографическую редкость — её тираж составил всего 18 экземпляров. Стоит отметить, что Красная армия сумела победить вермахт и его союзников, обратившись к военной культуре дореволюционной русской армии.

Поскольку исследования не только в области действующей военной культуры в советское время были невозможны, но и будущее также не было объектом широкого исследования (политическая система была слепа в отношении будущего). Теперь мы ясно видим то, что переживают вооружённые силы в постсоветский период. А ведь это можно было предвидеть...

Сегодня своё место в военной культуре России по праву занимают труды военных историков прошлого и русского зарубежья — ныне их наследие постепенно возвращается на Родину и входит в научный оборот. Их творчество почти целиком укладывается в понятие «военная культура», поскольку творческая мысль за рубежом работала в широком диапазоне без каких-либо цензурных ограничений (ровно как царя или военного министра) и дала богатые плоды, которые только в наше время могут быть изучены в России.

Краткий исторический и историко-этнографический обзор отечественного военно-исторического наследия показывает:

— наличие большого «белого пятна»: никем фундаментально не исследовалась (по крайней мере в советское время) роль религии в воспитании воинства, хотя её роль в формировании нравственного облика защитников Отечества не подлежит сомнению;

— также малоизученным представляется отношение общества к своим вооружённым силам на разных этапах развития России: от отношения общества к войне, которую ведёт государство, зависит многое, и прежде всего — дух армий и, как следствие, успех её действий. Кроме того, общество даёт вооружённым силам не только людские резервы, но и свежие идеи;

— традиционно в России сложилось, что её армия решала две задачи: она воспитывала гражданина и воина (кстати, эту задачу решала и армия советского времени);

— колоссальнейший пласт исследований отечественной культуры продолжает находиться в русском дальнем зарубежье. Того, что сделано, ещё явно недостаточно для проведения духовной конверсии и для строительства новой модели воинского воспитания. Военная культура русского зарубежья является прямым продолжением дореволюционной военной культуры России.

При изучении военной литературы прошлого современный российский офицер невольно задаётся вопросом: а как до революции обходились в армии без воспитательных органов? Ларчик открывается просто: каждый офицер был воспитателем и учителем своих солдат. Это обстоятельство сближало офицера и солдата, было одной из основ крепкой дисциплины.

Повторимся: проблематика военной культуры охватывает собой материальную, физическую и духовную сферы деятельности человека. Автор полагает, что под этим углом зрения следует рассматривать и деятельность государства, общества и собственно вооружённых сил, при этом особую значимость играет господствующая идеология, которая формирует духовный потенциал нации. Следовало бы отметить физическую и материальную культуру русской армии, но эти

предметы достаточно освещены литературой, вышедшей уже в наши дни, поэтому мы о них упоминать не будем.

Для нас сегодня наиболее актуальным является исследование духовной составляющей военной культуры, и прежде всего — истории военной мысли, которая является чутким индикатором состояния военной культуры государства, общества и самих Вооружённых сил.

Очевидно одно: научный анализ проблем военной культуры необходим при формировании новых Вооружённых сил России и создании оптимальной системы воинского воспитания, и последнее — особенно актуально.

Между прочим, незнание истории отечественной военной культуры сказывается порой неожиданным образом. Известно, что изменения в политическом устройстве государства и общества заставляют переходить к новому типу армии — это достаточно чётко просматривается не только на примере истории нашего Отечества, но и на исторических примерах других стран. Эта истина не нуждается в доказательстве.

В своё время министр обороны Российской Федерации Игорь Сергеев с редкой прямоотой констатировал, что сегодня мы видим застой военной мысли, отсутствие эффективной системы воспитания и стагнацию военного образования.

Кризис культуры советского государства, необыкновенная острота и размах критики её идейных и нравственных основ, пробуксовка реформ породили крайне противоречивую ситуацию в стране.

С одной стороны, раскрепощение общественного сознания, плюрализм мнений и оценок, развитие демократических начал, открытые контакты

с Западом; с другой — размывание фундаментальных ценностей жизни народа, отечественной культуры и истории.

Выделяя социально-политический аспект этой проблемы, следует отметить, что наметившийся в результате поражения СССР в холодной войне разрыв времён, эпох, традиций и поколений уже сегодня принёс России огромный ущерб. Заметно разрушение национального менталитета и самобытности российского общества. В образовавшийся вакуум хлынул поток информации, призванный «вестернизировать» общественное сознание россиян, подготовить нас к восприятию идей «глобальной демократии».

По данным социологических исследований, в российском обществе значительно изменилось отношение к таким непреходящим духовным ценностям, как Отечество, патриотизм, верность героическим традициям, память павших за Родину, долг, честь, достоинство, готовность к самопожертвованию, уважение к отечественной истории и прочему. Резко сместились акценты в социально-нравственных ориентирах значительной части общества, особенно молодёжи: они стали не только более конъюнктурными, но и эгоцентристскими и даже антигуманными. На практике это проявляется в том, что многие молодые люди относятся к выполнению важнейших гражданских обязанностей безответственно, проявляют социальную незрелость и бездуховность, нетерпимость и даже агрессивность, одной из форм которой является быстро прогрессирующая подростковая преступность.

Безнравственность, захлестнувшая страну, негативным образом сказывается на дисциплине силовых структур, что осложняет защиту об-

щества, обеспечение безопасности не только границ нашего государства, но и нормальной, мирной жизни граждан в целом ряде регионов России и стран Содружества. В тяжелейшем положении оказались Вооружённые силы, испытывающие острый дефицит молодого пополнения. Армия и флот практически лишаются возможности удовлетворять самые насущные потребности в призывном контингенте как в количественном, так и особенно в качественном отношении. Об этом свидетельствуют результаты последних призывов на военную службу, проведение которых потребовало огромных усилий. Большие трудности вызывает и формирование офицерского корпуса Вооружённых сил, войск МВД и других органов обеспечения общественного порядка. Общество, важнейшие институты которого страдают столь тяжёлыми недугами, не имеет условий для нормального развития. На состоявшемся в августе этого года заседании коллегии Генпрокуратуры главный прокурор России Сергей Фридинский заявил, что хотя «уровень дедовщины в армии уменьшается, но интенсивно растёт количество убийств, число которых с начала года возросло на 53%, вдвое взяточничества, на 27% — незаконного оборота наркотиков». Причиной тому послужило сокращение в армии должностей замполита и психолога, которые проводили необходимую работу со срочниками и офицерами.

Президент Владимир Путин на встрече с представителями общественности по вопросам духовного состояния молодёжи и ключевым аспектам нравственного и патриотического воспитания отметил, что «никто системно этим не занимается». Да, работа эта непростая, — подчеркнул президент, — и если она будет формальной, то убьёт конечную цель на корню, с первых шагов, как это, к сожалению, произошло с почившим в бозе Советским Союзом».

Для того чтобы в полную силу действовать и эффективно использовать потенциал отечественной военной культуры с целью создания новой системы воинского воспитания,

Для нас сегодня наиболее актуальным является исследование духовной составляющей военной культуры, и прежде всего — истории военной мысли, которая является чутким индикатором состояния военной культуры государства, общества и самих Вооружённых сил.

прежде всего необходимо объединить всех способных учёных в какую-то единую организацию, построенную на адаптивном принципе: создании института проблем военной культуры, что позволит объединить под одной крышей лучших специалистов и развернуть широкий фронт научных исследований с целью:

- консолидации всех сил общества, способных благотворно влиять на строительство Вооружённых сил, привлечение их к этому процессу;
- проведения духовной конверсии — раскрутки умов от сложившихся стереотипов, как в армии, так и в обществе;
- разработки оптимальной модели воинского воспитания в интересах силовых структур и создания оптимальных систем связи общества и Вооружённых сил;
- внедрения в армию достижений военной культуры, необходимых для формирования и укрепления воинского духа;
- налаживания военно-просветительской работы в обществе, в том числе военно-культурологической под-

готовки гражданских специалистов: музейных работников, военных преподавателей, школьных учителей и преподавателей специальных учебных заведений и прочего;

- регулярного выпуска периодического издания, а также научно-популярной и учебно-методической литературы по военной проблематике;
- разработки конкретных моделей воспитания разных военных специалистов.

Военные специалисты высокого класса считают, что мы вступаем в эпоху новых войн. В военном деле назревает коренной переворот, которого не видят лишь «отупелые буквоеды старой военной доктрины», уже отжившие свой век.

Военная наука не стоит на месте, близок тот момент, когда вся современная стратегия и тактика отойдёт в область истории вместе с армией, породившей их. Война примет совершенно новые формы. Будущие войны будут вестись новыми способами и средствами.

/Владислав ШУРЫГИН/

Время генерала Хрулёва

Фото: из личного архива Анатолия ХРУЛЁВА

...Когда пуля раздробила кость ноги, генерал Хрулёв, как обычный пехотинец, почти в упор бил из «калаша» по грузинским «спецназовцам», затаившимся в паре десятков метров в густом кустарнике у дороги, где для рекогносцировки остановился БТР командующего.

Грузины были и впереди, и с боков, и сзади. Это был настоящий «слоёный пирог»! И это было смертельно опасно, но только так можно было заставить противника смешать карты, растеряться, остановиться. Потому что и для грузин русские были и спереди, и с боков, и сзади! И грузины не знали, сколько их, этих русских. Полк? Бригада? Дивизия?

В неистовой огненной кутерьме непрерывного двухсуточного боя всего две батальонные тактические группы Хрулёва прорвались в Цхинвал, связав

боем наступающие грузинские бригады, перемешались с ними, громя тылы, сбивая блок-посты, обрезая коммуникации, атакуя то тут, то там.

...Страшный удар по ноге, и только одна мысль: «Как не вовремя!»

Время!

Время было главным мерилем всех этих неимоверно тяжёлых двух суток. Каждая минута, каждый час, выигранные у противника, были не просто на вес золота — на вес победы! А это в тысячу раз важнее всех богатств Земли.

За его спиной, по змеиным кольцам серпантина «транскама» — транскавказской магистрали, через пропасти и перевалы Большого Кавказского хребта, к командарму шли его полки и дивизии. Колонны забирались всё выше и выше, уходили в облака и там, на заоблачной высоте, с рёвом и грохотом окунались в затянутый соляровым чадом тоннель — дорогу на другую сторону хребта. Лучи фар резали непроглядный сизый чад сотен прошедших через «дырку» танков, «бэтээров», «бээмпэшек», «Уралов», «КамАЗов». Механики, ухватившись снопами света за едва различимую корму идущей впереди машины, как слепцы за плечо идущего впереди, шли сквозь гору и, вырвавшись из неё, очумелые, угоревшие, уходили вниз, к Джаве, к Цхинвалу.

Колонны шли к своему командарму, а тот должен был выиграть время до их подхода. Должен был выиграть время, чтобы они развернулись в боевой порядок, оцетинились сотнями стволов за накатами брони, стали грозной непобедимой силой.

Но для этого нужно было время! И почти двое суток генерал Хрулёв своими семью сотнями бойцов «танцевал», словно мангуст перед грозной коброй, удерживая на месте наступающую десятитысячную грузинскую группировку, не давал ей одним смертельным броском вцепиться в мирный Цхинвал, убить его, обратить в руины.

Осталось совсем чуть-чуть! Всего несколько часов. Уже передовые полки прошли Джаву и вышли к гүфтинскому мосту...

Как же не вовремя прилетела эта пуля!..

Рассказывает Анатолий Хрулёв:

— ...Я нисколько не сомневаюсь, что в плане нападения на Южную Осетию при выборе срока грузинским командованием и их советниками учитывалось всё, и дата нападения выбиралась очень тщательно. Это был отработанный план, в котором были учтены все нюансы. Даже то, где находилось военно-политическое руководство страны, в каком состоянии была система управления Вооружёнными силами, кадровые перестановки. Всё это было учтено. К тому же начиналась Олимпиада. Всё внимание было приковано к ней. Очень точно, момент был выбран очень точно, и я уверен — выбран не грузинами. Вспомните, какая организованная информационная кампания была развёрнута по всему миру сразу после начала войны? Это что, могла организовать Грузия? Я знал их военное руководство — там был свой уровень мышления, а тут было совсем другое мышление, другая школа. Это сегодня советники отрешиваются: мол, мы ничего не знали, — но поражение всегда сирота. Понятное дело, никто не рвётся стать автором проигранной войны.

Фото: из личного архива Анатолия ХРУЛЁВА

Генерал Анатолий ХРУЛЕВ. Ханкала.

Готовя эту войну, учитывая все факторы, грузинские генералы и их советники не учли главного: того, что мы постоянно внимательно следили за ситуацией и, несмотря на «среднюю температуру по больнице», это была полоса ответственности 58-й армии. Поэтому мы переиграли противника. Завершив учения и зная, что грузины продолжают непонятные манёвры силами и средствами, что ситуация неоднозначная, тревожная, — некоторые соединения и части нашей армии не вернулись в казармы, а остались в горах на подходе к Рокскому тоннелю. Это две батальонные тактические группы (БТГр) от двух мотострелковых полков с их командирами и группами управления общей численностью чуть больше семисот человек. Обе были хорошо рассредоточены, замаскированы и полностью укомплектованы людьми, техникой, боеприпасами, топливом. Именно они решили исход операции...

К сожалению, уникальный опыт грузинской кампании был незаслуженно отброшен, герои этой войны: солдаты и офицеры 58-й армии, командование армией и округом, — обоганы несколькими бездарными авантюристами, прорвавшимися по причуде кремлёвских интриг на вершину военной пирамиды. Эти господа, утратив в первые же часы конфликта управление войсками, совершив целый ряд грубейших ошибок, распившись в полном непрофессионализме, после победы, добытой кровью и волей, решили просто переписать историю, присвоив себе все лавры и обогав солдат и офицеров, добывших победу.

Начальник генерального штаба Николай Макаров — генерал, который НИ РАЗУ В ЖИЗНИ не был ни на одной войне, не провёл ни одной реальной боевой операции, ни разу не слышал свиста пуль

над головой, — повесил себе на грудь орден Святого Георгия. Причём в нарушение положения о статусе ордена, который запрещает награждение высшей степенью ранее низшей — сразу второй степени. «За победу над Грузией».

Не грех вспомнить «заслуги» этого «полководца» в той войне.

Можно вспомнить, как господин Макаров после начала войны умудрился до 6 утра 8 августа тянуть с отдачей ВВС директивы на начало боевых действий, из-за чего были потеряны драгоценные часы. Как следствие, нашей авиации пришлось «включаться» в ведение боевых действий уже в самых невыгодных условиях, когда грузины знали, что Россия начала боевые действия, и силы ПВО Грузии были в полной готовности к отражению налётов. Высокий уровень потерь российской авиации объясняется в том числе и цейтнотом, в котором оказались ВВС из-за поздней отдачи команд на применение. Господин Макаров несёт личную ответственность за гибель наших лётчиков!

Можно вспомнить и о том, что штаб ВДВ получил директиву на применение вообще одним из последних. И войска, которые по своему предназначению должны быть авангардом российской армии, в Южную Осетию заходили в арьергарде...

Апофеозом «военного гения» господина Макарова стало требование девятого августа собрать ему на совещание к «кунгу» спутниковой связи воюющих комбатом, чтобы он им сам лично ставил задачи из Москвы по радио.

Фактически всю войну с Грузией вытащил на себе Северо-Кавказский военный округ, кото-

рый своими силами смог сокрушить грузинскую военную машину. При этом Генштабом не было организовано взаимодействие между видами Вооружённых сил. ВВС, Сухопутные войска и ВМФ действовали почти независимо друг от друга. Взаимодействие было налажено только с армейской авиацией, и то лишь потому, что между командованием 58-й армией и командованием армейской авиацией существовали личные дружеские отношения, так что вопросы авиационной поддержки решали просто по сотовому телефону...

Потом господин Макаров цинично заявлял, что война с Грузией вскрыла неготовность армии к этой войне: «Офицеров, способных управлять войсками в конфликте России с Грузией, пришлось искать поштучно по всей армии... Потому что те штатные командиры, которые, просидев и прокомандовав «бумажными полками и дивизиями», просто были не в состоянии решать вопросы, возникшие в ходе «пятидневной войны», — на голубом глазу поведал Макаров. — Когда им дали людей и технику, они просто растерялись, а некоторые даже отказались выполнять задачи».

Можно вспомнить и как бывший министр обороны на ЦКП, не зная, чем заняться, топтался у карты района боевых действий и, разглядев на ней знакомый символ, периодически подзывал к себе офицеров ЦКП:

— Вот тут на карте мост, давайте по нему чем-нибудь нае...м!

Но Хрулёв тогда всего этого не знал.

Он вёл свою войну. И эта война шла не за метры территории, не за рубежи и районы, а за часы и минуты.

Фактически всю войну с Грузией вытащил на себе Северо-Кавказский военный округ, который своими силами смог сокрушить грузинскую военную машину.

При этом Генштабом не было организовано взаимодействие между видами Вооружённых сил.

Рассказывает Анатолий Хрулёв:

— ...Умение чувствовать противника — очень важное умение для командующего. Если ты не чувствуешь противника, то добиться победы очень сложно. До вечера девятого августа грузины вели активные действия, пытались переломить ситуацию, захватить инициативу, атаковали, и вообще в них чувствовался азарт, но к вечеру стали выдыхаться. Всё больше стало хаотичных перемещений, всё меньше координации.

Фото: Аркадий БАБЧЕНКО

Из них словно выпустили воздух. Видимо, до них стало доходить, что время упущено, всё больше российских войск входит в Южную Осетию, и первоначальное превосходство в силах и средствах развеивается как дым, а задачи так и остались невыполненными. 10-го числа наступил перелом. Грузинские части первого эшелона, наступавшие на Цхинвал, начали отходить.

Две БТР выполнили свою задачу! Они не дали грузинам полностью захватить Цхинвал и подготовить его к обороне. Фактически БТР продемонстрировали ту самую «сетевую войну», о концепции которой так много говорят сегодня. Батальоны действовали в отрыве от основных сил, которые за их спиной совершали марш через Кавказский хребет, втягиваясь в Южную Осетию и разворачиваясь в боевые порядки. Разделившись на отдельные группы из состава БТР, часто без обеспечения флангов, компенсируя это мобильностью, постоянно ведя разведку, нащупывая в обороне грузин бреши, они наносили удары в самых уязвимых местах. Такая тактика фактически ослепила грузин, связала противника боем и позволила выиграть время до подхода основных сил.

Когда-нибудь слушатели военных академий будут на занятиях изучать уникальный опыт этой операции, когда всего две батальонные тактические группы — СЕМЬСОТ!!! солдат и офицеров, двадцатка орудий и танков — на протяжении двух суток не просто сковывали боем превосходящую их в ДЕСЯТЬ РАЗ группировку грузинских войск, а навязывали ей свою волю, вынуждали переходить к обороне, судорожно окапываться и отходить.

При этом на той стороне были не какие-то там сборные полупартизанские отряды, а обученные американскими инструкторами, вооружённые по самым современным натовским стандартам соединения, которыми командовали профессионалы, прошедшие подготовку в лучших американских и израильских военных академиях, высокомотивированные на победу офицеры и генералы.

Такую армию остановить могли только профессионалы высочайшего класса. И именно профессионализм солдат и офицеров 58-й армии стал тем ноу-хау, которое помогло разгромить агрессора.

Рассказывает Анатолий Хрулёв:

— ...Я понимал, что если грузины разберутся и поймут, сколько нас, то просто сомнут и уничтожат. На их стороне было полное превосходство. Причём не только численное. У них была новейшая техника, отличная связь, прекрасная организация. Это были обученные и хорошо подготовленные части, и глупости сегодня говорят те, кто называет грузинскую армию опереточной. Это был очень серьёзный и опасный противник. И я несколько не преувеличиваю. Да, были боевые действия в Чечне, но это нельзя сравнивать. Там были бандиты, организованные, но банды, которые могли ударить из засады, но не могли вести полноценные боевые действия против регулярной армии. А здесь противник был умный, упорный, пытающийся навязать свою схему боевых действий, имеющий самое современное оружие и отлично подготовленных солдат. У меня на глазах грузинские танкисты из засады с первого выстрела уничтожали движущиеся на небольших открытых участках на высокой скорости легковые автомобили. Настоящие снайперы! Наша артиллерия больше десяти минут на одной позиции не находилась, потому что у грузин были отличные средства разведки и отработана контрбатарейная борьба. Уже через пятнадцать минут после открытия огня на то место, откуда стреляла наша артиллерия, сыпались грузинские снаряды. Лишь раз артиллеристы ошиблись — и тут же понесли потери. Погиб командир батареи. Шёл бой, пехота просила поддержки огнём, и он с одного и того же места выполнил стрельбу по второй задаче. Сразу после этого стал уходить, но уже не успел и попал под огонь. Четыре машины ушли, он на пятой выйти не успел...

— ...Я понимал, что если грузины разберутся и поймут, сколько нас, то просто сомнут и уничтожат. На их стороне было полное превосходство. Причём не только численное. У них была новейшая техника, отличная связь, прекрасная организация.

И воевать с таким противником можно было, только ломая все шаблоны, навязывая свою инициативу, не давая ему опомниться, наносить ему удары мелкими подразделениями на нескольких направлениях. Ведя постоянную войсковую разведку, искать разрывы в боевых порядках, так как не может быть сплошной линии боевых действий. Всё это было присуще действиям в горах давным-давно, но до некоторых только сейчас дошло.

Поэтому, сбив грузин с моста, отбросив их к Тарашени, я принял решение разделить БТР на отдельные ротные группы, а иногда и взводные, и вот этими группами максимально «растаскивать» грузин, сковывать их боем, дерзкими и молниеносными действиями: нанёс удар — ушёл, нанёс удар — ушёл. И заставлять их переходить к обороне. Внутрь

Задумайтесь: семьсот против девяти тысяч!

Двое суток! И не просто оборонялись, закопавшись намертво в кавказские предгорья, а вели манёвренную войну, вырывая инициативу у противника, навязывая ему свою волю, вынуждая его терять время и темп...

Но для самого Хрулёва в том, что он делал, не было ничего героического. Он просто выполнял свою работу. Делал то, что умел хорошо, — воевал! Громил врага. Вся его предыдущая жизнь была дорогой к этим двум дням августа 2008 года. Тридцать семь лет службы, неспешный путь от командира танкового взвода до командующего 58-й армией, служба в Чехословакии, Туркестане, Сибири, на Кавказе. Две академии, чеченская война...

Хрулёв — это квинтэссенция всего лучшего, что входит в понятие русского, советского офицера. Десятки гарнизонов, переезды, полигоны, учения, бивуачный быт — полное самоотречение, жизнь службой, жизнь, отданная своей стране, — вот его жизнь, его судьба.

Но Хрулёв не любит пафоса, сторонится громких слов. Война для него — это, прежде всего, огромная работа. Без надрыва, без лишних эмоций, без глупого азарта — работа! Непрерывная оценка обстановки, прокручивание в голове фактов и данных, постоянный перебор вариантов, принятие решений и огромный волевой «драйв» доведения решений до стадии выполнения. Работа!

И вспоминая эти дни, Анатолий Николаевич неизменно вспоминает тех, кто его учил, кто помог стать профессионалом:

Рассказывает Анатолий Хрулёв:

— ...Я действовал в постоянном контакте с командующим округом генерал-полковником Сергеем Афанасьевичем Макаровым. Он находился на ЦКП армии, и это сильно помогло делу, оперативно и быстро решались все вопросы, связанные с принятием решения, а также по организации взаимодействия с частями и соединениями округа. Таких вопросов было множество, и в эти напряжённые часы Сергей Афанасьевич продемонстрировал свои самые лучшие качества руководителя и организатора.

Война для Хрулева — это, прежде всего, огромная работа. Без надрыва, без лишних эмоций, без глупого азарта — работа! Непрерывная оценка обстановки, прокручивание в голове фактов и данных, постоянный перебор вариантов, принятие решений и огромный волевой «драйв» доведения решений до стадии выполнения.

им, что нас много, что мы со всех сторон подходим. Не давать им прийти в себя и нарушать их управление. Вести постоянное воздействие подразделениями и огнём.

Для этого нужно было иметь прекрасно обученный личный состав и отлично подготовленных командиров. И могу сказать с гордостью: солдаты и офицеры 58-й армии с этой задачей справились. Немаловажную роль здесь сыграли патриотизм, морально-психологический дух, верность присяге и идеалам страны, уверенность в своей правоте и готовность на подвиг.

Несмотря на достигнутую внезапность, несмотря на широкое участие советников и инструкторов, несмотря на высокую обученность войск и хорошее вооружение, грузинская армия была разгромлена...

Фотографии: из личного архива Анатолия ХРУЛЁВА

В успехе действий 58-й армии огромная заслуга бывшего командующего округом, Героя России, генерала армии Александра Ивановича Баранова. Блестящий военный руководитель, высокоэрудированный, грамотный, умный, он за годы своего командования проделал огромнейшую работу, повышая боеготовность частей и соединений округа, обучая и воспитывая нас, подчинённых. Александр Иванович вложил много сил и здоровья в наше обучение, помогал и советом, и делом практически, а не теоретически. Все учения проходили только на штатной технике, в составе штатных подразделений. От взаимодействующих структур участвовали только люди, которые имели право принимать решения и отдавать указания подчинённым, а не наблюдатели и советники. В результате техника и вооружение, несмотря на то, что прошли две кампании, были исправны, укомплектованы, боеготовы, личный состав обучен действовать при вооружении, а офицеры имели опыт и навыки в управлении боевыми действиями.

Всю тяжесть управления, принятия решений и организации взаимодействия сил и средств видов и родов Вооружённых сил в ходе войны на юго-осетинском направлении взял на себя главнокомандующий Сухопутными войсками, генерал армии Болдырев Владимир Анатольевич — с прибытием на ЦБУ в штаб 58-й армии. Такая работоспособность присуща только высокоорганизованным внутренне, грамотным и имеющим боевой опыт военачальникам.

Сегодня мы много говорим о необходимости коррекции военной реформы. Но при этом не прекращаются споры о том, как же провести эту коррекцию? Что взять за образец?

В августе 2008 года мы провели сложнейшую военную операцию по принуждению Грузии к миру. Но вместо серьёзного анализа боевых действий были сделаны громкие заявления о том, что война якобы выявила неготовность наших Вооружённых сил к этой войне и что негативный опыт этой войны стал толчком к реформе. Но ведь это не так! Именно существовавшая тогда организация Сухопутных войск, структура «округ — армия — дивизия» и обеспечили успех

в этой крайне сложной военной кампании. Прежде всего потому, что на всех уровнях было выстроено боевое управление и каждая «ступень» занималась своим делом, что отработанная в ходе многолетних поисков, основанная и на опыте двух чеченских войн структура ЧПГ, частей постоянной боевой готовности, — проявила себя с самой лучшей стороны.

Сегодня настало время сказать правду о той войне. Воздать должное нашим солдатам и офицерам, проявившим подлинный героизм и продемонстрировавшим лучшие качества русского воинства. И, воздав им должное, сделать правильные выводы из той войны. Выучить, наконец, её уроки. Возможно, тогда мы сможем понять, как же нам реформировать нашу армию...

Фото: из личного архива Анатолия ХРУЛЁВА

Анатолий ХРУЛЁВ с Геннадием ТРОШЕВЫМ. Северный Кавказ.

Двадцать девятого января этого года в Российской академии наук состоялась презентация нового журнала «Изборский клуб», в котором приводится полный текст доклада «Стратегия «Большого рывка» как итог первой важной работы клуба.

Александр АЙВАЗОВ.

Когда рухнет доллар? —

Орел: Изд-во типографии «Труд», 2012. — 328 с.

История идей не менее увлекательна, чем история людей. Идеи тоже переживают периоды зарождения, роста, расцвета, а большинство — старения и смерти. Но далеко не все.

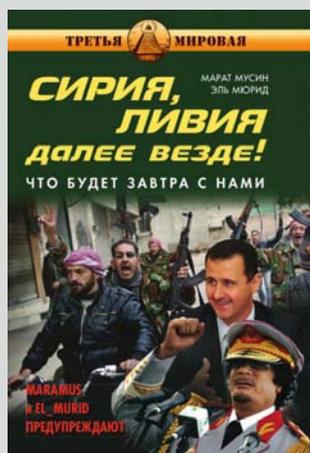
Например, Периодическая система химических элементов Д.И. Менделеева — идея нестареющая и бессмертная.

Александр Айвазов замахнулся ни много ни мало — на создание периодической системы мирового капиталистического развития. Эта система появилась из родившейся буквально на наших глазах и стремительно расцветающей концепции глобальных технологических укладов, созданной усилиями Д.С. Львова, С.И. Глазьева и японского экономиста О. Кадзуси.

Пока она — как и в случае с Менделеевым — носит сугубо эмпирический характер, поскольку неясно, взаимодействие каких «субатомных частиц» экономики формирует наблюдаемые процессы.

Но то, что подобные вопросы уже возникают и неминуемо будут поставлены в самом ближайшем будущем, — не вызывает никаких сомнений.

Что же касается ответа на вопрос, поставленный на обложке книги, то автор отвечает на него просто: доллар рухнет тогда, когда на смену 5-му технологическому укладу придет 6-й и США вследствие этого утратят роль «глобального лидера», которую они играли на протяжении более чем столетия.

Марат МУСИН, Эль МЮРИД.

Сирия, Ливия. Далее везде! Что будет завтра с нами.

(Серия «Третья мировая»). —

М.: Книжный мир, 2013. — 240 с.

Авторы книги приходят к парадоксальному, но подкреплённому не просто железной, а легированной логикой выводу: события Арабской весны являются результатом провала модернизационных проектов исламской цивилиза-

ции — провала, ставшего очевидным после прекращения геостратегического соперничества «атлантического» Запада и Советского Союза вследствие уничтожения последнего и «перформативирования» всех мировых трендов.

США, оказавшиеся после 1991 года в реальной роли «глобального лидера», используя религиозный авторитет и финансовые возможности Саудовской Аравии, а также «нефтяных» монархий Персидского залива, решили демонтировать модернизационные проекты в странах уммы, а социальную энергию, которая высвободится в ходе этого разрушения, бросить против своих геостратегических конкурентов: не только Китая и России, но также Индии и Европы.

Арабская весна стала вторым — после событий 11 сентября 2001 года и вторжений в Афганистан и Ирак — этапом такого демонтажа. После его завершения, связанного с необходимостью уничтожения Сирии, Ирана и, вероятно, Турции, скорее всего, наступит третий этап — совместная агрессия США и мусульманских «фундаменталистов» против указанных выше «центров силы». И начнут — с России.

Алексей ИСАЕВ.

Освобождение. 1943. «От Курска и Орла война нас довела...» — М.: ЭКСМО, 2013. — 544 с.

История, в отличие от точных наук, не знает «решённых вопросов», всегда оставаясь «открытой системой» и допуская различные интерпретации наличной фактологии, от взаимодополняющих до взаимоисключающих.

Соответственно, в связи с задачами исторического исследования (и конкретного историка) его фактологическая база может претерпевать существенные изменения.

Открытие отечественных военных архивов после почти полувекового режима секретности, по каким-то соображениям личного порядка устро-

енного Хрущёвым и поддержанного при Брежневе, даёт возможность нового прочтения событий 1939–1945 годов, и Алексей Исаев — один из тех историков нового поколения, которые этой возможностью весьма плодотворно воспользовались.

Его уже известные исследования того, как на Курской дуге и на других фронтах летом 1943 года произошёл коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны, в данном издании обобщены и дополнены рядом новых, ранее не публиковавшихся материалов.

Василий ГАЛИН.

Политэкономика войны. Как Америка стала мировым лидером. — М.: Алгоритм, 2013. — 400 с.

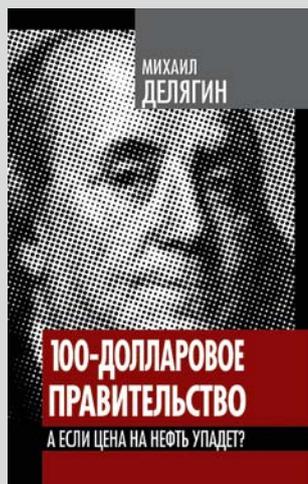
Автор продолжает цикл исследований по политэкономическим причинам и последствиям Второй мировой — один из самых содержательных в доступной литературе.

Распространённое мнение о том, что именно США «организовали» и провели целую череду масштабных конфликтов XX столетия: от американо-испанской войны 1898 года до Второй мировой, — Василий Галин в целом подтверждает. Но — с необходимыми уточнениями и дополнениями, которые вместо абстрактной «империи зла» дают достаточно чёткую и полную кар-

тину того, как американских политиков «вели» мировые финансовые «центры силы», постепенно и последовательно раскрывая перед ними заранее подготовленные рубежи «глобального лидерства».

Ключевым моментом этого процесса, несомненно, оказалась Великая депрессия и связанный с ней «новый курс» Франклина Рузвельта. Именно они «расчистили поле» для нынешней «империи доллара», на страже которой стоит вся информационно-пропагандистская и военно-политическая машина Соединённых Штатов.

Михаил ДЕЛЯГИН**100-долларовое правительство. А если цена на нефть упадет? –**
М.: ЭКСМО, 2012. – 208 с.

В своей новой книге видный экономист и публицист Михаил Делягин рассуждает о проблеме, которая волнует всех российских граждан. Не секрет, что нынешнее состояние нашей страны напрямую зависит от нефтедолларов; вся политика правительства Д. Медведева строится из расчёта высокой цены на нефть. Автор показывает на примерах и цифрах, что это означает для российской экономики и какие последствия для России будет иметь снижение нефтяных цен.

Среди других ответов в книге читатель найдёт ответы на такие вопросы, как: будет ли нефтяной апокалипсис; каковы могут быть сценарии экономической депрессии; в чем ошибочность нынешней политики РФ и политики времён Кудрина; зачем Стабилизационный фонд разделён на две части; нужна ли России прогрессивная шкала подоходного налога.

С точки зрения Делягина, при неблагоприятном сценарии могут вернуться такие социальные бедствия, как голод и разруха. И к этому ведёт политика, основанная на заблуждениях и корысти. Фактически либеральный клан встал на тропу войны против остатков экономического суверенитета России. Очередной этап разрушения его – медведевская приватизация, суть которой не афишируется, а всячески скрывается. (Дело Pussy Riot, по мысли Делягина, как и другие медийные скандалы, суть «операции прикрытия» этой политики.)

В заключение своей книги экономист излагает альтернативный сценарий и основы иного политического курса: новой промышленной политики новой России; использование метода авторитарной модернизации, который Делягин называет «неосталинизмом»; нормализации социальной и культурной жизни народа.

Александр ДУГИН**Путин против Путина. Бывший будущий президент. –**
М.: Яуза, ЭКСМО, 2012. – 320 с.

В своей книге известный мыслитель Александр Дугин размышляет о феномене Путина и стоящих перед современной Россией вызовах. Согласно Дугину, придя к власти, президент Путин совершил подвиги, достойные Геракла, – предотвратил распад России, замирил Кавказ, обезглавил «пятую колонну», «равноудалил» олигархов, прекратил «пресмыкаться перед Западом». Все эти исторические шаги он предпринял в первые два года своего президентства. Но потом его активность пошла на спад, а «путинский прорыв» сменился новым застоём. Очень много сделал для России, Путин ещё больше не сделал. Почему президент упустил уникальный исторический шанс стать спасителем Отечества и навсегда вписать своё имя в историю? Что помешало ему отказаться от проклятого ельцинского наследия и разорвать «либеральную» удавку на горле страны?

Путин отбивал контратаки, которые последовали со стороны потерпевших в результате его реформ, ведя на внутриполитическом фронте арьергардные бои. Эти контратаки были очень серьёзные, и в значительной мере по ряду параметров Путину пришлось либо остаться на месте, либо даже несколько отступить.

Есть ли шанс, что, переизбравшись на третий срок, он вернёт себя прежнего – того Путина, что выполнит своё историческое предназначение, став собирателем новой евразийской империи? Сегодня Путину надо сделать усилие, чтобы отыскать в нашем обществе пласт реальной контрэлиты. Либо надо искусственно взрастить её, либо перевербовать часть эффективного менеджмента в политико-государственный сектор. Без нового витка ротации элит стране грозит коллапс. Сейчас для Путина переломное время.

Хронология мероприятий клуба

Фотографии: Василий ПРОХАНОВ

21–23 декабря 2012 года

Прошло выездное заседание Изборского клуба в Ульяновске, посвящённое примирению «красного» и «белого» проектов отечественной истории, а также созданию в Ульяновске Музея СССР.

По итогам заседания принято совместное обращение губернатора Ульяновской области Сергея Морозова и председателя Изборского клуба Александра Проханова к Президенту Российской Федерации Владимиру Путину о подготовке к празднованию 100-летия СССР.

В рамках заседания состоялась презентация новой книги Александра Проханова «Поступь русской Победы».

3 января 2013 года

Выступление Александра Проханова в программе «Позиция» с Сергеем Королёвым на РСН.

«Изборский клуб — это детище инноваций. Как инноваций со стороны власти, так и инноваций со стороны патриотически настроенной части российского общества».

14 января 2013 года

«Проблемы и перспективы «русского космоса» — такой была тема обсуждения Изборского клуба в корпорации «Рособщесмаш» с участием Олега Бакланова, Жанна Зинченко, Артура Усенкова и других ведущих специалистов отечественной космической отрасли.

23–24 января 2013 года.

Поездка председателя Изборского клуба Александра Проханова в Республику Молдова и Придне-

стровскую Молдавскую Республику с выступлениями в Кишинёве и Тирасполе.

Из выступления Александра Проханова в Международном медиаклубе «Формат-А3» (Кишинёв): «Каждая молекула растерзанного русского пространства вопиёт. Россия в своих бедах и тяготах тоскует о государстве. И не просто о государстве, но о государстве могучем, державном. Не просто о Державе, но о великой Империи, долгожданном «Пятом Царстве», грядущем на смену четырём исчезнувшим. Эти четыре Империи позволили русскому миру прожить тысячелетнюю жизнь, не сгореть в мировых пожарах, не кануть во вселенских потопах. Донести до сегодняшних дней заповедный смысл, великую русскую тайну — «формулу бессмертия»: вот задача Изборского клуба.

29 января 2013 года

Состоялась презентация первого номера журнала «Изборский клуб» в Российской академии наук.

Заместитель главы Всемирного Русского Народного Собора протоиерей Всеволод Чаплин сообщил, что собор намерен сотрудничать с «Изборским клубом».

Новости 1-го канала: «Изборский клуб предлагает стратегию рывка для современной России...»

Россия-24: «По мнению авторов документа, у нашей страны есть все необходимые ресурсы для мобилизационного проекта развития...»

Комментарий председателя Изборского клуба Александра Проханова: «Этот рывок должен мобилизовать нас, как всегда он мобилизовывал Россию в часы опасности, в часы угроз. Мы должны опять стать сильным народом, готовым отстоять свой суверенитет и предложить миру новую русскую модель развития».

На презентации доклада «Стратегия «Большого рывка» в Российской академии наук.

На фото (слева направо): Ш. Султанов, А. Проханов, С. Глазьев, В. Аверьянов.

Слева направо — протоиерей Всеволод Чаплин и иерей Дмитрий Шмелёв.

Слева направо — «Изборяне» А. Нотин и С. Батчиков.

Война и любовь Виктора Верстакова

Фото: Борис КАРПОВ

Виктор Глебович ВЕРСТАКОВ — лауреат литературных премий имени Б. Полевого, А. Твардовского, К. Симонова, А. Платонова, М. Лермонтова, И. Бунина, «Традиция» и ряда других. Автор пятнадцати книг стихов, прозы и публицистики, посвящённых героизму и быту советских и российских воинов. Полковник запаса, член правления Союза писателей России.

Родился в 1951 году в семье офицера-фронтовика. После окончания Военно-инженерной академии имени Ф. Дзержинского служил на подземном объекте в Подмоскowie, затем был переведен в военный отдел газеты «Правда». Неоднократно выезжал в горячие точки, включая Афганистан и Чечню, награждён медалью «За боевые заслуги» и орденом Почета с формулировкой «За достойное выполнение интернационального и служебного долга в Республике Афганистан».

В КОРОТКУЮ ПЕСНЮ НЕ ВЕРЬТЕ

От боя до боя не долго,
не коротко, лишь бы не встать.
А что нам терять, кроме долга?
Нам нечего больше терять.

И пусть на пространствах державы
весь фронт наш — незримая пядь.
А что нам терять, кроме славы?
Нам нечего больше терять.

Пилотки и волосы серы,
но выбилась белая прядь.
А что нам терять, кроме веры?
Нам нечего больше терять.

Звезда из некрашеной жести
восходит над нами опять.
А что нам терять, кроме чести?
Нам нечего больше терять.

В короткую песню не верьте,
нам вечная песня под стать.
Ведь что нам терять, кроме смерти?
Нам нечего больше терять.

ДЕВЯТАЯ РОТА

Ещё на границе и дальше границы
стоят в ожидании наши полки,
а там, на подходе к афганской столице,
девятая рота примкнула штыки.

Девятая рота сдала партбилеты,
из памяти вычеркнула имена.
Ведь если затянется бой до рассвета,
то не было роты, приснилась она...

Войну мы тогда называли «работа»,
а всё же она оставалась войной.
Идёт по Кабулу девятая рота,
и нет никого у неё за спиной.

Пускай коротка её бронеколонна,
последней ходившая в мирном строю, —
девятая рота сбивает заслоны
в безвестном декабрьском первом бою.

Прости же, девятая рота, отставших:
такая уж служба, таков был приказ.
Но завтра зачислят на должности павших
в девятую роту кого-то из нас.

Войну мы опять называем «работа»,
а всё же она остается войной.
Идёт по России девятая рота,
и нет никого у неё за спиной...

ПЫЛАЕТ ГОРОД КАНДАГАР...

Пылает город Кандагар,
живым уйти нельзя.
И всё-таки Аллах акбар,
Аллах акбар, друзья.

Мне было тошно в жизни той,
я жить, как все, не мог.
Простился с верною женой:
Аллах акбар, дружок.

И над могилою отца
Заплакал, наконец:
твой путь пройду я до конца,
Аллах акбар, отец.

Аллах акбар! Горит песок,
и рушится скала,
и очередь наискосок
дорогу перешла.

Аллах акбар! Грохочет склон,
и перебит дозор.
Веди ж в атаку батальон,
Аллах акбар, майор.

Вы слышите, как мы поем
там, в цинковых гробах?
Ты видишь ли, как мы идём,
мы не свернем, Аллах!

А если кто-нибудь живым
вернётся в Кандагар,
его мы, может быть, простим:
ему — Аллах акбар...

ВОЙСКА НЕБЕСНОЙ ОБОРОНЫ

Святая Русская держава
в кровавый дым погружена.
Ее поруганная слава
земному взгляду не видна.

Исполосованы знамёна.
Но над изменой и враньём
войска небесной обороны
ещё глядят за окоём.

Дом Богородицы, Россия,
твои поля и города,
враждебной отданные силе,
горят от боли и стыда.

Полки, бригады, батальоны
отгородились от своих.
Войска небесной обороны
одни за мёртвых и живых.

И по невидимому следу,
не преклоняя головы,
святые ратники победы
сойдут из вольной синевы.

И незаконные законы
не одолеют Русь, пока
над нею держат оборону
её небесные войска.

НА НЫНЕШНЕЙ ВОЙНЕ

Быть может, смерть уже стоит у изголовья,
и утром навсегда расстанемся с тобой.
И всё-таки любовь останется любовью,
и всё-таки война останется войной.

Распахнуто окно ветрами Гиндукуша,
маячит за окном гражданская война.
Зачем в чужих горах мы сохранили душу?
На нынешней войне душа нам не нужна.

Усеяна земля осколками державы.
Куда ни сделай шаг — кровавые следы.
Не обрести в бою ни вечности, ни славы,
ни честного креста, ни жестяной звезды.

* * *

Война и любовь не бывают случайны,
а всё остальное случайно порой.
Смотрю на тебя, как на дивную тайну:
ты в мире одна, нет у Бога второй.

И эту улыбку, и волосы эти,
и эти глаза голубого огня
я видел во снах, нет подобных на свете.
Останься со мной, посмотри на меня.

Я слов не прошу. Я уже понимаю:
меня не спасут никакие слова.
Судьбу не случайную я принимаю.
Ты любишь другого. Ты тоже права.

Не встретились раньше, не встретимся позже,
так взгляды чужие хоть миг не лови.
Две наших любви друг на друга похожи,
случайно похожи две разных любви.

* * *

Как тихо умирает Русь...
Шумят враждебные столицы.
А в деревнях какая грусть,
какая скорбь легла на лица...

Не понимая, в чём вина,
живут и смотрят виновато.
Идёт гражданская война
и внуков требует в солдаты.

И гаснет свет — в глазах, домах,
и вечера пусты и серы.
И плачут за столом впотьмах
фронтовики-пенсионеры.

И одинокий луч луны
переползает удручённо
со снимков мировой войны
на самоклеяные иконы.

РУССКОЕ МОРЕ

Нам опять уходить в наше Русское море
из неправой страны, что Отчиной была.
Нам опять поднимать в одиноком
просторе на грот-стенгах несдавшиеся
вымпела.

Нам опять вспоминать скалы русского Крыма,
Севастопольский рейд и Малахов курган.
Нам опять объяснять то, что необъяснимо,
и сквозь слезы глядеть в Мировой океан.

Вот когда мы поймём наших прадедов горе.
Спорить с волею Божьей и мы не смогли.
Раз в три четверти века по Русскому морю
из России уходят её корабли.

ПРИЁМЫШИ

Ну что ж, теперь нам не ужиться.
Вы перешли рубеж стыда.
И ваши души, ваши лица
нам чужды будут навсегда.

Вы нами правили незримо.
Вам захотелось наяву
владеть наследницею Рима,
назвать рабынею Москву.

Не красота её и слава
больную воспалили плоть.
Вы ненавидели державу,
в которой не распят Господь.

Причмокивая сладострастно,
уже считали вы рабой
всю землю Русскую. Напрасно
не дорожили вы судьбой.

О нет, нам ваша кровь гнилая
и жизнь пустая не нужны.
Оставьте их себе, не зная,
как безнадёжно вы больны.

Но есть границы всепрощенью
и для приёмьшей-калек.
И вы поймёте их значенье
в сиротский двадцать первый век.

* * *

Горные посты в скалах Гиндукуша,
длинная, как жизнь, странная война.
Пули рвали грудь. Мысли рвали душу.
И рвалась в ночи первая струна.

Линия траншей через Приднестровье,
страшный, как во сне, Дубоссарский ров.
Кислое вино, смешанное с кровью
из разбитых губ, певших про любовь.

Рейды под огнём по горам Памира,
воины ислама с лентами во лбу.
Над шестой струной пулевые дыры.
Юный гитарист в цинковом гробу.

Песню допоём на снегах Кавказа.
Пусть не мы — она останется жива.
Нам уйти домой не было приказа.
Нам не петь нельзя: впереди Москва.

*«Горные посты в скалах Гиндукуша,
длинная, как жизнь, странная война.
Пули рвали грудь. Мысли рвали душу.
И рвалась в ночи первая струна»*

Мы исходим из того что Вооружённые силы России должны быть надёжным щитом от угрозы военной агрессии, и для этого их нужно строить не на основе «экономически обоснованного» военного бюджета, а на основе целостной доктрины национальной безопасности, в которой определён весь спектр существующих и перспективных угроз.